

[Polaris]

П. ДЖУНКОВСКИЙ

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Таинственные приключения европейцев
сто тысяч лет тому назад

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXXXIV

Salamandra P.V.V.

П. ДЖУНКОВСКИЙ

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

**Таинственные приключения
европейцев сто тысяч лет тому назад**

В дали времен

Том III

Salamandra P.V.V.

Джунковский П.

В глубь веков: Таинственные приключения европейцев сто тысяч лет тому назад (В дали времен. Том III). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 177 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССXXXIV).

Таинственное снадобье не менее таинственного индуса переносит чудаковатого профессора археологии Курца, его трусливого слугу, «всемирного гастронома» Иоганна, и племянников Ганса и Бруно в мир первобытного человечества. Кишащая смертоносными пиявками река отрезает им путь к возвращению...

Забывтый роман П. Джунковского «В глубь веков: Таинственные приключения европейцев сто тысяч лет тому назад» переиздается впервые.

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

**Таинственные приключения европейцев
сто тысяч лет тому назад**

I.

ТАНСТВЕННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ
СТО ТЫСЯЧЬ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

п. джунковский.

МОСКВА.

Типо-Литографія Ю. Венеръ преемн. О. Фалькъ
Петровка, Рахмановскій пер., д. Грачева.

1908.

Глава I

Дядя Карл дает объяснение непонятному случаю, после чего последний становится еще загадочнее.

Трехмачтовое малайское судно, местного сообщения, вот уже второй день как вышло из порта Паданга — на Суматре, направляясь в Мадрас.

В сущности, это был грузовик и несколько человек пассажиров, которые находились в настоящее время на борту «Волшебной стрелы», попали сюда совершенно случайно, только потому, что не хотели ожидать отплытия большого пассажирского парохода. Их было всего пять человек: четыре европейца и один индус.

Что касается экипажа судна, то он состоял исключительно из малайцев и нужно отдать им справедливость, у них было чему поучиться лучшим матросам европейских стран. Судно содержалось в образцовом порядке, а всевозможные маневры производились на нем с удивительной быстротой и умением.

Пользуясь почти попутным пассатом, «Волшебная стрела» плавно скользила вперед, слегка накренившись почти под всеми своими парусами.

Было чудное, раннее утро. Наверху, кроме вахтенных матросов да помощника капитана, сидевшего в своей рубке, не было никого, — палуба была совершенно пустынна и двум молодым людям, расхаживавшим взад и вперед между мачтами, казалось, будто они несутся на каком-то действительно волшебном и никем не управляемом судне.

Опершись на решетку правого борта, стоял здесь еще один из пассажиров — индус. Его стройная, немного сухощавая фигура, облаченная в пестрый национальный костюм, как-то невольно наводила юных европейцев на грустные размышления о печальной судьбе его угнетенной родины. Может быть, и сам он в эту минуту думал о чем-ни-

будь подобном, задумчиво глядя в беспредельную даль океана и, по-видимому, совершенно не замечая окружающих его предметов.

— Послушай, Ганс, — обратился по-немецки один из молодых людей к своему спутнику, — не находишь ли ты этого индуса удивительно странным существом? Вспомни, ведь он со вчерашнего дня, кажется, ни с кем еще не сказал ни слова. Даже дядя Карл потерпел поражение, желая завести с ним знакомство.

— Ну, дядя Карл выбрал очень плохой способ для того, чтобы сойтись с этим господином. За вчерашний день он уже успел, во первых, два раза наступить ему на ногу, а ты, конечно, понимаешь, что это мало способствует сближению людей, — во-вторых, все послеобеденное время он по рассеянности носил его шляпу вместо своей до тех пор, пока индус не прислал за нею юнгу из кают-компаний.

— А мне дядя говорил, что в истории со шляпой виноват сам индус.

— Уверяю тебя, Бруно, что если этот бедняга и виноват в чем-нибудь, — возразил Ганс, — так разве только в том, что у него голова одинаковой величины с дядюшкиной; но ведь в этом, согласишься, оба они виноваты по крайней мере одинаково. Ну, а что касается до этого господина, — продолжал Ганс, кивком головы указывая на индуса, — то я вовсе не нахожу его странным, а думаю, что он просто болен и, так же как и ты, совершает морскую прогулку для поправления здоровья. Вот тебе и все объяснение той таинственности, которую ты так упрямо отыскиваешь в самых обыкновенных вещах.

— А ты, Ганс, скорее готов придумать самое невероятное объяснение, которое храбро называешь — естественным, чем допустить в чем-нибудь хоть тень таинственности, — возразил Бруно с некоторой досадой.

Ганс улыбнулся, так как разговор, видимо, переходил на излюбленную тему вечных споров между молодыми людьми. В этих спорах Бруно всегда доказывал своему брату, что в природе есть много таинственного и недоступного человеческому разумению, — Ганс же, наоборот, утверждал, что

все, не исследованное еще наукой, вовсе не таинственно, а просто непонятно.

Из этого читатель видит, что оба спорили скорее о словах, чем о сущности, а потому и споры их тянулись обыкновенно по целым месяцам без всяких видимых результатов.

В настоящую минуту оба готовы были пуститься в один из таких бесконечных диспутов, как вдруг этому помешало совершенно неожиданное обстоятельство.

В тот момент, когда оба молодых человека повернулись спиной к невинному предмету их разговора, Бруно, как-то случайно обернувшись назад, с удивлением заметил, что позади индуса, очевидно, не замеченный этим последним, неизвестно откуда появился дядя Карл. К ужасу Бруно, он быстро наклонился, обхватил индуса у пояса и приподнял над решеткой борта. Пораженный молодой человек, желая помешать несчастью, бросился к дяде Карлу. Однако было уже поздно, — злополучный индус исчез за бортом судна в ту самую минуту, когда Бруно уже коснулся рукой плеча дяди. Но тут произошло нечто еще более странное. Почувствовав чье-то прикосновение, дядя вдруг обернулся и нанес Бруно столь сильный удар в грудь, что молодой человек, совершенно не приготовленный к чему-либо подобному, повалился на палубу и на минуту потерял сознание.

— Человек за бортом! — как-то нараспев, но совершенно спокойно прокричал со своей вышки матрос-малаец, услышавший падение в воду одного из бывших на палубе...

— Другой за бортом, — продолжал он тем же безучастным тоном, когда вслед за индусом бросился в воду и дядя Карл.

Здесь нужно сказать, что как раз в это время обернулся назад и Ганс. Он видел падение Бруно, но не заметил полученного им удара и думал, что брат, вероятно, поскользнулся; видя прыжок дяди Карла, он полагал, что тот бросился на помощь индусу, случайно упавшему в воду.

Окрик вахтенного недолго оставался без ответа. Послышались тревожные свистки боцмана, какая-то команда помощника капитана, топот ног бегущих матросов, и судно

вдруг точно ожило. Это вывело и Ганса из недоумения, в котором он находился.

Будучи истым спортсменом, он достиг совершенства во всевозможных физических упражнениях, а потому теперь, сбросив с себя верхнюю одежду, шляпу и башмаки, Ганс, недолго думая, кинулся за борт, что и не преминул отметить вахтенный новым бесстрастным окриком.

Через несколько минут судно лежало уже в дрейфе, а среди волн ныряла шлюпка, направлявшаяся на помощь пострадавшим.

Однако оставим ее пока в стороне и посмотрим, что случилось с Гансом.

В тот момент, когда он вынырнул из глубины волн на поверхность, ему удалось заметить одного из упавших за борт, а потому он и поплыл в этом направлении. Скоро он настолько приблизился к потерпевшему, что безошибочно узнал в нем индуса. Конечно, ему приятнее было бы видеть вместо него дядю Карла, но тем не менее, он предложил ему свои услуги, тем более что индус, видимо, терял уже силы.

— Ложитесь ко мне на спину, — сказал Ганс по-английски, обращаясь к утопающему, — эге, да вы ранены, у вас кровь на шее, — воскликнул он с удивлением.

— Да, я действительно ранен, — слабым голосом отвечал индус, — но прошу вас не говорить об этом никому.

— Хорошо, хорошо, но вам, кажется, дурно...

Действительно, индус вдруг умолк и побледнел. Видя, что он теряет сознание, Ганс подплыл под него так, что тот оказался у него на плечах и, поддерживая его таким образом, направился к шлюпке, которая в это время уже оказалась недалеко от них.

«Что за странная история, — думал Ганс, — каким образом умудрился этот чужак ранить себя, падая в воду... ну, да это объяснится потом», — и, не думая больше об этом, он поплыл навстречу уже близкой помощи.

Как ни быстро производился маневр остановки, все же «Волшебная стрела» успела отойти довольно далеко от места катастрофы, так что шлюпка подобрала Ганса и его бес-

чувственного товарища лишь через полчаса, после чего она снова пустилась на поиски, теперь уже за дядей Карлом, как то думал и Ганс и все бывшие с ним матросы.

Скоро на шлюпку было подобрано восемь буйков, выброшенных с судна в помощь упавшим в воду пассажирам, а дяди Карла все-таки нигде не было видно. Недоумение на шлюпке достигло крайних пределов, когда на мачте «Волшебной стрелы» неожиданно был поднят сигнал к возвращению.

Ганс не на шутку встревожился, хотя его и старались успокоить, уверяя, что его родственника, вероятно, подняли прямо на борт судна.

Как бы то ни было, но, повинуясь сигналу, шлюпка быстро направилась в обратный путь.

Посмотрим теперь, что происходило на палубе «Волшебной стрелы» с того самого момента, как Ганс бросился в воду.

Как только Бруно поднялся на ноги при помощи матроса и капитана, выбежавшего наверх при первых свистках тревоги, этот последний сейчас же приступил к расспросам.

— Скажите, пожалуйста, молодой человек, как все это произошло, кто первый упал в воду, — ваш дядя или господин Агадарас?

— Ах, господин капитан, я, право, не знаю, что и подумать обо всем этом, — отвечал едва пришедший в себя Бруно, — однако, мне кажется, что мой дядя вовсе и не падал в воду.

— Вовсе не падал в воду? — удивленно воскликнул капитан. — Но ведь это видели два матроса и вахтенный! Нет, вы просто, вероятно, еще не оправились после падения.

Бруно действительно имел какой-то растерянный, возбужденный вид.

— Конечно, может быть, я и ошибаюсь, — отвечал он, — однако это легко можно проверить — пошлите в каюту к дяде, — вот и все.

Убежденный тон этого ответа несколько поколебал уверенность капитана.

— Послать в каюту, конечно, не трудно, — согласился он, — но все же матросы и вахтенный не могли ошибиться.

Послав, тем не менее, за справками, он усадил молодого человека в кресло, а сам принялся наблюдать в подзорную трубу за ушедшей в море шлюпкой. Наконец посланный матрос вернулся и отрапортовал что-то своему начальнику на малайском наречии. Бруно не понял, конечно, его доклада, но по удивленному лицу капитана догадался, что дядя его действительно оказался в каюте.

— Непонятно, очень непонятно, — растеряно заговорил между тем капитан, обращаясь к Бруно, — знаете ли вы, ведь ваш дядя действительно оказался на месте, но поразительнее всего то, что ваш слуга или компаньон, мистер Иоганн, найден в его каюте связанным и с головой завернутым в одеяло.

Бруно вскочил от удивления при столь неожиданном сообщении.

— Боже мой, да что же там произошло? — воскликнул он с беспокойством, — пойдете туда скорее, капитан!

Оба поспешили вниз и, подходя к каюте дяди Карла, уже слышали, к немалому своему удивлению, что за дверью шли довольно крупные пререкания.

Когда же они вошли в саму каюту, то глазам их представилось весьма странное зрелище. Дядя Карл, полураздетый, завернутый в простыню, но все же с неизменными очками на носу, в позе древнегреческого оратора, стоял посредине комнаты, вытянувшись во весь свой огромный рост. Он величественно простер руку по направлению к маленькому, толстенькому человеку, который бессильно лежал в креслах, представляя картину полного недоумения, изнеможения и страдания. Это-то жалкое в данную минуту существо и был не кто другой, как злополучный Иоганн, занимавший при профессоре Курце и его племянниках бесконечный ряд должностей, от повара до казначея и от казначея до равноправного товарища по путешествию.

Дядя Карл был, очевидно, в страшном негодовании. Увидя вошедших, он был, очевидно, рад поделиться с кем-нибудь своими чувствами.

— Милостивые государи, — обратился он к ним, — вот вам образец жалкой трусости! Вот перед вами человек, который умудрился до того начинить свою фантазию всевозможными опасностями, что в конце концов, за неимением действительных приключений, создает мнимые! Знаете ли вы, что он хочет уверить меня, будто бы сегодня ночью на него напала толпа пиратов, он клянется, что был связан ими, но этого мало, он требует, чтобы я, — слышите ли, чтобы я — поверил всем этим бредням!

Господа, войдите в мое положение, я битых полчаса добиваюсь от него моего костюма, — только моего костюма, и он целый час заставляет меня щеголять Аполлоном Бельведерским!

— Но ведь его нет уже, господин профессор, — просто-напросто несчастный Иоганн, — клянусь вам, что ваш костюм похищен пиратами.

— Как! похищен пиратами! Вот этой еще глупости только и недоставало. Да слыханное ли дело, чтобы в двадцатом веке...

— Подожди-ка, дядя, дело-то, видишь ли, в том, что костюм-то твой в настоящую минуту, действительно, находится в волнах Индийского океана, — вмешался Бруно.

Профессор Курц даже подпрыгнул от изумления при этом неожиданном сообщении.

— В волнах океана, это еще что за новости, слышите ли вы, господин капитан, что за чепуху несут они оба!

— Позвольте, господин Курц, — заговорил капитан озабоченным тоном, — здесь, по-видимому, произошло действительно непонятное событие, — я даже думал, что и сами вы в настоящую минуту находитесь за бортом «Волшебной стрелы» и, признаюсь, чрезвычайно удивлен, найдя вас здесь.

На этот раз профессор был не только поражен, но даже испуган единодушием своих собеседников и в голове у него уже мелькнуло опасение за целостность их умственных способностей.

— Но, господин капитан, с какой же стати, согласитесь сами, полезу я за борт без всякой видимой к тому причи-

ны, — забормотал он, мигая глазами с видом полного недоумения.

— Да неужели же вы не слышали тревожных свистков на «Волшебной стреле?»

— А почему же я-то могу знать, какие свистки тревожные, а какие спокойные; и наконец, я первый раз слышу, что пассажиры, услышав тревожные свистки, обязаны очертя голову бросаться в воду!..

Кое-как капитану удалось наконец завладеть вниманием профессора и рассказать ему обо всем случившемся. Но едва ученый муж услышал, что Ганс находится в настоящую минуту в опасности, как не стал слушать дальше и, дополнив костюм Аполлона Бельведерского светло-серым европейским цилиндром, стремглав кинулся на палубу, сопровождаемый остальными собеседниками.

К счастью, там он мог уже успокоиться, так как в это самое время шлюпка подошла уже к «Волшебной стреле» и ее подымали на борт вместе с пришедшим в себя индусом. Ступив на палубу, этот странный человек сейчас же направился к Бруно и, к общему удивлению, горячо поблагодарил его за оказанную услугу.

— Милостивый государь, если вы и обязаны кому-нибудь благодарностью, то, конечно, скорее моему брату, но не мне,— отвечал Бруно.

— Я благодарил уже вашего брата, — возразил тот, — но... — прибавил он тихо, — люди иногда не видят того, на что устремлены их взоры. Поверьте, что вам я обязан на всю жизнь и, чем могу, постараюсь отблагодарить вас.

Пожав руку молодому человеку с необыкновенной теплотой для столь сдержанного человека, он удалился в свою каюту, оставив в глубоком удивлении всех, столпившихся на палубе «Волшебной стрелы».

— Ну, твой приятель действительно весьма странный человек, — задумчиво проговорил Ганс, обращаясь к брату.

— Ага, ты это наконец находишь, ну, мы об этом еще поговорим, а теперь пойдем-ка в каюту. Ты напитан водой, как губка, и тебе необходимо переодеться.

Говоря таким образом, Бруно увлек брата в каюту, чтобы помочь ему там привести себя в порядок.

Оставшиеся на палубе молчаливо толпились вокруг профессора и капитана, которые задумчиво стояли друг против друга.

Наконец ученый первый прервал молчание.

— Однако, как бы то ни было, а вещи-то мои все-таки кем-то похищены! — в раздумье проговорил он.

— Ага, надеюсь, что теперь вы не станете уже сомневаться в том, что сегодня ночью на меня было сделано отчаянное и решительное нападение пиратами, — жалобно заметил Иоганн.

— А я знаю только то, что в воду на моих глазах прыгнули три человека, а из воды мы подобрали только двоих, — мрачно проговорил бывший вахтенный.

Это замечание дало дальнейший ход расследованиям.

— Кого же не хватает на борту? — обратился капитан к своему помощнику.

— Господин капитан, я уже поверял людей, и на «Волшебной стреле» экипаж и пассажиры все находятся налицо.

Известие это сильно подействовало на суеверных матросов, тем более, что Иоганн насчитывал своих врагов в количестве, по крайней мере, пяти человек; следовательно, если третьего, бросившегося в воду, принять за обыкновенного человека, что, по мнению большинства, было весьма сомнительно, то все же четыре человека остаются загадкой. Не могли же они, в самом деле, скрываться на судне, которое было обыскано уже от клотика до киля!

Но всеобщее недоумение достигло крайних пределов, когда из моря, по указанию вахтенного матроса, был поднят последний из брошенных в воду буйков. К немалому изумлению всех присутствовавших оказалось, что на этом буйке лежал злополучный костюм профессора Курца. Он был продет между пробковым кругом и веревкой, причем в целостности оказались даже некоторые карманные вещи. Эта таинственная находка готова была уже убедить матросов в том, что на их судне творятся недобрые вещи и что в ближайшем

порту с их стороны будет благоразумней покинуть своего капитана, но, к счастью для этого последнего, профессор Курц выручил его из затруднения, дав всему происшествию самое естественное объяснение.

По его догадке, на «Волшебную стрелу», в ночь ее отплытия, забрались пять злоумышленников с целью, насколько удастся, ограбить судно. Ночью они связали несколько пустых бочонков и буксировали этот плот на канате. Четверо из них поместились на плоту, а пятый пошел за добычей, но, придя на палубу с первым транспортом, он увидел, что плот отвязался и уплыл в море. Тогда этому господину оставалось, конечно, одно, а именно, позаботиться о своем собственном спасении.

— Что он и сделал, как сумел, — победоносно закончил господин Курц.

— Пожалуй, что вы и правы, — согласился капитан, не веривший ни одному слову из этой гипотезы и заботившийся только о том, чтобы успокоить матросов.

— Но неужели же разбойники решились бы плыть по океану на таком плоту? — недоверчиво заметил один из них.

— Фу, какой же вы простофиля, — воскликнул с презрением нетерпеливый ученый, — да неужели же вы не догадываетесь, что вслед за нами из Паданга вышла их шхуна, или джонка, или что-нибудь в этом роде. Не беспокойтесь, все эти молодцы преспокойно плывут теперь восвояси на своем собственном судне.

Матрос, выразивший сомнение, не только был убежден этим доводом, но даже и сконфужен столь вероятным и простым объяснением. Один из его товарищей выразил было недоумение по поводу профессорского костюма.

— Как вы можете не понимать таких простых вещей? удивился господин Курц. — Костюм мой нужен был вору только для того, чтобы незамеченным добраться до палубы, а затем он сбросил его, чтобы легче было плыть, укрепил же он его на буйке просто машинально, вот вам и все, — что может быть проще и естественнее этого?

Уверенный тон профессора, неудача двух первых оппонентов сделали свое дело, — матросы поверили этой гипотезе и сами наперерыв пустились объяснять все случившееся в этом направлении; но был здесь на палубе один человек, который, так же как и капитан, сомневался в верности умозаключений ученого мужа, и этим неверующим оказался не кто другой, как сам Иоганн. Произошло это потому, что по мере успокоения он начал припоминать и, наконец, окончательно вспомнил, что нападение на него было сделано не пятью, как он говорил со страху, а только одним человеком; однако, не желая пускаться в неприятные объяснения, он умолчал об этом и, таким образом, гипотеза профессора была принята окончательно.

Прямым и естественным последствием утреннего события был визит, сделанный индусом дяде Карлу и его племянникам незадолго до обеда.

Оставаясь сдержанным по отношению к другим, он делал видимое исключение для Бруно, к которому относился с необыкновенной теплотой.

Вслед за этим визитом Бруно, в свою очередь, посетил своего загадочного знакомого, с которым и провел весь остаток этого дня.

Вечером Ганс заметил, что брат его как-то особенно молчалив и задумчив и это обстоятельство несколько встревожило его, тем более что следующий день Бруно так же, почти сплошь, провел с индусом и расстался с ним только тогда, когда «Волшебная Стрела» вошла наконец в гавань Мадраса и пассажирам пришлось переменить ее каюты на номера гостиницы.

При помощи Иоганна профессор Курц совершил этот переезд довольно благополучно, то есть не забыв на судне ничего, если не считать двух-трех незначительных вещей, взятых им под свое личное наблюдение.

Через час все четверо сидели уже вокруг стола, уставленного немалым количеством холодных блюд, на которые Иоганн поглядывал с мечтательной нежностью, распределяя в своем воображении порядок, в каком было бы наиболее приятно поужинать, не пропустив ни одного из них.

Впрочем, не с меньшим вниманием отнеслись к ужину и другие путешественники, за исключением разве одного Бруно, который ел без аппетита, а вид имел чрезвычайно рассеянный.

Утолив первый приступ голода, дядя Карл откинулся на спинку своего стула, вытер губы салфеткой и с загадочной улыбкой обратился к остальным со следующими словами:

— Ну, господа, итак, мы наконец в Мадрасе; теперь я считаю своевременным сообщить вам, почему я так настаивал включить этот город в план нашего путешествия. Правду вам сказать, он-то и составляет для меня почти главную цель поездки — и вот почему.

Приятель мой, профессор Вагнер, которого все вы прекрасно знаете, сообщил мне, что во время своего путешествия по Индии, ему случилось открыть недалеко от Мадраса целый ряд пещер, служивших, как он полагает, жилищем доисторическому человеку. Он уверял меня, что до него ни одна живая душа не проникала в эти древние обиталища и что в них хранится неоценимый научный материал. Серьезная болезнь помешала ему заняться исследованием этих памятников минувшей жизни и принудила его вернуться на родину; но, узнав, что мы собираемся совершить настоящее наше путешествие и не рассчитывая сам побывать в этих местах, он предложил мне извлечь оттуда все, что только найдется там ценного, с тем, чтобы совместно с ним заняться разработкой этого материала.

Вы, конечно, поймете, что таких предложений не заставляют делать по два раза, а потому окрестности Мадраса снились мне в продолжении всего нашего странствования, пока мы не очутились наконец здесь.

Со мной должна быть карта профессора Вагнера, если только Иоганн не забыл ее уложить в мои чемоданы...

— Вы, вероятно, изволили забыть, господин профессор, — почтительно прервал Иоганн своего господина, — что сами запретили мне, чуть не под страхом смертной казни, прикасаться к этой карте; но все же по совести могу сказать, что не будь меня, — преспокойно лежала бы теперь

ваша карта в Германии, в Нюрнберге, на Н...ской улице, в доме № 42, на столе в вашем кабинете.

— Скажите, пожалуйста, какая удивительная точность! Уж не хотите ли вы намекнуть таким образом на то, что я способен забыть свой собственный адрес? — с раздражением воскликнул ученый муж.

— Всякий человек может, если хочет, иметь свои собственные достоинства и недостатки, — философски-спокойно отвечал Иоганн, — я же хотел только сказать, что это как раз тот самый адрес, по которому нам следует возвращаться на родину и, если только здесь для кого-нибудь интересно знать мое мнение, то я скажу, что чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше. Бруно, слава Богу, уже поправился, хотя, конечно, и не потому, что мы вот уже второй год не можем найти себе места на всем земном шаре; Ганс спас утопающего колдуна и выручил меня на островах Фиджи от лютой смерти на зубах людоедов, чего же еще может желать человек, мечтавший о приключениях; я, кроме ужаса окончить свои дни в желудке невежественного дикаря, был еще, сверх того, приколотен пиратами; наконец, вы, господин профессор, смело можете сказать, что на земле нет такой части света, где бы вы не забыли какой-нибудь вещи. Значит, можно считать, что мы наконец добились своего и взяли от путешествия все, что могли.

— Послушайте, любезнейший Иоганн, — запальчиво воскликнул Курц, вы прекрасно готовите бесчисленное множество аппетитных блюд и, может быть, вправе гордиться вашим искусством, но это не дает вам права молоть всякий вздор о каких-то утерях, которые, если и случались, то по вашей же вине. Что же касается островов, на которых вы могли быть съедены, то должен вам сказать, что они называются не Фиджи, где мы не встречались с антропофагами, а Маркизскими...

— Ах, господин профессор, неужели же вы полагаете, что для человека, который очутился в желудке дикого, может служить утешением то, что он твердо знал название того места, где это случилось?

— Позвольте, позвольте, господа, — вмешался в разговор Ганс, — все эти пререкания, может быть, очень интересны для вас, но они, к сожалению, ни на шаг не подвигают вперед наших планов. Вместо того, чтобы тратить время на эти споры, я советовал бы вам обратить ваше внимание вот на этого господина, — продолжал он, указывая жестом на Бруно, который в глубокой задумчивости сидел над своей тарелкой и, по-видимому, совершенно не слышал того, что происходило вокруг него.

Замечание это сразу изменило направление разговора. Несмотря на то, что споры, подобные настоящему, превратились для дяди Карла и для Иоганна в закоренелую привычку, тем не менее, оба спорщика неизменно прекращали их, если речь заходила о здоровье Бруно. Поэтому и теперь они разом перешли к этому вопросу, и бедный Бруно был выведен из своей задумчивости целым потоком посыпавшихся на него расспросов. Словно пробужденный от сна, он растеряно поглядывал на всех, совершенно недоумевая, кому и как отвечать.

— Вот этого только и недоставало! Да неужели же ты и в самом деле снова захворал, — с крайним беспокойством воскликнул господин Курц.

— О, что касается этого, — заметил Ганс, — то ты, дядя, можешь совершенно успокоиться, — здоровье Бруно находится в прекрасном состоянии.

— Ага, тогда я понимаю, в чем дело, — мрачно заметил Иоганн, — чем угодно отвечаю, что дело идет о волшебном индейце, в присутствии которого на честных людей обрушиваются неизвестно откуда взявшиеся пираты, скрывающиеся потом в морской пучине без всякого следа.

— Да, да эта догадка, пожалуй, будет поближе к истине, — улыбаясь, заметил Ганс, — не правда ли, Бруно?

Тот, в свою очередь, ответил брату улыбкой, поняв наконец причину суматохи, поднятой Гансом.

— Ну что ж, так и быть, признаюсь, — проговорил он весело, — оба вы с Иоганном одинаково проникательны.

— Да говорите же наконец так, чтобы вас мог понять здравомыслящий человек, — воскликнул дядя Карл, решив

тельно не понимавший полунамеков, которыми обменивались между собой его собеседники.

— Ну изволь, дядя, я объясню тебе все в двух словах. Ты знаешь, что мы с Гансом всегда спорили по поводу таких явлений, которые наука с ее наличными ресурсами до сих пор не может объяснить удовлетворительно.

— А, так значит, дело идет не более как о всегдашних твоих фантазиях на мистические темы, — успокоенным и несколько небрежным тоном заметил господин Курц, — и охота тебе, Бруно, возиться со всей этой чепухой?

— Подожди, дядя, не торопись; ведь я не называю же чепухой какой-нибудь черепок, который ты отыскиваешь на раскопках и с которым возишься потом по целым месяцам; почему же ты не хочешь допустить, что непонятные явления природы могут быть так же точно предметами изучения?

— Это совсем другое дело, — наставительно возразил профессор археологии, — мои черепки пишут для мира историю человечества, а какой-нибудь индийский факир служит лишь для того, чтобы расстраивать твои нервы и воображение.

— Ну, конечно, опять то же вечное и единственное возражение, которым с неизменным усердием угощает меня и Ганс; однако в настоящее время в моих руках, если только я не ошибаюсь, находится могущественное и неопровержимое доказательство противного; и, может быть, с помощью этого орудия, случайно попавшего в мои руки, я помогу тебе легче и вернее заглянуть в доисторическое прошлое человечества, чем это можно сделать при помощи всех твоих черепков вместе взятых.

— Послушай, Бруно, — заговорил профессор Курц, видимо, начиная снова раздражаться, — объяснись-ка ты попроще, так как до сих пор я еще решительно ничего не понимаю.

— В сущности, дядя, в словах моих нет ничего непонятного, — повторяю: я имею основание думать, что обладаю средством оторвать всех нас от настоящего времени и перенести в глубину самых отдаленных времен, с тем, чтобы

ты воочию мог взглянуть на тот таинственный мир, который до сих пор изучаешь лишь по едва приметным следам его...

Дядя Карл, наклонив голову набок, как это делают иногда птицы, видимо, очень старался над тем, чтобы понять своего племянника, но наконец он безнадежно заморгал глазами и растерянно объявил, что все же не понимает до сих пор, в чем дело.

— Ах, дядя, да неужели же ты не понимаешь таких простых вещей, — иронически воскликнул Ганс, приводя тем самым еще в большее смущение господина Курца, — я вот с двух слов понял брата. Слушайте, я растолкую вам все самым обстоятельным образом. Дело в том, что мой добрый братец, заручившись протекцией своего волшебного приятеля, предлагает нам чуть-чуть изменить наш обыкновенный способ путешествия следующим образом: до сих пор мы объезжали различные страны, — он же советует нам скитаться по различным прошедшим эпохам и векам истории, — так, например, вместо того, чтобы ехать на мыс Доброй Надежды, мы можем отправиться ко временам возведения египетских пирамид; поездку в Австралию нам можно будет заменить экскурсией в эпоху столпотворения вавилонского, а может быть, пробраться даже и ко временам всемирного потопа, чтобы поплавать на его волнах вместе с Ноем, ведь для того, чтобы попасть пассажирами на его ковчег, нам стоит только прикинуться двумя парами чистых или нечистых животных и дело в шляпе.

По мере того, как Ганс продолжал свою болтовню, лицо дяди Карла становилось все более и более недоумевающим и недовольным.

— Да-с, — продолжал между тем Ганс, — вы, конечно, и сами понимаете, какое огромное преимущество заключается в таком способе путешествия: во-первых, нам не придется платить за проезды по железным дорогам и на пароходах, во-вторых...

— Ах, да перестанешь ли ты, наконец, когда-нибудь шутить, — с раздражением прервал его профессор, — неужели же, Бруно, ты и самом деле хотел сказать глупость, хоть

сколько-нибудь похожую на ту, которую вот уже пять минут несет твой любезнейший братец!

— Послушай, дядя, — спокойно отвечал Бруно, — для того, чтобы доказать нелепость моей затеи, вам стоит только пожертвовать пятью минутами вашего времени, вот и все; жертва, как видишь, небольшая.

— Вот это первые разумные слова, которые я слышу из уст этого закоренелого мистика, — воскликнул Ганс. — Послушай, дядя, мы непременно должны согласиться на этот опыт, несмотря на всю его нелепость; если мы не попадем посредством заклинаний Бруно в доисторические времена, то мы, наверное, раз навсегда вылечим его от этого увлечения всем чудодейственным.

Ввиду столь важной цели, каковой являлось излечение Бруно от мистических наклонностей, господин Курц сдержал гнев, который готов был уже прорваться наружу.

— Любезный друг, — обратился он к Бруно, — вся эта чепуха, очень вероятно, чрезвычайно забавляет тебя, но я очень прошу не забавлять этим меня, так как я и так достаточно занят. Можешь делать твои опыты, когда и где тебе угодно, я решительно против этого ничего не имею, а сейчас нам надо решить вопрос о том — едем ли мы завтра на поиски за катакомбами, или же отложим нашу поездку на послезавтра!

— Позвольте, позвольте, господа, — заговорил вдруг молчавший до сих пор Иоганн, — к сожалению, в этой игре есть и моя доля и притом, кажется, довольно печальная. Я, как вам известно, облечен фрау Курц — вашей мамашей, господи, и вашей сестрицей, господин профессор, — некоторыми наставлениями и указаниями касательно нашего путешествия, да и сам заинтересован в этом деле, а потому покорнейше прошу ответить мне на следующий вопрос. Предположим на одну минутку, что наперекор неверию господина профессора и Ганса, затея Бруно каким-нибудь нечаянным образом возьмет да и осуществится. И вот мы действительно попадем, — ну хотя бы во времена Ноя, но только не в ковчег, что, пожалуй, было бы еще полбеды, а прямо в волны всемирного потопа. Так вот я и спрашиваю вас, как

нам придется поступить тогда для спасения нашей жизни?!.. Да и вообще, я хотел бы знать, сможем ли мы, забравшись так далеко в прошедшее, дожить до наших собственных времен, чтобы вернуться когда-нибудь к себе, в Нюренберг.

— О! на этот счет, милый Иоганн, вы можете быть совершенно покойны, наше возвращение к настоящему времени так же обеспечено, как и переход ко временам прошедшим, — успокоительно отвечал Бруно.

— Ну, вот видите, — шутливо заметил Ганс, — у нас все предусмотрено и вам положительно нечего опасаться. А теперь отложим пока вопрос о путешествии по вновь открытому способу Бруно Курца и поговорим о путешествии при помощи обыкновенных способов.

Бруно, давно уже привыкший к шуткам брата и относившийся к ним очень добродушно, не находил нужным распространяться далее о своем предложении и потому речь пошла теперь исключительно о предстоящих поисках столь интересных катакомб, на которые некогда набрел профессор Вагнер.

Разговор на эту тему затянулся, и в этот вечер Ганс не успел уже хорошенько расспросить брата о сущности его опыта, хотя и предполагал было это сделать.

Отъезд решен был на завтра, а потому необходимо было хорошенько отдохнуть. Вот почему, через час после ужина, все наши путешественники уже покоились мирным сном, запасаясь силами для предстоящей им экскурсии.

Впрочем, засыпая, Ганс попытался разобраться в том странном происшествии, которое случилось с ними на «Волшебной стреле»; хотелось ему также уяснить себе: какого рода связь установилась между индусом и его братом, на которого, по-видимому, он оказал столь сильное влияние; но чем больше Ганс думал об этом, тем больше приходил к заключению, что дядя Карл своими объяснениями совершенно запутал всю эту историю. С этой мыслью молодой человек и заснул, рассчитывая, что само время рассеет туман, окутывающий все случившееся с ними на малайском судне.

ГЛАВА II

Поездка к пещерам профессора Вагнера. Неудачный опыт Бруно.

а другой день, часам к десяти утра, наши путешественники были уже милях в восьми от города, подымаясь по предгорью бесконечными полями хлопчатника и неуклонно направляясь к северо-западу.

Дядя Карл весьма величественно рисовался верхом на коне. Эту простую, но необыкновенно тряскую лоша-

шадь можно было считать не более ни менее, как алтарем, на котором в настоящую минуту профессор приносил человеческую жертву своей излюбленной науке, археологии. Рядом с ним, в буквальном смысле слова, скакал на своей лошадке Иоганн, старавшийся при помощи растопыренных локтей поймать равновесие, ежеминутно ускользавшее от этого недостаточно опытного кавалериста. За ними следовал проводник-туземец, ехавший рядом с вьючной лошастью. Наконец, Бруно и Ганс составляли арьергард.

Братья, словно позабыв о вчерашнем разговоре, весело болтали о совершенно посторонних предметах.

— Знаешь ли, милый Бруно, сегодня утром я сделал весьма интересное открытие: оказывается, что лавры профессора Курца не дают спать нашему Иоганну, вследствие чего он также решил прославиться в ученом мире.

— Да ты что же, шутишь или говоришь серьезно? — с улыбкой спросил Бруно.

— И не думаю шутить. Сегодня утром, во время укладки вещей дядя, схватил какую-то толстую тетрадь, сунул ее мне в руки и, уверяя, что это какие-то его записки, которыми он особенно дорожит, просил меня спрятать их в одном

из наших чемоданов. Я как-то машинально открыл их и на первой странице, к удивлению своему, прочел следующее заглавие: «Всемирная гастрономия или искусство есть у всех современных народов, усвоенное собственными опытами Иоганна Дикка из Нюрнберга». А! Как это тебе понравится?

— Да ведь это, должно быть, прелюбопытное произведение, — заметил Бруно.

— Еще бы, во всяком случае, Иоганн думает именно таким образом, потому что, застав меня за перелистыванием своего сочинения, он не только не смутился, а наоборот, очень снисходительно обещал мне объяснить все те места, которые в его ученом труде окажутся выше моего понимания.

— Ну, значит, в этом отношении он очень похож на дядю Карла, который тоже с большим удовольствием читает всем свои археологические исследования.

— И при этом совершенно не справляется о том, — составляет ли это чтение кому-нибудь из слушателей хотя бы половину того удовольствия, которое испытывает сам автор!...

Болтая таким образом, наши путешественники довольно быстро подвигались вперед.

Местность, по которой они ехали, по мере приближения их к горной цепи Восточных Гатов становилась мало-помалу возвышенной и более пересеченной. Ко времени обеда они миновали довольно значительный поселок и остановились на покато́сти, украшенной группами красивых деревьев. Выбрав тенистую лужайку, они остановились для отдыха и обеда, которым, конечно, как и всегда в таких случаях, занялся Иоганн, и на этот раз не ударивший лицом в грязь. Положим, что выючная лошадь оказалась наполовину занятой его кулинарной лабораторией и ее препаратами, но зато в этот день Иоганн превзошел все, даже самые смелые ожидания своих спутников. В течение часа он смастерил на воздухе, в довольно пустынной местности, прекрасный обед из четырех блюд, причем на последнее подал не более ни менее, как мороженое. Можно себе предста-

вить, как были поражены такой неожиданной роскошью наши путешественники, утомленные знойным солнцем Декана.

— О, Иоганн! — восклицал Ганс, с наслаждением глотая прохладительное блюдо, — в Нюрнберге я готов посвятить один вечер в неделю на то, чтобы в память о сегодняшнем мороженом слушать чтение вашей знаменитой «Всемирной гастрономии»!

— Но скажите же, каким образом сохранили вы лед в этой невыносимой бане? — с непритворным изумлением спрашивал дядя Карл.

— Мороженое, господин профессор, при современном умственном развитии европейца и при настоящих успехах науки, более не требует льда для своего приготовления. Одно слово, господа, объяснит вам все: в Мадрасе я случайно имел возможность достать жидкий воздух!

— Вы великий и гениальный человек, Иоганн, — в Нюрнберге я готов слушать вас по два раза в неделю, если, конечно, тому не помешают обстоятельства, — предусмотрительно оговорился Ганс, принимая от Иоганна, кажется, третью порцию мороженого...

Роскошное угощение Иоганна, относительная прохлада возвышенности, и, наконец, продолжительный отдых почти совершенно восстановили силы утомленных путешественников.

Ганс развернул прекрасную карту местности и, указав на ней пройденный за день путь, с общего согласия наметил вечерний привал. Ночь решено было провести под открытым небом, потому что местность, в которую им предстояло теперь углубиться, мало-помалу становилась гористой и пустынной и отыскивать здесь какое-нибудь жилье, значило бы потратить понапрасну немало времени. Действительно, когда, отдохнув после обеда, караван снова тронулся в дальнейший путь, то вплоть до самого вечера ему не встретилось ни одного поселка, а если и попадалось отдельно стоящее жилье, то только лишь в виде какой-нибудь полуразрушенной хижины или жалкого покинутого шалаша.

К вечеру утомленные путешественники набрали на прекрасную горную лужайку, с трех сторон окаймленную прекрасным нагорным лесом. Площадка эта служила подножием новому горному подъему и в обнаженных, обрывистых напластованиях его Ганс открыл довольно обширную и удобную пещеру, которой и решили воспользоваться для ночлега, тем более, что тут же, недалеко, протекал ручеек чистой и прохладной воды.

Было уже около семи часов вечера, когда Иоганн снова принялся за свои научные опыты по кулинарии, как говорил о его стряпне Ганс. Дядя Карл, совершенно разбитый тропической жарой и утомительным переездом, с наслаждением растянулся на мягкой траве, а Ганс и Бруно принялись деятельно устраивать ночлег.

Найденная Гансом пещера представляла огромный каменный навес, образованный мощным пластом известняка, из-под которого вода вымыла более рыхлую, зеленоватую глину; обвалившиеся глыбы образовали внешнюю стену этой пещеры, оставив свободными несколько проходов, полузаросших кустарниками и ползучими растениями.

Благодаря песчаному дну пещеры, ее каменным стенам и гладкому потолку, она отличалась той девственной чистотой и опрятностью, которой всегда характеризуются места, не загрязненные еще присутствием животной жизни; когда же братья развели в ней костер, устроили постели из мха, покрытого коврами и одеялами, а длинный кусок обвалившегося пласта превратили в стол и вместо стульев подкатали к нему несколько каменных обломков, то помещение приняло весьма комфортабельный вид.

Окончив работу, молодые люди вышли из пещеры и, в свою очередь, прилегли немного отдохнуть.

Тропическая ночь уже глядела на землю своими бесчисленными яркими звездами, сверкавшими в темной и таинственной глубине безлунного неба.

Расположившись среди густой, душистой травы, братья наслаждались теперь той приятной бодрящей свежестью, которая особенно сильно ощущается молодыми организмами после утомительно-жаркого дня, сменившегося отрад-

ной прохладой ночи. Некоторое время оба лежали молча. Наконец Бруно первым обратился к брату.

— Ну что же, Ганс, попробуем мы сегодня произвести мой опыт? Я считаю особенно подходящей для него ту обстановку, в которой мы находимся в данное время.

— Ах Бруно, Бруно, да неужели же ты и в самом деле придаешь всему этому хоть тень вероятия? — с печальной укоризной спросил Ганс.

— Да, да, — с живостью заговорил Бруно, — ты, хотя и случайно, но совершенно верно определил мой взгляд на это дело, — да всему этому я придаю только тень вероятности и она-то меня и беспокоит, потому что я боюсь тех последствий, которые даст опыт, если эта тень превратится в действительность.

— О, если тебя останавливает только это, то я советую не откладывать опыта в долгий ящик. Твое увлечение всей этой каббалистикой, правду сказать, начинает меня тревожить и чем скорее ты разочаруешься, тем для тебя будет полезнее. Если тебе интересно знать мнение дяди Карла, то я могу сказать, что взгляды наши на этот предмет совершенно сходны. Сегодня утром я говорил с ним по этому поводу и оба мы пришли к заключению, что тебе, тем или иным способом, раз навсегда нужно отделаться от мистицизма, чему, как я думаю, немало будет способствовать и твой опыт.

— Ну что ж, пусть будет так; уж если вы с дядей Карлом никак не можете отнестись к этому делу иначе, так уж я считаю себя не ответственным за последствия опыта...

Как раз в этом месте разговор братьев был прерван радостным окриком Иоганна, который торжественно приглашал всех «пожаловать к ужину».

Проголодавшиеся путешественники, конечно, не заставили Иоганна повторять это заманчивое приглашение и скоро все, не исключая и проводника, разместились уже вокруг каменного стола, который к довершению комфорта оказался не только освещенным двумя стеариновыми свечами, но даже был накрыт совершенно свежей, белоснежной скатертью. Однако главную прелесть сервировки, конечно,

составляли два горячих блюда, распространявших по всей пещере приятный аромат, при содействии которого аппетиты присутствующих начинали принимать фантастические размеры.

Освещение дополнялось двумя кострами, пылавшими у наиболее широких проходов в пещеру, и при их ярком, колеблющемся свете вся картина этой полудикой, полуцивилизованной обстановки приобретала какой-то странный характер, знакомый лишь одним путешественникам по малокультурным странам.

— Ах господа, господа, — с шутливым упреком проговорил Бруно, обращаясь к дяде и брату, — неужели же даже теперь, глядя на эту скатерть-самобранку, у вас повернется язык отрицать существование всего чудесного!

— Бруно, ты победил! я не только начинаю верить в чудеса, но и сам хочу попытаться представить вам образчик хотя бы, например, сверхъестественного аппетита, — отвечал Ганс. — Думаю, что требовать большего от вновь обращенного ты пока не станешь.

Все уселись вокруг каменного стола и за ужином, который был начат веселыми шутками братьев, не преминули подробно обсудить план действий на завтрашний день, так как дядя Карл и Ганс на основании карты, составленной Вагнером, уже к полудню рассчитывали добраться до таинственных катакомб, открытых ученым другом профессора Курца.

Наконец, ужин был окончен. Проводник поднялся с места и отправился к лошадям, так как намеревался провести ночь поближе к ним, на открытом воздухе.

Наши друзья остались одни.

Тогда Бруно принес небольшую шкатулку и вынул из нее несколько предметов, которые по внешнему виду скорее можно было принять за принадлежности дорожного несессера, чем за атрибуты каббалистика или алхимика.

— Господа, — заговорил он, — так как никто из вас не отказывается от опыта, который я вам предложил, то я и думаю приступить к нему теперь же, конечно, если на то последует ваше согласие.

— Дорогой Бруно, — заговорил дядя Карл, любуясь серебряным ларчиком, доверху наполненным какими-то белыми зернами, — дорогой Бруно, если только тебе непременно хочется занимать нас этим вздором, то я решительно ничего не имею против; но с условием, чтобы через полчаса ты отпустил бы нас спать.

— О, этого времени более чем достаточно, — отвечал Бруно, расставляя на столе свои приборы и, видимо, волнуясь предстоящим опытом.

— Господа, позвольте мне сделать одно, только одно маленькое замечание, — проговорил Иоганн слегка дрожащим голосом. — Не лучше ли нам отложить всю эту пробу до утра? Согласитесь, что заниматься такими вещами на ночь решительно нет никакой особенной надобности. А ведь в конце-то концов Бог знает, чем еще может кончиться эта забава.

— Да полно же, дорогой Иоганн! Вам, автору столь положительной книги, какова «Всемирная гастрономия», стыдно верить в такие сказки. Я с дядей отвечаем вам обоим за совершенно безобидный исход этого опыта. Не правда ли, дядя?

— Ручаюсь в том моим завтрашним обедом, — шутливо подтвердил господин Курц. — Ну, Бруно, колдуй, пожалуйста, поскорее; может быть, хоть этот урок пойдет тебе в пользу.

Бруно не возражал более, — откупорив хрустальный пузырек, в котором находилась какая-то жидкость, по виду ничем не отличавшаяся от обыкновенной воды, он принялся отсчитывать капли, наливая ее в миниатюрный серебряный тазик; между тем, дядя Карл по-прежнему продолжал любоваться серебряным ларчиком.

— Знаешь ли, Бруно, хотя твой опыт и не удастся, конечно, но ты вполне можешь утешиться тем, что этот ларчик, подаренный тебе индусом, представляет несомненную редкость, так как это прекрасный образец очень древнего индийского искусства.

Дядя Карл не преминул бы прочесть по этому поводу целую лекцию, но как раз в это время Бруно окончил свое

отсчитывание. Затем он поместил серебряный тазик на небольшой треножник, а под ним зажег обыкновенную спиртовую лампочку.

Все умолкли и внимательно следили за опытом, который, очевидно, приближался к решительному моменту. Однако ничего особенного, по-видимому, не происходило: жидкость скоро закипела, поднялся легкий пар, который подобно водяному пару не обладал никаким запахом, и без всякого следа расплывался в воздухе; через две-три минуты тазик оказался уже сухим, таинственная влага, подобно самой простой воде, выкипела, не оставив никаких следов и не произведя никакого изменения во всем окружающем...

Опыт кончился. Все осталось по-прежнему и напряженное лицо Иоганна первым расплылось в улыбку.

— Ну, Бруно, если дело было только в этом, то беспокоиться действительно не стоило, — весело произнес он.

Бруно не выдержал и тоже рассмеялся.

— Ну уж этого, признаться, я и сам не ожидал! — воскликнул он. — Хотя бы произошел взрыв, или даже запах какой-нибудь распространился бы от этого курения, а то уж что-то очень просто...

— Зато недолго, — подхватил дядя Карл, — в этом вся хорошая сторона твоего опыта. Ну, господа, не угодно ли вам отправляться в постели? Завтра я, при помощи иных средств, постараюсь переселить вас в минувшие века и надеюсь, что мои заклинания будут гораздо действительнее этих; но для этого нам нужно хорошенько отдохнуть и отыскать пещеры профессора Вагнера.

— Спать, так спать, — согласился Бруно, — пусть уж я завтра уберу свою каббалистику, — продолжал он, небрежным кивком головы указывая на расставленные по столу приборы.

Все поднялись со своих мест и, простившись друг с другом, разошлись на покой.

Прежде, чем ложиться спать, братья вышли из пещеры, чтобы зачерпнуть из ручейка свежей воды. Здесь, снаружи, все по-прежнему было покойно. Темное тропическое небо так же трепетало своими яркими звездами, так же арома-

тен был освежившийся воздух, только журчание ручейка стало как будто бы отчетливее и громче среди полной тишины, воцарившейся повсюду вместе с таинственным мраком ночи.

Освежившись, оба вернулись назад и скоро улеглись в свои постели.

— Ну, Ганс, сознаюсь, — ты был прав, — сказал Бруно, обращаясь к брату.

— Вот и великолепно! Лучшего результата я и не желал от твоего опыта, — отвечал тот, — и если все считают его неудавшимся, то я, наоборот, нахожу, что раз он привел тебя к такому сознанию, то большей удачи нам нечего и желать.

Поболтав еще немного о предстоящих поисках катакомб, братья заснули наконец крепким сном здоровой усталости.

Свечи были давно уже потушены; костры мало-помалу тоже погасли; спокойная и тихая ночь, словно могущественная волшебница, заколдовала полмира, погрузив его в непробудный сон и окутав непроницаемым глубоким мраком.

Таким образом, опыт переселения в область прошедшего, по-видимому, остался безрезультатным, если не считать того, что Иоганна почти до полуночи мучил кошмар, навеянный неудавшейся затеей Бруно. Во сне бедному малому чудилось, будто он вместе с профессором Курцем, на каком-то волшебном корабле, носится по необозримым волнам давно прошедших времен истории. Перелетая от века к веку, они переживают тысячи самых невероятных приключений, полных ужасов и страданий. Тяжкие стоны вырываются из груди измученного Иоганна, и этими жалобными звуками он пробуждает наконец самого себя...

Вспыхнувшая среди ночного мрака спичка убеждает страдальца в том, что, по всем признакам, он благополучно пребывает в своем родном XX веке и, успокоенный этой отрадной уверенностью, он погружается в сладкое, ничем уже не нарушаемое отдохновение.

Глава III

О том, как дядя Карл и его спутники попали совсем не туда, куда хотели, и как они лишились всего.

а следующее утро братья были разбужены дядей Карлом с восходом солнца.

— Ну, ну лентяи, — говорил он весело, тормоша молодых людей, — вставайте! Нельзя упускать прохладного утра; мы должны воспользоваться его свежестью, чтобы до наступления жары достигнуть цели нашего путешествия, — а уж там я позволю вам отдыхать, сколько угодно.

— Вставайте, вставайте, господа, — вторил профессору Иоганн, хлопотавший уже у каменного стола, — завтрак готов и, надеюсь, придется вам по вкусу.

Действительно, словно подтверждая его слова, на столе весело кипел кофейник, от которого по всей пещере распространялся приятный аромат.

— Вставайте же господа, — продолжал Иоганн, — и отправляйтесь купаться, так как то, что вчера в темноте мы приняли за ручей, сегодня, при дневном свете, оказалось довольно солидной рекой. Да! кстати, отыщите-ка нашего проводника, который со своими лошадьми забрался куда-то очень далеко, по крайней мере, я целую четверть часа звал его совершенно напрасно.

Побуждаемые такими бодрящими советами, Ганс и Бруно вскочили со своих мягких постелей и вышли из пещеры, предвкушая удовольствие предстоящего купания, на которое никто из них не мог рассчитывать накануне.

Шагая по высокой траве, доходившей им до пояса, оба направились к реке, широкая гладь которой сверкала не-

вдалеке от их пещеры.

— Однако, дорогой Ганс, я совершенно недоумеваю, каким образом могли мы, хотя бы даже и в темноте, принять такую реку за простой горный ручеек, — заметил Бруно.

Ганс, думавший, вероятно, о том же, вдруг остановился, пораженный неожиданным соображением.

— Послушай-ка, Бруно, ошибиться вчера вечером мы, конечно, могли, но дело-то в том, что на карте в этом месте тоже ведь показан ручей, а не река, да еще такая большая, как эта, а ведь карты наши лучшего издания и до сих пор, за все наше путешествие, я ни разу не заметил в них ни малейшей ошибки.

— Ну что ж, значит, это будет первая ошибка, которую ты и поправишь, вот и все; таким образом, это будет одним из триумфов нашего путешествия.

— Э, нет, хотя это и льстило бы моему честолюбию, но я предполагаю здесь нечто гораздо для нас худшее, — я думаю, что мы просто-напросто сбились с дороги и находимся в настоящую минуту совсем не там, где бы следовало.

— Очень может быть, что ты и прав, однако надеюсь, это не помешает нам с удовольствием выкупаться в этой неизвестной нам реке, — беспечно отвечал Бруно.

Достигнув берега, братья выбрали удобную для купания песчаную отмель и с наслаждением погрузились в охладевшую за ночь воду.

— Замечаешь ли ты, Бруно, какая тут масса рыбы? — с удивлением воскликнул Ганс

— Да, да, и притом какой то весьма странной породы... А вот погляди-ка, Ганс, на это растение, — в свою очередь воскликнул Бруно, срывая мясистый стебель толщиной в порядочное ламповое стекло, совершенно лишенный листьев и очень напоминающий обыкновенную спаржу.

— Очень странное растение и, вероятно, съедобное, — отвечал Ганс, — а потому мы обязаны представить его для исследования нашему ученому гастроному.

— Великолепно, но чтобы удовольствие его было полным, — попробуем-ка поймать несколько штук этих рыбок. Посмотри, ведь они совершенно не пугливы.

— Прекрасная мысль, — подхватил Ганс.

И братья с увлечением принялись за импровизированное рыболовство. Распустив простыню, они опустили ее в воду и, затаив дыхание, поджидали, чтобы доверчивая рыба начала плавать над этой нехитрой ловушкой. Не прошло и пяти минут, как им удалось захватить двух рыб весьма странной формы; присоединив к ним отысканную ими спаржу, братья поспешили одеться и, захватив свою добычу, пустились вдоль берега реки в надежде отыскать наконец своего исчезнувшего проводника. Однако, сколько ни искали они его, но в конце концов поиски их все-таки оказались тщетными. В течение почти целого получаса бродили они по окрестностям своей ночной стоянки и наконец решили вернуться обратно и посоветоваться с Иоганном и дядей Карлом.

Когда, возвратясь в пещеру, Ганс и Бруно рассказали о своих неудачных поисках, — профессор Курц пришел в крайнее негодование, так как всей душой стремился как можно скорее добраться к таинственным катакомбам своего ученого друга.

— Да что же это такое, — кричал он, обращаясь почему-то прямо к Иоганну, — неужели же этот господин воображает, что мы будем сидеть здесь целую вечность! И зачем только наняли мы именно его, тогда как могли взять кого-нибудь и понадежнее; мне еще вчера лицо этого франта показалось очень подозрительным.

— Но ведь проводника нанимали-то вы сами, господин профессор.

— Ну так что же, — я сделал это только потому, что никто из вас ничего не возражал против этого.

— Неужели же, дядя, ты думаешь, что наш проводник сбежал и покинул нас?

— Ах, Боже мой, что за фантазия, с какой стати стал бы он убегать от нас, заработав уже добрую половину условленной платы! Дело, конечно, вовсе не в том, и я уверен, что этот зевака просто-напросто распустил сегодня ночью своих лошадей, а теперь потратит Бог знает сколько времени на то, чтобы снова собрать их...

— Пожалуй, что это очень вероятное объяснение его исчезновения, — в раздумье проговорил Ганс.

— Ну, дядя, перестань волноваться, этим все равно горю не поможешь. Вот погляди-ка лучше на нашу добычу, из которой Иоганн, наверное, приготовит нам какие-нибудь удивительные блюда в индийском вкусе, так как это, наверное представители местной флоры и фауны.

Говоря таким образом, Бруно разложил на песке принесенную им рыбу и растения.

Раздраженный Курц удостоил бросить на все это лишь мимолетный взгляд, но, очевидно, и этого было достаточно, чтобы произвести в нем поразительную перемену, немало удивившую всех присутствовавших. Глаза его вдруг расширились, руки поднялись вверх, рот полуоткрылся, на лице застыло выражение беспредельного изумления. Одну минуту стоял он неподвижно, потом, схватив в одну руку стебель растения, а в другую — диковинную рыбу, он выбежал из пещеры и при ярком свете утреннего солнца с напряженным вниманием принялся рассматривать и то и другое.

Удивленные столь необыкновенным поведением ученого мужа, спутники его последовали за ним и некоторое время почтительно хранили молчание, которое прервал Бруно, обратившись к профессору со следующими словами:

— Объясни же нам, наконец, дядя, почему это ты так заинтересовался всем этим; ведь до сих пор ты не был, кажется, ни ботаником, ни зоологом.

— Да... Но зато я всегда был и всегда буду археологом! — величаво ответил господин Курц.

— Археологом!.. но какое же отношение имеет все это к археологии?

— Необычайное!.. Прямое!.. Непосредственное!!! Потому что эта рыба и это растение жили или, вернее сказать, исчезли с лица земли приблизительно около 150.000 лет тому назад.

Слушатели профессора Курца отступили от него с видом крайнего недоумения.

— Да, да, вы вправе удивляться, потому что это растение не что иное, как... а эта рыба — *Rhombus minimus*. О! если бы только я имел возможность довести их нетронутыми в Европу, — продолжал он, оглядываясь вокруг, словно ожидая откуда-нибудь помощи.

— Господин профессор, — заговорил Иоганн тем самым ласковым тоном, которым обыкновенно обращаются к не совсем нормальным собеседникам, — я, конечно, не стану спорить относительно латинских названий, но могу смело сказать, что всякий обыкновенный немец назвал бы эту рыбу просто ершом, которого я берусь приготовить вам под белым соусом с лимоном...

— Сами вы полезайте в ваш белый соус с лимоном! Но это сокровище, эту драгоценность вам не удастся проглотить ни за какие блага мира!

— Да чего же ты кипятишься, дядя? Если уж ты так дорожишь этой рыбой, то, конечно, никто из нас и не подумает посягать на ее целость; а вот ты объясни нам, каким образом могло случиться, что рыбы и растения, которые, по твоим же словам, перестали существовать 150.000 лет тому назад, попали теперь в наши руки?

— Не знаю, — растеряно отвечал ученый, — могу только сказать, что исчезновение этих пород не могло случиться даже и 300.000 лет тому назад...

Иоганн тихонько дернул Ганса за рукав.

— Оставьте вы его в покое, — сказал он шепотом, кивая головой на ученого мужа, — разве не видите вы, какими дистанциями он хватает? Этак ему недолго добраться и до миллионов, ну а тогда Бог знает, чем все может окончиться.

— Да неужели же вы, Иоганн, серьезно думаете, что дядя потерял рассудок?

— О нет! — уверенно отвечал тот, — в голове у него слишком много ума, чтобы его можно было потерять в один прием; нет, я просто думаю, что это временное затмение, которое произошло от очень больших чисел и высокой температуры...

Иоганн, вероятно, и дальше продолжал бы свои медицинские догадки, если бы не был прерван речью самого профессора.

— Друзья мои, — заговорил тот, — друг мой Вагнер уверял меня, что найденные им пещеры принадлежат к числу древнейших человеческих жилищ, что до него еще никто даже и не приближался к ним, так как расположены они в глухой и дикой местности; почем знать, может быть, случая угодно было сохранить в этом счастливом уголке не только следы прежней жизни человека, но и картину природы, среди которой некогда обитали неведомые, давно исчезнувшие племена... Друзья мои, до этих таинственных пещер не более двух-трех часов ходьбы. Неужели же мы станем дожидаться здесь возвращения этого роторея-проводника и не отправимся немедленно же в путь?

Профессор остановился и вопросительно поглядел на своих спутников.

Предложение дяди Карла вызвало целую бурю неудовольствия и возражений со стороны Иоганна. Потребовалось употребить не менее получаса на то, чтобы общими силами доказать ему, что такое путешествие, в сущности, не более как прогулка в ожидании возвращения проводника с лошадьми. Вещей, конечно, брать с собой не придется, их просто можно спрятать здесь же в пещере. Завтрак можно расширить до пределов обеда, а возвратиться часам к пяти. Наконец, Иоганн согласился, хотя и не особенно охотно.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но, правду вам сказать, я все-таки не вижу ничего хорошего в этой затее.

Таким образом, единодушие было кое-как восстановлено, и все деятельно принялись за приготовления. Скоро на столе появилась некоторая прибавка к завтраку, а вещи были искусно скрыты между каменными глыбами и замаскированы сухими листьями. Завтракали молча и наскоро, особенное же нетерпение проявлял, как и следовало ожидать, профессор Курц.

Наконец был окончен и завтрак. Иоганн спрятал посуду и остатки провизии; братья перекинули через плечи пе-

ревязи своих магазинок, профессор захватил огромную сумку с различными приборами и инструментами; Иоганн метался по всем уголкам пещеры, отыскивая сумку, в которой была уложенная на всякий случай провизия, но злополучная сумка, как нарочно, куда-то исчезла.

— Да будет вам искать ее, — кричал господин Курц, ожидавший уже у выхода, — вы, наверное, засунули ее вместе с другими сумками под камни.

— Помилуйте, господин профессор, никак этого не могло случиться, ведь я положил ее совершенно отдельно от других.

— Но неужели же вы не в состоянии обойтись без пищи даже в продолжении каких-нибудь четырех часов? Ведь вы же только что плотно позавтракали!

— Не понимаю, — почему же завтрак может помешать мне позаботиться и об обеде?

Наконец молодые люди положили конец начавшейся ссоре, уговорив Иоганна идти без провизии, которая, в конце концов, могла оказаться совершенно излишней в такой короткой экскурсии.

Покинув приютившую их пещеру, друзья наши двинулись в путь, предводительствуемые профессором Курцем, который шел впереди с картой в одной руке и с компасом в другой.

Все больше и больше углубляясь в чащу девственного леса, они не без труда прокладывали себе путь среди сплошных папоротниковых зарослей, представлявших, казалось, полную коллекцию видов этого растения.

Дядя Карл был видимо взволнован; он находился в том восторженном состоянии, которое испытывает, вероятно, всякий ученый, чувствующий, что каждый шаг приближает его к какому-то великому открытию.

Вдруг он остановился и, нагнувшись, принялся внимательно рассматривать какое-то растение. Спутники окружили его и с любопытством ожидали объяснений ученого мужа, хотя и не видели ничего особенного в том папоротнике, который остановил на себе его внимание.

Наконец дядя Карл выпрямился и, схватив за руку Иоганна, произнес с необыкновенным волнением:

— Да! Сомнения быть не может! Мы находимся в таинственном уголке мира, сохранившем еще следы давно исчезнувшей жизни. Взгляни-ка, Бруно, на этот папоротник...

— Во-первых, господин профессор, я, с вашего позволения, вовсе не Бруно, а Иоганн, — отвечал тот, — а во-вторых — в этом растении, по-моему, решительно нет ничего необыкновенного, — трава как трава, вот и все.

— Трава!.. — запальчиво воскликнул Курц, отталкивая руку Иоганна, — да ведь это... тот самый не... который укрывал собой леса еще триасового периода, третичной системы, — периода, древность которого исчисляется многими сотнями тысяч лет! Вперед, вперед, друзья мои, я чувствую, что мы на рубеже великих открытий!

Профессор положительно ринулся вперед, а за ним, хотя, конечно, с меньшим жаром, но все же очень заинтересованные, последовали и его спутники.

— Замечаете ли вы, как постепенно подбирается он к миллионам? — вразумительно произнес Иоганн, кивая на высокую фигуру Курца, мелькавшую уже далеко впереди. — Я всегда побаиваюсь за него, когда ему становится мало тех чисел, которыми довольствуется обыкновенный смертный.

— Пустяки, — возразил Бруно, больше других разделявший увлечение дяди, — может быть, нам и в самом деле суждено набрести на необычайную находку, а ведь это, согласитесь, может взволновать каждого человека.

— Посмотрим, посмотрим, — задумчиво проговорил Ганс, — а пока не будем отставать от дядюшки, который сегодня превратился, кажется, в быстроногую серну.

Побуждаемые этим замечанием, все трое прибавили шагу, хотя не прошло и десяти минут, как толстенький Иоганн, путаясь среди папоротниковых зарослей и обливаясь потом, уже значительно поотстал от братьев, которые в свою очередь никак не могли догнать неудержимо мчавшегося вперед профессора, по временам совершенно исчезавшего в лесной чаще.

В таком беге прошло уже около часа, когда вдруг профессор окликнул своих спутников, торопя их поспешить к нему.

Конечно, все бросились на его зов, несмотря на утомление и жару, уже дававшую себя чувствовать. Скоро они догнали ученого, который стоял на берегу какой-то реки и растерянно глядел на свою карту.

— Ну, что там случилось? — спросил Ганс, первым подбегая к нему.

— Как что случилось, да разве ты не видишь, — река!

— Река... да что же тут необыкновенного?

— А то, что на карте в этом месте показана только долина, а не река.

— Подожди-ка, дядя; ведь мы находимся в горных местах, — может быть, это просто временный поток, появившийся вследствие дождей, — заметил Бруно.

— Очень может быть, но во всяком случае, этот поток мешает нам идти дальше, — воскликнул Курц.

— Чему, правду сказать, я очень рад, — заметил подошедший в это время Иоганн. — По крайней мере, мы хотя полчаса отдохнем от нашей удалой скачки... Вы, господин профессор, забываете, что на каждый ваш шаг моих приходится около двух с половиной.

— А ведь это, пожалуй, верно, — смеясь, заметил Бруно. — Иоганн, конечно, прав, да и нам не мешает отдохнуть и даже выкупаться для восстановления сил; кстати, можно будет поискать брода, чтобы перебраться на тот берег.

— Ну что ж, — со вздохом сожаления согласился Курц, — если все хотят отдыхать, так уж делать нечего, — отдохнем с полчаса, но не больше...

Он отошел в сторону, улегся на мягкий папоротник и снова углубился в изучение своей карты.

Между тем остальные, отдохнув немного, решили воспользоваться идеей Бруно и освежиться купанием, и скоро до слуха ученого долетали уже веселые шутки и плеск воды. Но вот возня и крики на реке значительно усилились, а затем послышался голос Бруно.

— Дядя, а дядя! — кричал он, — иди-ка, погляди на находку Иоганна.

— А что же там такое? — рассеянно спросил тот.

— Черепаха, громадная черепаха.

— Громадная? — переспросил дядя Карл и, не дожидаясь ответа, кинулся к реке. — А каких она размеров?

— Да просто невероятная, — фута четыре или пять в перечнике. Да иди же поскорее, иначе она уйдет от нас на средину реки.

Но дядя Карл не нуждался в понукании. Добежав до берега, он поспешно разделся и кинулся в воду.

Почти уже на середине реки, которая оказалась очень неглубокой, он присоединился к своим спутникам, старавшимся помешать черепахе уйти в глубину. Когда голова этой амфибии на минуту показалась над поверхностью воды, Курц всплеснул руками, воскликнув в порыве необыкновенного умиления:

— Господа, да ведь это «колоссохилес», — гигантская черепаха, водившаяся в Индии в доисторические времена! Держите, держите ее, не бойтесь — она безопасна, может быть, нам удастся вытащить ее на тот берег.

Действительно, до противоположного берега оставалось не более десяти-пятнадцати шагов. Все четверо, дружно подхватив на руки черепаху, побрели к нему, как вдруг их пленник с необыкновенной быстротой рванулся вперед, сбив с ног всех своих преследователей, которые от неожиданного толчка дружно исчезли под водой. Однако почти в тот же миг все четверо выскочили на поверхность, но увы, в каком виде, в каком состоянии! Воздух огласился их жалобными воплями. Все тело несчастных оказалось буквально усеянным небольшими черными пиявками, которые, очевидно, причиняли им нестерпимую боль. Барахтаясь в воде и вопя не своим голосом, они бросились к песчаному берегу и, выбравшись из воды, с остервенением принялись обрывать на себе присосавшихся пиявок.

Долго еще вопли и крики их оглашали окрестность, но, наконец, мало-помалу им удалось освободиться от своих

маленьких мучителей и, усевшись в тени, отдохнуть и перевести дух.

— О, Боже мой, Боже мой, — бормотал Иоганн, почесывая свое покрасневшее тело, — господин профессор, скажите мне на милость, как называются по-латыни эти маленькие допотопные дьяволы! Поверите ли, ведь я едва-едва не был заживо съеден этими доисторическими кровопийцами. О! что может быть мучительнее этого!

— Почему же вы думаете, что эти проклятые мягкотелые должны также относиться к предыдущим геологическим периодам? — спросил профессор, потирая свои худые и длинные ноги. — А впрочем, — продолжал он, — пожалуй, вы и правы, так как в наше время я не припомню ни одного моллюска, который был бы способен пожирать не только тело, но и кости человека.

— Во всяком случае, — заметил Бруно, — я принужден отказаться от своей догадки; это, конечно, река, а не временный поток, как думал я раньше.

— Конечно, это река, — согласился Ганс, который после столь неудачной переправы сделался вдруг, вопреки своему веселому нраву, чрезвычайно мрачным и задумчивым. — Я только от души могу пожелать, для нашей общей пользы, — продолжал он, — чтобы население этой реки не везде было бы одинаково густо, иначе наше обратное путешествие представляется мне в виде очень жалкой картины.

Услышав эти, по-видимому, простые слова, остальные путешественники молча переглянулись между собой; только теперь в сердцах их шевельнулось чувство смутной тревоги.

— Что за вздор? — воскликнул Бруно, видимо, желавший подбодрить и себя и других. — Конечно, мы отыщем место, совершенно свободное от этих тварей, но если бы даже это и не удалось, то, в конце концов, ведь не Бог весть какая беда еще раз испытать неприятность такой переправы.

— Ну нет-с, Бруно, уж это как вам угодно, а я больше не полезу на закуску к этим обжорам. Уж если они не побрезговали обглаживать кости вашего дядюшки, не в обиду будь

ему сказано, то вам нетрудно, конечно, вообразить, с каким бешеным аппетитом накинулись они на меня... нет, нет, если только вы хотите, чтобы я вошел еще раз в эту реку, то советую вам тянуть меня в воду канатами.

— Да, но ведь должны же мы как-нибудь перебраться на ту сторону; не сидеть же нам тут голышами целую вечность.

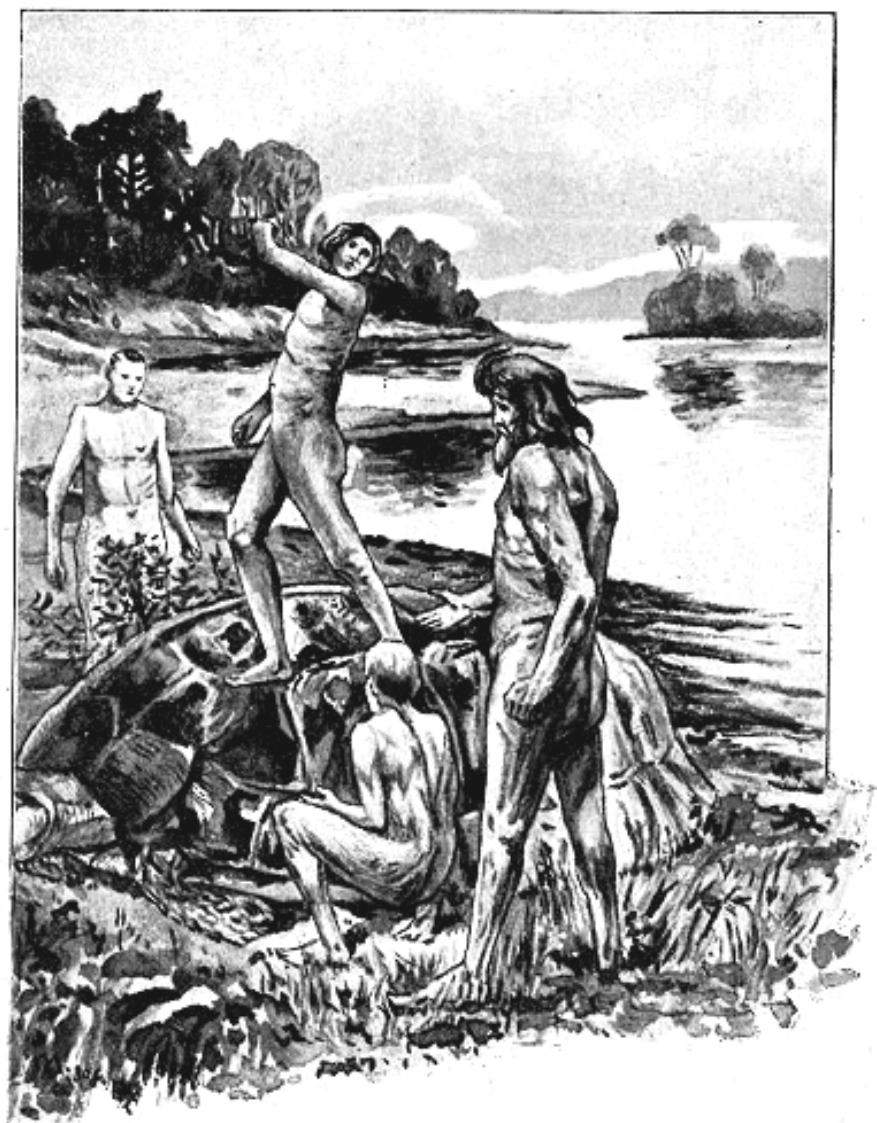
Это соображение, видимо, смутило Иоганна: он в недоумении оглянулся вокруг себя и вдруг взор его случайно упал на гигантскую черепаху, которая, выбравшись на берег, спряталась в свой панцирь и теперь покойно лежала на песке. Глаза Иоганна вспыхнули вдохновением.

— Господа, — заговорил он, подбегая к колосохилесу, — вот наше спасение. Вы видели, что животное это чрезвычайно смирно, — в подтверждение своих слов Иоганн вскочил на щит черепахи, и, сделав два-три шага по этому живому холмику, продолжал, — оно также достаточно велико, чтобы поместить на себе всех нас: я думаю также, что нам удастся заставить его двигаться в желаемом направлении...

— Ах, милый Иоганн, а что вы скажете, если наш лодочник, доведя нас до середины реки, предательски опустится в воду? — смеясь, заметил Бруно.

— Ошибаетесь, — уверенно возражал Иоганн, стоя на своей импровизированной кафедре, — разве не помните вы, как рванулась вперед эта черепаха, преследуемая пиявками; не беспокойтесь, она не опустится на дно и, конечно, будет спешить добраться до берега.

Увлекаясь и развивая свой необыкновенный план переправы, Иоганн совершенно не заметил, что на лицах его слушателей появилось вдруг выражение крайнего изумления и даже испуга. Он с большим воодушевлением продолжал свою речь, как вдруг сзади, над его головой, послышался чей-то могучий вздох и всего его обдало горячим дыханием. Обернувшись назад, бедный оратор потерял все свое красноречие и, пораженный ужасом, кубарем свалился со своей живой трибуны.

Правду сказать, он имел на это полное право, так как прямо против него, наполовину выдвинувшись из чащи, стоял огромный бык с головой оленя; ростом это животное было не меньше хорошего слона, а рога на голове его расходились в разные стороны, по крайней мере, метра на четыре. Наклонив свою громадную голову, зверь обнюхал трепещущего Иоганна, и потом, не найдя, вероятно, в нем ничего интересного, он медленно отошел от него, направляясь к реке.

В немом изумлении глядели наши путники на этого гиганта, степенно утолявшего свою жажду в каких-нибудь десяти шагах от них...

— Не бойтесь, не бойтесь господа, — с радостным трепетом в голосе шептал профессор, — это «сиватерий». Успокойтесь, Иоганн, «сиватерий» — животное травоядное и, конечно, не тронет вас.

Между тем Иоганн поднялся уже на ноги и в изнеможении от пережитого испуга присел на край своей черепахи.

— Ооохх, — лепетал он, — какое счастье, что чудовище это только травоядное... Боже мой, какие рога!..

Тем временем огромный бык с головой оленя, очевидно, решил перебраться на другой берег реки; закинув назад свои огромные рога, он медленно поплыл на воде и скоро ноги его коснулись бы уже земли на противоположном берегу, как вдруг по всему телу его пробежала судорога, он сделал страшный прыжок в сторону, потом закружился, замотал головою, а могучий рев его далеко разнесся по окрестности...

Сомнения быть не могло, на этого гиганта напали те же враги, которые осаждали и наших путешественников.

С замиранием сердца смотрели они теперь на то, что могло бы случиться и с ними.

Долго длилась эта необыкновенная борьба; могучее животное почти совершенно исчезло в облаке брызг и пены, поднятом его неистовыми движениями; но вот оно стало выбиваться из сил, а немного спустя совершенно утихло, вероятно, захлебнувшись водой; его громадное тело медлен-

но опускалось все ниже и ниже и, наконец, совершенно исчезло под водой.

Битва кончилась, победа осталась за ничтожными тварями, а гигант, который еще так недавно казался нашим друзьям столь могучим и несокрушимым, лежал теперь бездыханным трупом на дне реки, пожираемый своими бесчисленными победителями.

Долго никто не решался нарушить господствовавшего молчания, пока Ганс не обратился, наконец, со следующими словами к Иоганну, все еще сидевшему на своей черепахе.

— Ну что же, Иоганн, поплывем мы на ту сторону на нашем живом пароходе?

Бедный Иоганн мог только отрицательно покачать головой.

— Да что же это за животное? — в свою очередь спросил Бруно, обращаясь к профессору.

— Это «сиватерий», — отвечал тот, — гигантский олень, схожий, впрочем, с быком. Он водился в Индии в доисторические времена вместе с колоссохилесом, на котором сейчас сидит Иоганн. До сегодняшнего дня животные эти считались вымершими, так же как и те рыбы и растения, которые найдены нами по ту сторону реки. Но сегодня, друзья мои, нам удалось открыть на земле уголок, который, как бы сохранившись от изменений, представляет картину

поразительного сходства с жизнью давно минувших тысячелетий.

— Да, да, — мрачно произнес Ганс, — я, пожалуй, могу прибавить к твоим словам, что, по-моему, сходство это заходит уж очень далеко.

— Очень далеко? Что ты хочешь этим сказать? — спросил Бруно.

— Я хочу сказать, Бруно, — с расстановкой отвечал Ганс, — что твой вчерашний опыт был, кажется, удачнее, чем мы думали.

Эти слова словно громом поразили несчастных.

Глава IV

Дядя Карл со своими спутниками ищет гостеприимства у первобытных людей.

руно первым пришел в себя от изумления, вызванного столь неожиданной догадкой брата.

— Неужели же Ганс, ты и в самом деле предполагаешь, что в настоящую минуту мы перенесены в столь глубокую древность! Ведь еще вчера ты не только отрицал возможность чего-либо подобного, но

даже и меня убедил в нелепости такой мысли!

— Нет, нет Ганс, — лепетал Иоганн, заметно бледнея, — ради Бога, не пророчьте нам еще и этой беды!

— Я тоже склонен думать, что ты, Ганс, ошибаешься, — говорил и профессор Курц, хотя по взволнованному голосу было видно, что в душе его уже шевельнулся червь сомнения.

— Да перестаньте же, господа, боязливо отворачиваться от действительности, которая, к сожалению, слишком очевидна; а если вы все еще хотите отрицать ее, так объясните мне: куда девался наш проводник; откуда близ нашей пещеры вместо ручья — появилась река; почему здесь также оказалась река, тогда как на карте обозначена лишь долина; и неужели же, дядя, ты станешь утверждать, что природа специально для нас приготовила сюрприз, собрав в этом уголке Декана целую коллекцию представителей давно вымершей флоры и фауны; да и как могло случиться, чтобы все это, существуя в наши времена и находясь чуть не на большой дороге, до сих пор не было обнаружено, хо-

тя бы, например, тем же Вагнером!..

— Нет, господа, я не сумею, конечно, объяснить вам того, что произошло с нами, но у меня хватает мужества не отрицать факта только потому, что он мне непонятен.

— Перестаньте же обманывать самих себя, а вместо того я предлагаю вам хорошенько обсудить наше положение, которое, кстати сказать, я вовсе не нахожу безвыходным, — надеюсь, Бруно, что если средство, перенесшее нас сюда, оказалось действительным, то не менее действительным окажется и то, при помощи которого мы можем вернуться обратно!

Бодрая и уверенная речь Ганса подняла упавший дух его спутников и на призыв его к деятельности первым откликнулся Бруно.

— Ганс, ты молодец! — воскликнул он, — и, конечно, прав, полагая, что в настоящий момент мы оторваны от наших времен, но из этого не следует, конечно, что единственное наше утешение заключается в грустно опущенных носсах. Господа, ведь стоит только нам добраться до нашей пещеры и я ручаюсь вам, что мы благополучно возвратимся в XX-ый век.

Услышав это, Иоганн решительно поднялся со своей чрепахи.

— Так, значит, в настоящую минуту мы действительно находимся в допотопных временах? — мрачно спросил он, обращаясь к профессору Курцу.

— Дорогой мой Иоганн, — уклончиво отвечал тот, — я не вполне ясно понимаю, что, собственно, вы понимаете под словами «допотопные времена». С геологической точки зрения, если даже допустить, что Ганс и Бруно не ошиблись, мы все-таки находимся в наших временах, а именно в начале последнего четвертичного периода. Вы сами видите, что природа этих времен почти ничем не отличается от нашей и я уверен...

— Позвольте, господин профессор, — прервал его Иоганн, — я очень рад, что, по вашему мнению, мы находимся в наших временах, но правду вам сказать, меня все-таки беспокоит то обстоятельство, что вы припутываете сюда гео-

логию, а потому я очень прошу вас сказать мне попросту, в числах, в каких именно годах мы находимся и, если только это для вас возможно, — заискивающим уже тоном окончил он, — то я попросил бы вас обходиться бес миллионов.

— Ну, до этого дело, конечно, не дошло, — ободрительно отвечал ученый, — но все же мы удалились от наших дней, судя по этой природе, тысяч... тысяч...

— Боже мой, значит, без тысяч никак нельзя обойтись, — жалобно заметил Иоганн, — ну, на сколько же тысяч?

— Да я так думаю, что не меньше, как тысяч на сто!

— Ой, ой, ой! — застонал несчастный, — сто тысяч лет, сто-о тысяч лет. Господа, в пещеру, ради Бога, в пещеру, я готов, Бруно, на какое угодно колдовство, лишь бы оно вернуло нас куда следует.

— Не понимаю, господа, — попробовал было возразить дядя Карл, в котором уже проснулся ученый, — неужели же мы, только что добравшись сюда, должны немедленно пу-
скается в обратный путь, ничего не сделав для науки?!

— Ах, господин профессор, — в отчаянии вскричал Иоганн, — да неужели же ради научных исследований вы готовы отказаться даже от употребления костюма?!

— Нет, нет, дядя, — заговорил и Ганс, — прежде всего нам, конечно, необходимо позаботиться о возвращении.

— По-моему, нам следует пройти вдоль берега реки и попытаться отыскать место, свободное от наших преследователей, — заметил Бруно.

— Совершенно верно, — согласился с ним брат, — итак, господа, вперед, нечего терять время, вперед!

Однако, это легче было сказать, чем сделать; оказалось, что разгуливать без костюма под жгучими лучами тропического солнца — решительно немыслимо, а потому нашим путешественникам волей-неволей пришлось заняться изготовлением хотя бы каких-нибудь костюмов.

К сожалению, кроме длинных, кожистых листьев пальмы наши друзья не могли воспользоваться решительно ничем, а потому поневоле остановились именно на этом материале. Каждый из них устроил себе по два обруча или кольца, свитых из гибких прутьев; одно из этих колец наде-

валось на шею, — другое служило вместо пояса; на эти кольца они нанизали ряд листьев, которые, ниспадая вниз, образовывали нечто вроде юбки и накидки; такие же листья, свернутые в виде конуса, заменили им шляпы. Но особенно много хлопот причинило изготовление обуви, обойтись без которой было совершенно невозможно, так как нога современного европейца без этой принадлежности туалета оказалась, попросту говоря, ни к чему не пригодной частью тела. Наконец, кое-как из тех же прутьев удалось смастерить нечто вроде русских лаптей, которые и закончили экипировку злополучных путешественников.

Грустную картину представляли эти четыре человека, облаченные в одежды, так мало отвечавшие их цивилизации, что особенно резко замечалось при взгляде на фигуры Курца и Иоганна.

— Вот до чего может довести порядочных людей легкомысленное обращение с волшебными снадобьями, — наставительно говорил Иоганн, печально оглядывая самого себя. — Мог ли я ожидать, что когда-нибудь мне придется изображать собой какой-то артишок! Неужели же именно в таком виде придется нам возвратиться в Мадрас, а может быть, и прямо в Нюрнберг? Если так, то клянусь вам, что репутация наша погибла раз навсегда...

Тяжело было на сердце и у дяди Карла. Хотя он и не говорил ничего, но, видимо, употреблял немало усилий, чтобы не потерять уважения к самому себе.

В таком-то облачении все четверо пустились, наконец, на поиски за свободным переходом через реку. Однако, едва вышли они на более открытый берег, сделав всего несколько сот шагов, как уже встретили грозное препятствие, наполнившее их сердца новым страхом за свою смелость.

На песчаной отмели, облитой горячим солнечным светом, бесконечной цепью лежали огромные крокодилы, мирно дремля на горячем прибрежном песке.

— Стойте, стойте, — особенным громким шепотом проговорил ученый, обращаясь по преимуществу к Иоганну, шедшему впереди в глубокой задумчивости, — разве вы не видите, Belodon'a Karffi, по-моему, это вымирающая уже

разновидность.

— А как Belodon'a Kapffi называется по-немецки? — равнодушно спросил Иоганн, обводя окрестность взором, направленным слишком высоко для того, чтобы заметить чудовищ.

— Да неужели же вы их не узнаете сами!..

Увы, судя по тому отчаянному воплю, который в эту минуту вырвался из груди Иоганна, можно было смело сказать, что он кое-что смыслит в зоологии.

— Назад, назад... — кричал он. — Боже мой, да ведь это крокодилы... Ах, господин профессор, ради Бога, называйте вы в таких случаях вещи их настоящими именами, иначе, может статься, что, не дождавшись вашего перевода, я буду съеден кем-нибудь из здешних жителей только потому, что не знаю латинского языка.

— Ну, как бы то ни было, — заявил Ганс, — а дальше нам идти незачем, — потому что здесь река, как видно, еще менее проходимая...

Вследствие этого соображения все повернули назад, намереваясь исследовать берег в другом направлении. Но судьба, казалось, преследовала наших героев, потому что не прошло и пяти минут, как на пути им встретилась огромная змея столь внушительного вида, что все единогласно решили за лучшее вернуться на прежнее место, где Иоганн снова нашел свою черепаху, все еще лежавшую на песке. Здесь, на широкой полянке, все опустились на песок и предались грустным размышлениям.

Полураздетые, голодные, усталые, окруженные тысячами непривычных опасностей, среди чуждой, непонятной им природы, они вдруг с необыкновенной ясностью почувствовали всю полноту своей беспомощности и всю безвыходность своего положения.

— Не знаю, господа, каково ваше мнение, но на мой взгляд, положение Робинзона на его необитаемом острове было гораздо лучше нашего, — мрачно произнес Иоганн, прерывая тягостное молчание.

— Ну уж, это вы преувеличиваете, — возразил Ганс, желавший ободрить товарищей по несчастью. — Во-первых,

Робинзон был отделен от своего спасения целым океаном, тогда как нам нужно пройти до наших пещер всего каких-нибудь три четыре мили; во-вторых, он был совершенно одинок, а нас четверо; наконец, Робинзон был постоянно осаждаем кровожадными людоедами...

Едва только успел Ганс упомянуть о людоедах, как Иоганн снова заволновался.

— Ах, господа, ведь о людоедах-то мы и забыли! — воскликнул он, прерывая речь Ганса. — Подумайте, — уж если в наши времена дикари пожирают себе подобных, так в эти времена, я думаю, они и в рот ничего не берут, кроме человечины!

— Любезнейший Иоганн, — строго заметил Курц, — должен вам сказать, что вы плетете небылицы, обнаруживая полное свое невежество в этом вопросе. Можете быть уверены, что здесь вы так же неприкосновенны, как и в Германии.

— О, господин профессор, я боюсь, что, благодаря своему телосложению, вы слишком легко относитесь к этому вопросу, но ведь есть люди...

— И повкуснее дядюшки, хотите вы сказать, — вмешался повеселевший уже Ганс, — но, хотя вы и очень лакомый кусочек, однако я отвечаю вам за целость вашего организма: во всяком случае, советую вам больше доверять науке.

— Ах, господин профессор, ради Бога, скажите серьезно, какого мнения о теперешних людях держитесь вы сами, — заискивающе обратился Иоганн к Курцу, так как в глубине души очень верил в его познания.

— Даю вам слово, мой милый, что все ваши страхи напрасны. Я глубоко убежден, что человек настоящего времени не может быть каннибалом. Во-первых, он, вероятно, только что вышел из животного состояния, в котором, как вам известно, питался растительной пищей, а потому, пока он продолжает, может быть, оставаться, так сказать, естественным вегетарианцем; во-вторых, если он даже и переходит уже к охотничьему быту, то согласитесь, что человек для человека все же должен быть самой опасной дичью, так как и дичь и охотник, очевидно, одинаково сильны.

— Конечно, дядя совершенно прав, я думаю, что человеку, прежде чем из вегетарианца превратиться в людоеда, необходимо было попривыкнуть сначала к мясу зверей и озлобиться охотой.

— Ну, дай Бог, чтобы это было так, — произнес несколько успокоенный Иоганн и не успел он окончить своей фразы, как на противоположном конце поляны, на которой расположились наши друзья, вдруг появился тот самый человек, о котором у них только что шла речь.

Раздвинув густую чащу кустарника, он вышел на поляну и остановился шагах в двадцати от наших путешественников. Опершись локтем на свою длинную дубинку, он устремил на европейцев немного любопытный, немного удивленный взгляд своих спокойных и добрых глаз, в которых светилась уже искра разума и мысли.

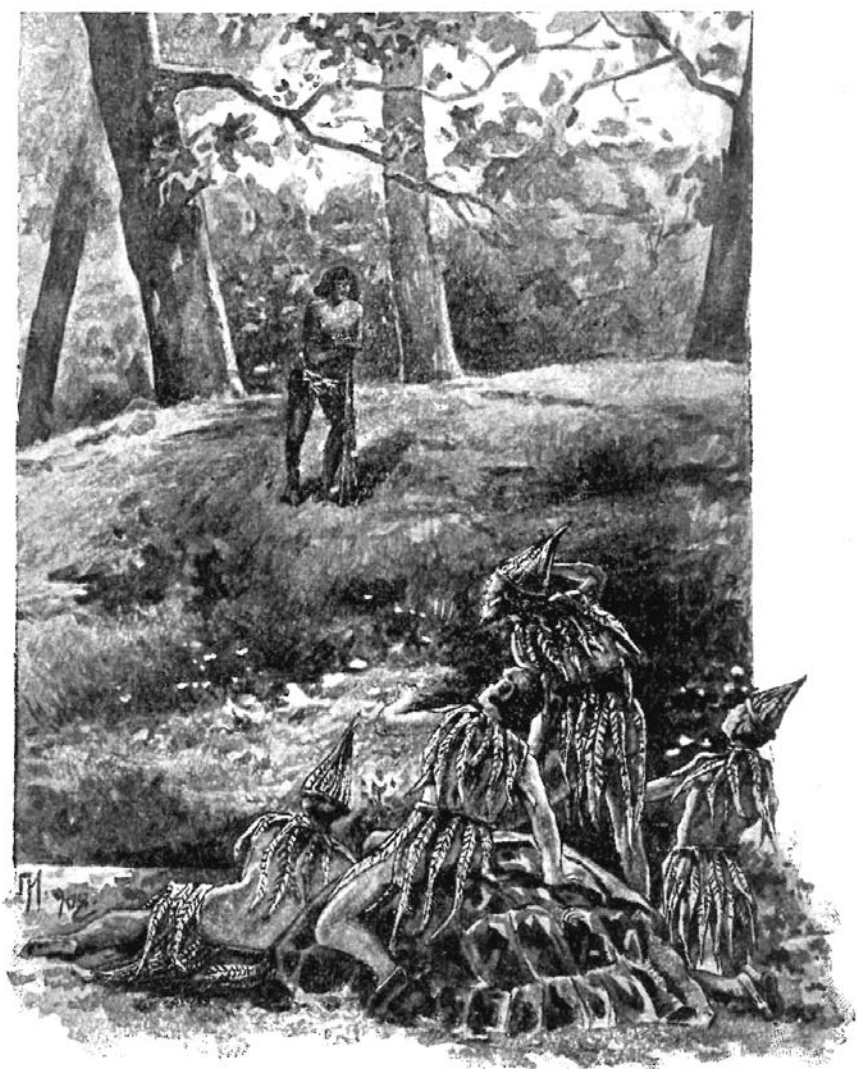
Да, это был, хотя и первобытный, но все же — несомненно — человек.

Среднего роста, с темной кожей, он, по своему внешнему виду, да и по сложению мало чем отличался от современного дикаря, хотя руки его, казалось, были чуть-чуть длиннее, голова немного меньше, а лоб ниже; но вместе с тем вся гибкая фигура его дышала здоровьем, бодростью и силой, а движения были полны спокойствия и уверенности в себе, несмотря на то, что по виду это был не более, как юноша.

Глядя на него, наши друзья невольно почувствовали волнение.

Перед ними стояло то таинственное существо, тот первобытный герой человечества, который некогда, в непрерывной тяжелой борьбе, завоевал себе громкий титул «царя природы».

Какая жалкая насмешка! Этот ничтожный дикарь, получеловек и полу-зверь... царь природы!.. И однако, стоя перед ним, наши европейцы как-то невольно чувствовали, что здесь, в его времена — не они, изнеженные и просвещенные представители культурной жизни, а именно он, этот дикарь, есть истинный победитель и господин окружавшей их девственной природы...

Поглядев с минуту на наших друзей, человек той же смелой и спокойной походкой подошел к ним и, приветливо улыбнувшись, заговорил сильным, немного гортанным голосом на каком-то странном, неведомом наречии.

— Вы люди? — спросил он у них, и эта короткая фраза была новым доказательством того, что с ними действительно произошла необыкновенная перемена, так как оказалось, что они свободно понимали этот язык, хотя и слышали его в первый раз. Как ни поразительно было это обстоятельство, однако профессор Курц не растерялся и поспешил сейчас же вступить в разговор со своим новым знакомым.

— Да, да мы люди, — отвечал он и остановился, так как язык того времени оказался слишком беден для той красноречивой и трогательной речи, в которой ученый муж хотел было описать все постигшие их бедствия, а потому, немного смутившись, он мог только повторить:

— Да, мы люди!

Молодой человек вплотную подошел к Курцу. Вытянув вперед шею, он, очевидно, изучал своего нового знакомого при помощи того чувства, которое в наше время почти уже утрачено современным человеком. Затем он свободно, не торопясь приподнял на груди каждого из европейцев его листовенную одежду и внимательно поглядел на их кожу.

— Да, вы люди, — сказал он наконец после внимательного осмотра и, приветливо улыбнувшись, снова обратился к ним с вопросом:

— Вы живете далеко?

— Да, очень далеко, — ответил ему Бруно, — а ты, — в свою очередь, спросил он у него, — ты живешь тоже далеко?

— Нет, мой отец, моя мать, мой брат и другой мой брат и моя очень маленькая сестра, мы живем там, недалеко, — и, протянув руку, он указал по направлению к северо-западу. Затем, помолчав немного, он снова обратился ко всем.

— Вы ищете плодов для еды?

— Да, да, — отвечал на всякий случай Ганс, — мы ищем плодов, но их здесь нет.

— Да, здесь нет, — подтвердил юноша, — пойдемте со мной к жилищу моего отца, я покажу вам, где есть много, очень много плодов... А зачем поймали вы этого зверя? — спросил он вдруг, указывая своей дубинкой на черепаху, которой Иоганн по-прежнему пользовался вместо сиденья.

Вероятно, вследствие того, что вопрос этот был предложен непосредственно за разговором о пище, в уме талантливого гастронома быстрее молнии мелькнула мысль о возможности полакомиться каким-нибудь изысканным блюдом из нежного мяса черепахи, и это казалось ему тем более желательным, что кроме плодов новый знакомый, видимо, не желал ничем угощать наших проголодавшихся уже друзей. В голове Иоганна уже роилось несколько рецептов весьма соблазнительного состава, а потому он выступил вперед и предупредительно ответил на предложенный вопрос.

— Молодой человек, — сказал он, — мы поймали этого зверя для того, чтобы съесть его... — тут Иоганн принужден был остановиться, так как, подобно своему господину, он не находил в этом варварском наречии достаточных слов для того, чтобы удивить этого дикаря глубиной и силой своих кулинарных познаний; но, вероятно, уже и того, что он сказал, оказалось вполне достаточно для того, чтобы произвести на его слушателя неожиданное действие, так как, услышав ответ Иоганна, молодой туземец вдруг разразился самым искренним смехом, как будто бы ему рассказали что-нибудь весьма забавное.

— Съесть этого зверя, — говорил он сквозь смех, — но кто же ест зверей, кроме зверей... Вы очень голодны, — решил он наконец, немного успокоившись, — пойдемте скорее к нашему жилищу, я покажу вам, где растут плоды.

— Но твой отец рассердится на нас за то, что мы будем брать его плоды, — осторожно заметил профессор.

— О, О! — немного удивленно воскликнул юноша, — но зачем хотите вы брать плоды у моего отца, — вы сами берите их с дерева, — наставительным тоном посоветовал он несообразительным европейцам.

— Ну, это какой-то странный народ, — проворчал вполголоса Иоганн, обращаясь по-немецки к Бруно, — смеется

без толку и не понимает самых простых вещей.

— Да, но зато — они не людоеды! а ведь это чего-нибудь да стоит, не правда ли?

— Вот это действительно верно, этого достоинства у них отнять нельзя, — согласился Иоганн, для которого успокоение с этой стороны было особенно дорого.

Между тем, профессор кое-как объяснил туземцу, что вещи их остались на том берегу реки и что им очень хотелось бы возвратиться за ними на ту сторону.

— Вы были на том берегу, вы перешли здесь реку! — воскликнул юноша. — Ну, я так и знал, что вы люди другого, не нашего берега... Но вы не делайте этого еще раз: переходить эту реку нельзя. Здесь живут маленькие чудовища. Они убивают и зверя, и человека...

— Да, да, — подхватил Ганс, — теперь мы видели их и знаем это; но нам нужно, очень нужно возвратиться туда.

— Да, да, — с задумчивым видом согласился юноша, — там ваши жилища, ваши семьи... Но я не знаю, как это сделать...

Он в недоумении развел руками и затем снова предложил всем немедленно же отправиться к его отцу, который, может быть, поможет им своим советом.

Во всей манере и во всех речах этого неожиданного друга наших героев было столько искренности, доброжелательства и простоты, что они не колеблясь приняли его предложение и вместе с тем как-то молчаливо уступили ему руководство дальнейшими их действиями.

Бруно и Ганс были чистосердечно расположены к нему; Иоганн был преисполнен благодарности, чувствуя неприкосновенность своей особы; но дядя Карл просто завладел молодым человеком, казавшимся ему чем-то вроде осколка доисторической посуды, по которому он, профессор археологии, имел случай с такою полнотою изучать сокрытые тайны минувшей жизни. И дядя Карл с беззаветным увлечением предался этому изучению. Когда все общество двинулось наконец в путь, то Курц вместе с этим странным человеческим существом шел впереди, ревниво не допуская к нему никого из своих спутников. Он столь сильно ув-

лекся своими исследованиями, что, казалось, совершенно позабыл весь ужас того положения, в которое ставила наших друзей невозможность перебраться обратно через реку. Случай давал ему возможность заглянуть в таинственную глубину ушедших в прошлое тысячелетий, и он с таким рвением отдался этой возможности, что Иоганну пришлось окликнуть его по крайней мере три раза, прежде чем он обратил наконец на него свое внимание.

— Господин профессор, а, господин профессор, — взывал к своему патрону Иоганн, шедший немного позади остальных.

— Чего ты желаешь, человек? — ответил профессор на туземном наречии, с которым, по-видимому, успел уже совершенно освоиться и даже приобрести совершенно правильный оборот речи.

— Узнайте-ка вы от вашего ископаемого друга, — с раздражением сказал значительно притомившийся уже Иоганн, — сколько же часов ходьбы до чертогов его папаша!

Курц на ходу обернулся к Иоганну и, на этот раз хотя и строго, но уже по-немецки отвечал:

— Любезный друг, в наши времена люди, конечно, не умеют делить день на часы; советую вам больше приспосабливаться к обстоятельствам, — берите пример с меня. Вы видите, что перед вами нет более профессора Курца...

Увы! с этими словами высокая фигура дяди Карла действительно скрылась от взоров его друзей, так как, запутавшись в предательской лиане, он стремглав полетел в густую папоротниковую заросль, из которой ему с большой поспешностью и даже с заботой помог подняться его «ископаемый друг». Он даже с удивлением оглянулся на остальных спутников, среди которых послышался сдержанный смех по адресу ученого мужа.

— Эге, — сказал Бруно, заметивший это удивление, — посмотрите-ка, господа, здесь, кажется, не принято смеяться в подобных случаях. Вот видите, дорогой Иоганн, у этих людей, если только к ним поприсмотреться, найдутся, пожалуй, и другие достоинства, кроме вегетарианства.

— Ах, Бруно, все это очень может быть, — отвечал Иоганн, путавшийся короткими ногами в листьях своей растительной юбки, — но что касается до вегетарианства, то я скажу, что оно, — как и все, хорошо в меру. Плоды сегодня, плоды завтра... Это, при всем моем знании дела, не дает возможности уйти дальше компота, а ведь это, согласитесь, только конец хорошего обеда.

Мысль эта, по-видимому, лишила его значительной части бывшей у него в запасе энергии, так как он мало-помалу отстал и одиноко плелся сзади, чем и воспользовались оба брата, чтобы серьезно обсудить свое положение.

— Послушай, Бруно, я решительно нахожу наше положение очень опасным, хотя и не хочу говорить об этом ни Иоганну, ни дяде. По-моему, добраться до нашей пещеры вовсе не так просто, как это может показаться с первого взгляда. Те четыре-пять миль, которые отделяют нас от нее, при обыкновенных условиях представляют, конечно, не более как прогулку, но в те времена, которые нам приходится переживать теперь, — это целое путешествие, преисполненное тысячами опасностей, грозящими путнику на каждом шагу.

— Да, да ты, конечно, прав, — отвечал Бруно, — уж одна река требует чуть ни подвига, чтобы переплыть ее ширину в каких-нибудь сотню-полторы метров; а уж о лесах и говорить нечего. Я положительно считаю необыкновенным благополучием то обстоятельство, что до сих пор мы избежали всевозможных опасностей, а встречу с этим приветливым юношей считаю положительным счастьем.

— Если только отец его окажется таким же любезным, как и сын, — заметил Ганс, — то, может быть, при их помощи нам и удастся как-нибудь выбраться из беды, в которую мы попали благодаря нашему легкомыслию. До знакомства с семейством нашего проводника нам, пожалуй, трудно остановиться на каком-нибудь определенном плане.

— Видишь ли, Ганс, в добросердечности этого племени я не сомневаюсь ни минуты, но, к сожалению, они, кажется, стоят на такой низкой ступени развития, что вряд ли могут быть нам в чем-нибудь полезными....

— Ну нет, я с тобой не согласен, они могут помочь нам и орудиями, и огнем, и знанием местности; не забывай, что в настоящем нашем положении...

— Да, да, — подхватил Бруно мысль брата, — мы не более, как жалкие и беспомощные создания...

Беседуя таким образом, братья заметили, что путь их, шедший до сих пор в гору, теперь, наоборот, начал спускаться по очень пологому склону, все еще покрытому мощным девственным лесом; но, пройдя еще сотни три-четыре шагов, путешественники наши как-то сразу очутились на его опушке, и глазам их представилась широкая долина небольшой речки, поросшая с одного берега тем самым лесом, по которому они все время шли, тогда как другой берег представлял песчаную равнину, только местами покрытую кустарником и усеянную отдельными группами деревьев.

На той стороне речки, недалеко от ее берега, росло могучее ветвистое дерево, бросавшее широкую тень, которая резким темным пятном ложилась на белый песок, сверкавший под лучами уже высоко поднявшегося солнца.

В тени этого гиганта, словно отошедшего в сторону от своих сотоварищей, расположилась группа, состоявшая из нескольких человеческих фигур.

Подойдя к краю довольно обрывистого берега, проводник наших путников остановился на минуту и, протянув руку по направлению к дереву, сказал:

— Вот наше жилище.

Вслед за тем, сложив как-то особенно губы, он издал странный протяжный крик, который, вероятно, был подражанием крику какой-нибудь птицы и в то же время служил условленным сигналом, потому что, едва он раздался, как из густой тени дерева выступила мощная, хотя и не совсем грациозная фигура человека, который, не торопясь, подошел почти к самому берегу реки и, прикрыв рукой глаза, с видимым вниманием рассматривал вновь прибывших. Через секунду к нему подбежал ребенок и, остановившись рядом с ним, доверчиво прижался к ногам отца, который ласково опустил свою руку на голову ребенка. Миром

и тишиной веяло от этой сценки, в которой чувствовалось прочное и спокойное счастье дружной семьи.

— Это — мой отец и моя сестра, — пояснил молодой человек, и в голосе его послышалась та особая теплота, которая ясно показывала, как дороги были для говорившего эти существа, вышедшие им навстречу. — Идемте, идемте, торопил он своих спутников.

И руководимые им четверо пришельцев направились к реке, спускаясь по крутому и местами обрывистому берегу.

— Замечаешь ли, Ганс, что речь этих людей удивительно богата разнообразными интонациями? Нашему проводнику, например, достаточно было назвать отца и сестру, чтобы мы ясно поняли, как горячо он их любит.

— Ты совершенно прав, Бруно, — согласился Ганс, — я даже думаю, что бедность их языка значительно пополняется интонацией, при помощи которой они так верно выражают свои чувства.

— А меня, господа, интересует вон та темная штука, которая виднеется в ветвях этого громадного дерева, — говоря это, Иоганн жестом указал на какой-то предмет метров четырех в поперечнике, расположенный на главном стволе дерева в том месте, где ствол этот начинал разделяться на многочисленные ветви.

— Ба! неужели же вы, Иоганн, не догадываетесь, в чем дело? Помните, один английский путешественник рассказывал нам, что в Новой Гвинее он видел хижины дикарей, выстроенные на деревьях. Я уверен, что это и есть тот самый чертог нашего «допотопного друга», которым вы так интересовались.

— Что вы, да ведь это какое-то птичье гнездо, а не хижина! Господа, неужели же мы — подобно сорокам — принуждены будем поместиться в этой корзинке?

— Успокойтесь, дорогой Иоганн, я думаю, что до этого дело не дойдет, так как нас, вероятно, туда и не пустят, — отвечал Ганс.

Обмениваясь на ходу своими впечатлениями, наши друзья спустились к реке, перешли ее вброд по твердому пес-

чаному дну и подошли, наконец, к ожидавшему их хозяину. Здесь они сейчас же были окружены всеми членами его семьи, которые с большим любопытством, но тем не менее очень приветливо разглядывали вновь прибывших. Кроме самого хозяина, здесь были еще два подростка, очевидно, братья проводника наших путешественников, а женскими представителями этой семьи оказались жена хозяина, еще молодая женщина, и девочка лет пяти-шести, пользовавшаяся в семье, по-видимому, всеобщим расположением.

Дядя Карл, а еще более Иоганн, вероятно, благодаря своим необыкновенным фигурам, особенно заинтересовали местных жителей, и таким образом ученый гастроном почувствовал себя главным предметом всеобщего внимания, а потому, не желая уронить престиж цивилизованного европейца, он преодолел свою усталость и, подойдя к хозяйке, очень галантно расшаркался перед нею, отвесив ей поклон настолько грациозный, насколько то позволяли его костюм и комплекция. Но увы! Здесь, среди первобытных обитателей мира, его вежливость была принята присутствующими, кажется, за желание посмешить зрителей, потому что, вместо ответа на свое приветствие, бедный Иоганн услышал хотя и добродушный, но несомненно искренний смех, к которому присоединились даже и европейцы. Это ничтожное обстоятельство окончательно восстановило его против местного населения.

— Ну, среди этого невежественного отродья, — шепнул он Бруно, — нечего, кажется, справляться с каким бы то ни было этикетом.

Придя к такому заключению, он отошел в сторону и бесцеремонно растянулся на песке, не удостоивая более никого своим вниманием.

Между тем молодой человек, приведший наших путников, обратился к своим родным и в немногих словах рассказал им о своей встрече с людьми другого берега и об их желании снова перейти на ту сторону большой реки.

Затаив дыхание, слушали эти простые люди нехитрый рассказ, который, однако, производил на них впечатление какой-то волшебной сказки. Еще бы! Ведь дело шло не бо-

лее не менее, как о жителях той таинственной и недоступной для них страны, которую они называли «другим берегом Большой Реки».

Перед ними впервые стояли эти неведомые доселе существа, столь мало походившие на них самих, хотя и принадлежащие, по-видимому, к одной с ними породе. Особенно серьезно отнесся к делу глава семьи. Слушая рассказ сына, он, так же как и тот, бесцеремонно рассматривал наших друзей, а необыкновенно худощавого профессора даже ощупал, после чего в раздумье покачал головой. Когда же рассказ его сына был окончен, он обратился к европейцам со следующими словами:

— Переплывать реку здесь нельзя, потому что маленькие чудовища съедят человека; но старик, который живет недалеко, говорил мне, что «Большая Река» идет оттуда, — продолжал он, указывая рукой на север, — она идет оттуда долго. Человеку нужно идти туда столько дней, сколько у него пальцев на одной руке, и на другой руке, и еще на одной ноге без одного пальца. Вот сколько дней нужно идти туда человеку!

— Вот так арифметика, — саркастически проворчал Иоганн, видимо, теряя всякое уважение к туземцам.

— Да, — продолжал между тем хозяин тоном, каким у нас обыкновенно рассказывают сказки очень маленьким детям, — да, вот как далеко нужно идти человеку. В том месте, говорил мне старик, река падает с высокой, очень высокой горы, а потом уже идет к нам. Там, на высокой горе, в «Большой Реке» нет маленьких чудовищ и там человеку можно переходить ее. Наши люди не ходят туда, потому что им это не нужно, но если там, на том берегу, ваши жилища и ваши семьи, то вам нужно идти туда, — и он снова протянул свою руку, указывая на север.

Все эти сведения были, конечно, не очень утешительны для злополучных путешественников, однако Ганс попытался еще найти выход из этого затруднения.

— Хорошо, — сказал он, обращаясь к хозяину, — там реку перейти нельзя, но в другой стороне ее, может быть, нет этих чудовищ.

— Нет, нет, — отвечал тот, — «Большая Река» и здесь — жилище маленьких чудовищ. В эту сторону я ходил далеко, потому что прежде там жила моя жена, она знает реку еще дальше меня.

— Да, да, — подтвердила хозяйка, — а отец моего отца знает ее еще дальше. Там река делается очень большой, кругом нее, на берегу тоже очень много воды. Там очень мало людей, очень много зверей, в реке еще больше маленьких чудовищ. Нет, туда идти нельзя.

— Это нехорошо, — грустно сказал Бруно, — мы устали и голодны, наша одежда осталась на том берегу реки, наше оружие и пища тоже там.

— Если вы устали, — сочувственно сказал хозяин, — то ложитесь скорее спать. Здесь на песке очень хорошо, или вон там тоже хорошее дерево и хорошая тень. Ночью на том дереве очень удобно спать, а днем я или мой сын будем сторожить вас.

— Если вы голодны, я принесу вам плодов, — в свою очередь, отозвалась его жена, торопливо направляясь к своему висячему жилищу, — а завтра, —прибавила она уже на ходу, — все мы идем за плодами и вы тоже можете сделать себе запас.

— Лучше оставьте вашу одежду на том берегу, — посоветовал юноша, — у вас и эта еще очень хороша, а оружие можно сделать другое.

Всем этим радушным речам и советам европейцы внимали с понятной грустью, так как в них слышалось глубокое убеждение в необыкновенной затруднительности возврата к их пещере, который, во всяком случае, приходилось отложить на неопределенное время. Размышляя об этом, они безучастно глядели на хозяйку, шедшую за провизией. Впрочем, Иоганн и профессор все-таки очень интересовались посмотреть, каким способом эта дикарка доберется до своего жилища, которое помещалось метрах в четырех от земли, на совершенно гладком стволе, не имевшем снизу ни одной ветки и ни одного сука. Каково же было их удивление, когда женщина эта, далеко не доходя еще до самого ствола, вдруг сделала необыкновенно сильный прыжок

вверх и, схватившись рукой за одну из горизонтальных ветвей, с ловкостью и быстротой векши в одно мгновение исчезла в густой зеленой листве, совершенно не подозревая, какое удивление вызвала у пришельцев этим необыкновенным эквилибристическим упражнением, которое с ее точки зрения было не более, как самый обыденный прием повседневной жизни всякого человека.

— Ой-ой-ой!.. — жалобно проговорил Иоганн, — вот, господа, какого рода образ жизни предстоит вам вести. Надеюсь, господин профессор, что хоть это несколько охладит ваше желание оставаться здесь подольше. Не собираетесь же вы, в вашем возрасте и при вашем общественном положении, заняться изучением обезьяньей гимнастики?

— Напротив того, — строго и наставительно возразил господин Курц, — пока мы будем здесь, я постараюсь душой и телом войти в жизнь этого народа. Только тогда от нас не ускользнет ни одна черта этого таинственного быта. Ради науки, господа, советую и вам последовать моему примеру.

— Никогда, никогда, — с величайшим негодованием воскликнул ученый гастронм, — никогда Иоганн Дик из Нюрнберга не превратится добровольно в бесхвостую обезьяну.

— Увы, — улыбаясь, заметил Ганс, — кажется, все мы помимо нашей воли принуждены будем последовать дядюшкиному совету в силу горькой необходимости.

В этом месте разговор путешественников был прерван появлением хозяйки, которая с прежней ловкостью проворно соскользнула с ветвей вместе с корзиной весьма грубой работы, напоминавшей скорее гнездо какой-нибудь большой птицы, чем предмет домашнего обихода человека.

Дети и европейцы с одинаковою поспешностью окружили хозяйку, которая очень добродушно каждому предоставила совершенно свободный выбор провизии.

Юное поколение этого первобытного племени, конечно, не было голодно, а потому к выбору провизии относилось с большой осмотрительностью, желая получить во время этой неурочной раздачи наиболее вкусные вещи. Зах-

ватив, наконец, свои порции, дети отбежали к сторонке и, усевшись в кружок, принялись за лакомства, которые в то же время служили им и в качестве игрушек. Тогда, оставив корзину в полное распоряжение европейцев, хозяева со старшим сыном отошли на несколько шагов и завели между собой тихую беседу, предметом которой, конечно, были их необыкновенные гости.

— Так вот каковы люди другого берега, — задумчиво и тихо произнес отец семейства.

— Да, это другая порода, — заметила и его жена.

— Это не одна порода, — прибавил их старший сын. — Люди одной породы все одинаковы, а они нет; значит, этот длинный другой породы, а этот круглый еще другой.

— Зачем надели они на головы и на ноги эти корзинки из листьев и из прутьев? — спросил отец, обращаясь к юноше.

— Длинный человек, — отвечал тот, — говорил мне, что кожа на их ногах очень плохая и что на ней нельзя ходить, а на голове у них мало волос, и от солнца им очень больно.

Отец и мать рассказчика с большим сожалением покачали головами, очевидно, вполне сочувствуя бедственному положению европейцев.

— Да, — продолжал снова юноша, — это плохие, очень плохие люди, носами и ушами они слышат плохо, глазами видят тоже плохо; они три раза наступили бы на «большую змею», если бы я не шел с ними. Сами они не могут жить у нас — их в одну ночь съедят звери.

Все эти подробности о пришельцах не только повергли местных жителей в крайнее изумление, но и вызвали в них чувство глубокого сострадания к столь обездоленным существам, которые так нуждались в посторонней помощи. После живого обмена мнениями по этому предмету, старшие члены семьи, очевидно, пришли к решению, каким именно образом могут они помочь нашим друзьям, — а оказать им помощь они, как видно, считали просто чем-то вроде долга или обязанности, так как вопрос об этом даже и не поднимался.

Поэтому, когда проголодавшиеся путешественники кое-как утолили свой голод, отец семьи снова подошел к ним и объявил, что теперь всем необходимо приняться за приготовление к ночлегу, так как солнце начало уже спускаться к западу и до вечера оставалось уже недалеко.

Ночлег, по его проекту, должен был быть устроен на дереве, соседнем с их собственным, для чего на его ветвях надлежало устроить помост, или платформу. Нечего и говорить, что со стороны Иоганна предложение это вызвало взрыв негодования, который, однако, мало-помалу утихал по мере того, как местные жители знакомили его с названиями тех чудовищ, которые по ночам имели неприятное обыкновение разгуливать у корней этих деревьев-великанов. Перечень этот далеко еще не был окончен, когда всемирный гастроним, как называл его Курц, заметил, что тратить времени попусту нечего и что к постройке этой площадки необходимо приступить как можно скорее.

Таким образом, работа под руководством главы семейства, как говорится, закипела и еще за полчаса до захода солнца на ближайшем дереве уже была готова довольно обширная площадка, сплетенная частью из ветвей того же дерева, частью из других палок и прутьев. Сверху это нехитрое ложе было устлано толстым слоем мягкого мха, в который можно было зарыться для защиты от утренней свежести. В устройстве этой воздушной постели принимало участие все общество, не исключая даже детей, которые с большим интересом помогали переносить и подымать на дерево необходимый материал.

Усталые и непривычные к такой работе, друзья наши оказывали в ней лишь очень сомнительную помощь своим хозяевам, почему еще больше уронили в их глазах свое человеческое достоинство.

Наконец все приготовления были окончены и завершены всеобщим ужином, который, как и обед, состоял, конечно, из тех же плодов, а после ужина хозяева предложили всем немедленно же отправляться на покой, так как солнце уже скрылось и короткие тропические сумерки готовы были смениться быстро надвигавшейся ночью.

Ганс и Бруно помогли Иоганну и дяде Карлу кое-как взобраться на их помост, где, утомленные событиями этого дня, его волнениями, непривычным костюмом и работой, европейцы наши поспешили зарыться в мох.

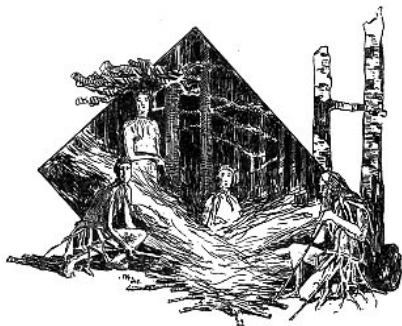
— Ну, вот мы и устроились! — довольным тоном произнес профессор. — Не знаю, как вы, друзья мои, но я начинаю приспособляться к первобытной культуре.

— Не извольте беспокоиться, господин профессор, мы следуем за вами; с завтрашнего дня я начинаю учиться каркать по-вороньему, что в этом гнезде будет приличнее немецкой речи...

Вероятно, в другое время эта фраза была бы началом бесконечного пререкания, но теперь разговор на ней и оборвался. Усталость взяла свое. Все умолкли, чувствуя приятную истому отдыхающего тела и всем существом отдаваясь сладостному отдохновению, а через две-три минуты все четверо спали уже глубоким сном, которым закончился этот первый день, проведенный ими среди первобытных людей. И что бы ни ожидало их впереди, в этой таинственной области минувшего, но сейчас к ним слетел тихий и глубокий сон, и своей властью, властью великого утешителя всего живущего, отогнал от их мыслей все тревоги и все заботы.

Глава V

Корзины Ганса и Бруно. Допотопный выстрел.

а другой день европейцы проснулись довольно поздно, и почувствовали себя совершенно разбитыми. Их кожа, обожженная солнцем и горячим ветром, нестерпимо горела; все члены ныли, словно после долгой болезни.

С большим трудом спустившись с дерева, они нашли местных жителей давно уже вставшими. Трое детей весело плескались в речке, тогда как трое старших хлопотали над сооружением новой корзины. Плели они ее без всякой системы, как придется, скрепляя между собой неровные и сучковатые прутья, и при этом укладка каждого из них представляла для этих людей совершенно самостоятельную и подчас нелегкую задачу.

Гостей своих они встретили очень радушно и сейчас же заметили их болезненное состояние, которое и было причиной того, что предположенная на сегодня экскурсия за плодами была отложена на завтра.

— Идите купаться, — вам будет лучше, — посоветовал им юноша.

— А потом поешьте плодов, они стоят вот там, под деревом, — ласково прибавила хозяйка, с необыкновенным сожалением глядя на жалкие фигуры путешественников.

Последовав этим заботливым советам, дядя Карл и его спутники действительно почувствовали себя значительно лучше, так что к концу завтрака у них завязалась даже довольно оживленная беседа.

— Знаете ли, господа, — сказал Бруно, — мне почему-то кажется, что, хотя наши хозяева и признали в нас людей,

но мы все-таки кажемся для них, вероятно, такими же непонятными существами, какими для американцев казались Колумб и его сподвижники.

— Очень жаль только, что для полного нашего сходства с этими почтенными мореплавателями мы не имеем ни одежды, ни оружия, ни пищи, — заметил Иоганн, мрачно поглядывая на содержимое корзины. — Теперь я верю вам, господин профессор, что допотопный человек был не более ни менее, как травоядное животное, жил в гнездах, едва умел связать несколько слов, не знал даже того, что делалось чуть не перед самым его носом и уж, конечно, не имел ни малейшего представления о кухне, что, на мой взгляд, даже лишает его права называться человеком, и я уверен, что это и не люди, а просто особая порода обезьян.

— Любезнейший мой магистр гастрономии и кулинарии, — строптиво возразил господин Курц, — я никогда не позволяю себе совать свой нос в ваши кастрюли с соусом, а потому предлагаю и вам не болтать вздора о доисторическом человеке, достоинства которого вы, конечно, не можете ни понять, ни оценить; я же, Курц, профессор археологии, заявляю вам, что мы имеем случай наблюдать настоящего, слышите ли, настоящего человека.

— Очень может быть; я только боюсь, как бы этот настоящий человек на какой-нибудь зеленой лужайке не принялся бы мирно пощипывать сочную травку, предварительно опустившись, конечно, на четвереньки.

— Стыдитесь, Иоганн, — наставительно возразил Курц, — ведь все это вы говорите только потому, что эти люди не могут угостить вас мясным блюдом. Стыдитесь, не позволяйте желудку убить в вас человека!

— Посмотрите внимательно на этих людей. Разве не обладают они всеми качествами, присущими человеку? Вот вам семья, вот муж и жена, разве они не привязаны друг к другу, разве не любят и не ласкают своих детей, как и цивилизованный человек?

— Извините мою смелость, господин профессор, — прервал его Иоганн, — но я рискну заметить вам, что слон, лошадь, волк, да, вероятно, и все животные вообще, так же

точно любят своих подруг, своих детей и свои семьи. И знаете ли, что я вам скажу, — по-моему, так все это даже совсем и не человеческие качества, потому что, по правде сказать, в наше время ими только хвастаются, а на деле мало кто из людей имеет их в наличности.

Это неожиданное замечание Иоганна так поразило Курца некоторой долей справедливости, что он, вероятно впервые, не нашел бы с достаточной быстротой надлежащего возражения, если бы на помощь ему не подоспел Бруно.

— Э, нет, — возразил он, — все это несколько иначе, чем вы думаете. Ваши волки, лошади и слоны, конечно, никогда не оказали бы нам помощи в нашем затруднительном положении, они никогда не были бы для нас такими радужными и предупредительными хозяевами, они не стали бы делиться с нами своими съестными припасами; нет, нет, вы несправедливы к этим существам. Единственно, чего я не стану оспаривать, так это, пожалуй, того, что люди эти много нравственнее, чем их современные нам потомки.

— Что вы, что вы, Бруно, да ведь я и не думал утверждать что-либо подобное, — воскликнул удивленный Иоганн.

— Напротив, дорогой Иоганн, вы говорили именно это. Подумайте, разве привязанность к детям и к семье, любовь к себе подобным, прямота и простосердечие не есть лучшие из человеческих достоинств! А ведь вы сами говорили, что люди эти действительно обладают всеми этими достоинствами, тогда как у нас эти качества существуют главным образом только в литературе. Да, да в этом отношении я не только поддерживаю вашу мысль, но иду, пожалуй, еще дальше, — я утверждаю, что люди эти не только лучше и нравственнее современных нам, но даже и счастливее их.

— Ну уж это ты, дружок, кажется, перехватил, — с большим сомнением заметил господин Курц, — конечно, вопрос о счастье — весьма туманен, ну, а что касается умственного развития, промышленности, техники, наук, искусств... вообще всего того, что мы понимаем под словом «прогресс», так уж тут, пожалуй, и слепой увидит, как далеко за собой оставила наша цивилизация это жалкое прозябание.

— Да, да, и вместе со всеми благами эта же цивилизация лишила нас здоровья, почти искалечив наш организм. Посмотри, разве мы так видим, слышим и обоняем, как эти люди; разве мы хоть вполчину так здоровы и выносливы, — как они! Посмотри-ка на них внимательно, — как довольны, как счастливы они; укажи же теперь мне хоть десяток из наших нюренбергцев, который хотя бы вполчину чувствовал такое полное довольство жизнью, как то, которое мы теперь видим... Я не знаю, что такое счастье, но теперь вижу и знаю, что такие счастливые люди, как раньше у себя видел и знал, что такие несчастные.

— Позвольте, господа, — вмешался Ганс, — все эти споры делают большую честь вашей наблюдательности, хотя все вы, очевидно, расходитесь во мнениях; однако я рассчитываю всех вас помирить на одном желании: как можно скорее пробраться в свою собственную цивилизацию, как бы плоха она ни была, потому что, как в гостях ни хорошо, а дома, говорят, лучше; в Нюренберге, или даже в Мадрасе я, если хотите, сам напомню вам, на чем вы остановились в вашем споре, а теперь предлагаю вам выслушать кое-какие соображения по поводу нашего положения.

Теперь для нас окончательно выяснилось, что переплыть реку было бы очень рискованно, значит, нам остается два выхода: или обойти ее до водопада, или же построить плот, на котором можно было бы безопасно переправиться на тот берег. Тот и другой план, по-моему, потребует не менее двух недель для своего осуществления. Лично я склонен остановиться на устройстве плота или лодки, потому что двухнедельная прогулка по здешним дебрям мне не особенно нравится, но, во всяком случае, я хотел бы знать ваше мнение по этому поводу.

Правильность соображений Ганса была слишком очевидна, а потому, на общем совете было решено приступить к сооружению плота или лодки.

— Ну, а теперь, господа, — продолжал Ганс, — нам следует облегчить нашим приветливым хозяевам те хлопоты, которые мы причинили им нашим посещением.

Присоединившись к туземцам, наши европейцы были очень тронуты, узнав, что корзина, над которой те трудились целое утро, предназначалась для них на завтрашний день, когда всем предстояло идти за возобновлением запаса плодов.

Конечно, Ганс и Бруно сейчас же предложили свою помощь. Предложение это было принято туземцами хотя и с большим сомнением, но тем не менее юноша очень охотно отправился вместе с братьями, чтобы помочь им при отыскании подходящего материала. Иоганн также присоединился к ним, тогда как господин Курц остался с хозяевами, с которыми и завел бесконечный разговор.

Шагах в трехстах от хижины юноша указал братьям на какой-то куст и сказал:

— Вот из этого мы делаем свои корзины.

Однако, к немалому его удивлению, Ганс, оглядевшись кругом, остановил свой выбор не на указанном кусте, побеги которого, хотя и отличались прочностью и гибкостью, но в то же время были очень неровны и для корзиночного дела, конечно, не годились.

— Мы попробуем плести корзины вот из этого,— сказал он, сламывая стебель какого-то ползучего растения.

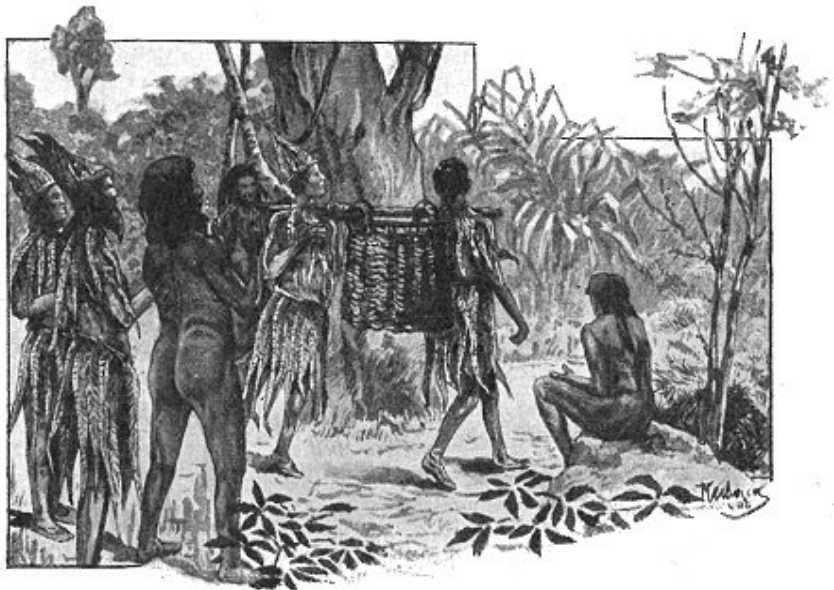
Действительно, оказалось, что сочная кора растения весьма легко отделялась во всю длину, оставляя длинный, гибкий и совершенно ровный прут, отличавшийся к тому же поразительной прочностью и далеко превосходящий своими достоинствами не только материал, употребляемый местными жителями, но даже и нашу, корзиночную лозу.

Обрадованные такой удачной находкой, братья поручили очистку материала Иоганну и молодому туземцу, который, кстати сказать, немало удивлялся их приемам в работе, а сами принялись за плетение.

По мере того, как работа их подвигалась вперед, удивление и восторг туземца принимали все большие и большие размеры; через час перед пораженным помощником их стояли две глубокие корзины с ручками, при помощи которых их можно было носить вдвоем. Когда же они были принесены и показаны всем остальным, то, вероятно, в Анг-

лии с меньшим удивлением смотрели на первый паровоз Стефенсона, чем здесь на эти первые правильно сплетенные корзины. Как ни плохо были сделаны эти вещи, они все-таки казались людям того времени чем-то необыкновенным, а творцы столь удивительных предметов сразу приобрели в их глазах славу мудрецов и искусников, в особенности после того, как Ганс, продев дубинку хозяина в ручки корзинки, вместе с Бруно показал, как можно носить в ней различные тяжести не одному человеку, а двоим. Этот, очевидно, совершенно еще неведомый здесь прием вызвал целый ряд опытов. Отец и сын на все лады пробовали нагружать и носить эти корзины и вдвоем, и поодиночке, и на плечах, и на голове, и просто в руках.

— Забавляются совершенно так же, как дети, которым дали новую игрушку, — с некоторым пренебрежением заметил Иоганн, снисходительным оком глядевший на все эти упражнения.

— Я уже, любезнейший, советовал вам однажды повоздержаться от ваших скороспелых выводов, а теперь делаю

это вторично. Все это вовсе не так просто, как вы думаете, и для этих людей дело идет не о детской забаве, а о целом открытии нового приема в работе. До сих пор каждый из них работал порознь, пользуясь только своими силами, следовательно, и результаты получал всегда такие, какие достижимы для одного человека; теперь же, благодаря нашим корзинам, они начинают догадываться, что иногда два человека, соединив свои усилия, могут сделать больше, чем работая отдельно.

Это замечание дало совершенно иное направление тому интересу, с которым европейцы до сих пор наблюдали за возней их хозяев с корзинами и скоро они, к немалому своему изумлению, пришли к заключению, что дядя Карл совершенно прав, так как все пробы и опыты носили вполне систематический характер и, внимательно следя за ними, наши друзья, правду сказать, впервые сами убедились в той истине, которую только что провозгласил профессор Курц. На этот раз они сами были поражены тем умением, с которым эти простые люди так подробно изучали показанное им новое приспособление и определяли ту выгоду, которая могла быть достигнута при его посредстве.

— Знаешь ли что, Ганс, — сказал Бруно, — эти люди так трогательно восхищаются произведением нашего искусства, что нам остается не пожалеть наших трудов и приподнести им в подарок парочку таких же корзинок.

— Конечно, — согласился Ганс, — тем более, что нам необходимо хоть чем-нибудь выразить им свою благодарность за их заботливое гостеприимство.

Когда Бруно сообщил об этом решении своим хозяевам, оно вызвало с их стороны целый взрыв самого неподдельного восторга. В какие-нибудь десять-пятнадцать минут вся семья общими усилиями заготовила для наших мастеров материала, по крайней мере, на полдюжины корзин, а когда они принялись за работу, то трое старших членов семьи с необыкновенным терпением старались и сами перенять у пришельцев это необычайное искусство. Однако, старания эти были вознаграждены лишь очень сомнительными успехами, так как корзины их работы все-таки оказа-

лись плохими изделиями. Последовательное сплетение прутьев, их правильное распределение и вообще систематичность работы, очевидно, давались первобытному человеку лишь с величайшим трудом. Зато туземцы были чрезвычайно довольны, получив корзинки работы Бруно и Ганса. Они долго осматривали свои подарки и любовались ими, бросая по временам на европейцев взгляды, исполненные такой глубокой и так ясно выраженной благодарности, что это привело, наконец, дядю Карла к очень любопытному открытию.

— Друзья мои, — воскликнул он, — замечаете ли вы, что чувство благодарности выражается здесь просто при помощи взглядов? Так вот, значит, почему я до сих пор совершенно напрасно искал в местном наречии слов, которыми уже много раз хотел поблагодарить наших хозяев за их радушие, — теперь для меня ясно, что в этом языке таких слов вовсе не существует.

— И правду сказать, — заметил Бруно, — я не вижу в этом большого ущерба. Здесь мы и без слов видим, как глубоко эти люди чувствуют благодарность, ну а в Европе, правду сказать, самая трогательная благодарственная речь не может убедить меня в том, что в душе оратора действительно живет то чувство, о котором он так красноречиво говорит.

— Дорогой Бруно, — прервал молодого человека Иоганн, — не можете ли вы на некоторое время отложить ваши хвалебные гимны этим травоядам, так как в настоящую минуту они садятся за свой вегетарианский обед; здесь, как вы и сами знаете, к столу не приглашают, а я чувствую настоятельную потребность хоть чем-нибудь наполнить свой желудок.

Действительно, покончив с рассматриванием полученных подарков, туземцы уселись уже вокруг корзины с провизией, а потому наши путешественники, по совету Иоганна, без дальнейшей церемонии поспешили присоединиться к ним, что не только не вызвало со стороны хозяев какого-либо неодобрения, а наоборот, было принято за самый естественный поступок.

С тяжелым вздохом опустил Иоганн руку в глубокую корзину и к удивлению своему вытащил оттуда кусок какого-то корня около фута длиной, а толщиной в обыкновенную свечу. С болезненно-грустной улыбкой глядел он на это «блюдо» и наконец, обратившись к хозяину, спросил:

— А что, это дерево тоже можно есть?

— Да, да, — успокоительным тоном отвечал тот, — можно, нужно только снять кожу.

Бедный Иоганн ничего не возразил на это объяснение и с покорностью мученика принялся ошипывать тонкую кожу растения.

— Ну что, Иоганн, каково это на вкус? — улыбаясь, спросил Ганс.

— Дорогой Ганс, — отвечал тот, — это напоминает нечто среднее между брюквой и капустной кочерыжкой; в белом сладком соусе это было бы, пожалуй, недурно, но в сыром виде... для цивилизованного... а впрочем, Бруно, — обратился он к молодому человеку, который в это время, наклонив корзинку, отыскивал что-нибудь для себя, — а впрочем, поищите-ка мне еще одну такую палку...

После обеда хозяева снова обратили внимание на состояние здоровья своих гостей и посоветовали им отдохнуть. Действительно, Курц, Бруно и особенно Иоганн, хотя и оправались немного, но все же чувствовали себя плохо, а потому решили сейчас же последовать совету заботливого хозяина. Расположившись в тени дерева, они наполовину зарылись в песок и скоро уснули, оберегаемые хозяином и его старшим сыном, которые, усевшись шагах в десяти от них, с новым интересом принялись рассматривать диковинные корзины.

Ганс, чувствовавший себя значительно лучше других, не пошел спать и остался с хозяйкой и детьми, которые, со всех сторон окружив мать, просили, чтобы она рассказала им о том, «что было прежде». По тону их усиленной просьбы Ганс понял, что это была одна из их любимых сказок, а потому и сам не прочь был послушать ее, зная, как потом обрадуется ей дядя Карл.

— Ну хорошо, хорошо, — ласково отвечала мать, сдаваясь на упрямства детей, — садитесь и слушайте.

Детишки мгновенно успокоились, мальчики поместились у нее с боков, а девочка приютилась на коленях матери, где улеглась в очень удобной позе. Таким образом приготовились они насладиться тем самым удовольствием, которое сто тысяч лет после них испытывают дети и наших времен, когда могущественная фея-фантазия приподымает перед их широко раскрытыми глазенками таинственную завесу, за которой скрывается сияющий, волшебный и очаровательный мир, — мир чудес и подвигов, страшных злодейств и необычайной добродетели, одним словом — мир, в котором есть все, кроме обыденной жизни и обыкновенного человека...

— Ну, дети, слушайте! Расскажу я вам, как в этом самом лесу, в котором живем теперь мы, — жили когда-то другие люди! Тогда были они не такие маленькие, как мы, а большие, большие, — такие большие, как ваш отец да еще и ваш брат! Одним ударом камня могли они убивать тех «больших чудовищ», которые жили тогда в здешних реках, и у которых было такое тело, что в нем мы могли бы сделать себе жилище, а шея на этом теле была такая, как наш большой змей, только голова на этой шее была еще страшнее, — глаза еще злее, — зубы еще острее...

Ох, дети, дети! какие страшные были эти чудовища! Они убивали больших людей и ели их так, как мы едим наши плоды... Да, теперь нет уже здесь ни таких людей, ни таких чудовищ. Они ушли из наших лесов далеко в разные стороны, и вот как это случилось.

Один раз, собрались все чудовища для того, чтобы сразу убить всех людей, которые всегда мешали им жить. Пришли с ними и другие страшные звери, — такие, какие теперь тоже не живут уже здесь; пришли и птицы, у которых крыло было больше вашего брата; пришли змеи, такие длинные, как поваленное ураганом дерево. Все они пришли, — чтобы убить людей, которые всегда убивали их, так же как и мы всегда убиваем наших чудовищ. Но люди узнали об

этом. Они тоже собрались все вместе. Вот потому-то и была тогда по всему нашему лесу кровавая, долгая битва.

Ох, дети, как долго бились тогда враги и как тогда было страшно!

Бой уже начался, когда солнце вышло на небо, а окончился он только тогда, когда солнце ушло за высокие горы. И вот ночью испугались чудовища людской силы и в темноте, когда ничего не было видно, они оставили здесь своих убитых и потихоньку ушли далеко, далеко, вон в ту сторону. Но и люди тоже испугались чудовищ. Они тоже оставили здесь своих убитых и ушли далеко, далеко в другую сторону. С того дня и те и другие боятся приходить сюда и живут далеко отсюда, в разных сторонах земли. Так и нет теперь здесь больших людей и больших чудовищ, только в земле лежат здесь их кости, которые может видеть всякий человек, если он...

Поднявшись порывистым движением с колен матери, девочка вдруг прервала ее рассказ. В глазах ребенка светилось какое-то беспокойство; она нервно поводила своей головкой, ноздри ее раздулись и она, как маленький зверек, беспокойно втягивала ими окружающий воздух.

В тот же миг беспокойство ее передалось и всем остальным.

Ганс в недоумении глядел на эту перемену, решительно не зная, чем можно было бы объяснить ее. У него мелькнула была мысль, что, может быть, это не более, как действие сказки, но, случайно взглянув на хозяина и его сына, он к удивлению своему увидел, что оба они, словно литые изваяния, неподвижно замерли в напряженных позах, а в глазах их холодным блеском стали светиться недобрый, зловеющий огонек. В немного приподнятой и отнесенной назад руке каждый из них сжимал по плоскому речному валуну, а взоры их были устремлены куда-то в одну и ту же точку.

Ганс чувствовал, что вокруг него происходит нечто странное, недоступное его европейскому пониманию и хотел было уже попросить объяснение, но едва он успел открыть рот, как хозяйка сильно сжала его руку и знаком предложила ему сохранить молчание. Совершенно ошеломленный всем

этим и даже встревоженный, он все же как-то невольно покорился и по направлению глаз всех окружающих старался отыскать тот предмет, который был причиной такого необыкновенного состояния всей этой семьи.

Прошла минута, другая, — Ганс по-прежнему не мог понять, в чем дело и все по-прежнему сидели, застыв все в тех же напряженных позах, как вдруг он заметил, что побеги куста, росшего неподалеку от его спавших товарищей, чуть заметно шевельнулись и в тот же миг по всему телу его пробежал невольный трепет, — из куста показалась огромная змеиная голова. Ее сверкающие глаза с жадным вниманием устремились на безмятежно спавших европейцев, в воздухе пронесся едва уловимый злоедающий свист и затем из куста медленно стало выползать огромное тело змеи, яркой лентой запестревшее теперь на белом песке лужайки. Ганс, наверное, бросился бы на помощь своим товарищам и тем самым, может быть, погубил бы и их и себя, если бы его снова не удержал повелительный жест хозяйки, которому он повиновался помимо своей воли. Глядя на всю эту дикую, непривычную ему сцену, он вдруг с необыкновенной ясностью понял, что перед ним действительно иные люди, живущие иной непонятной ему жизнью, и что здесь самым благоразумным будет — без рассуждений отдаться под защиту этих странных существ.

Однако, следовать этому решению при настоящих обстоятельствах стоило Гансу невероятных усилий. Змея все больше и больше приближалась к спящим; вот она уже вплотную подползла к дяде Карлу и над ним медленно и бесшумно начала приподыматься ее злоедающая голова. Хозяйке снова едва удалось удержать на месте всем телом дрожавшего Ганса.

— Сиди, — едва слышно прошептала она, — иначе змей убьет этого человека.

И Ганс снова замер на месте. Едва отдавая себе отчет в том, что происходило перед его глазами, с невыразимой тоской глядел он на своих спящих друзей, на поднявшуюся над ними страшную голову чудовища и на этих двух человек с напряженными мускулами и с острыми сверкавшими взгля-

дами, от которых ожидал он теперь помощи своим друзьям.

Вдруг змеиная голова слегка откинулась назад, из ее пасти сверкнул быстрый как молния язык и послышалось то тихое страшное шипение, которое предшествует обыкновенно смертельному удару... Ганс не выдержал и вскрикнул... но в тот же миг рука юного туземца, словно стальная пружина, метнулась вперед, в воздухе что-то мелькнуло и змеиная голова, будто взорванная пороховым патроном, разлетелась в куски, обдав дядю Карла целым каскадом кровавых брызг. Уже безвредный, но еще полный жизни и движения, труп змеи с разможенной головой повалился на ноги Иоганна, извиваясь в предсмертных конвульсиях.

Глубокий вздох облегчения вырвался из груди Ганса. Он с беспредельной благодарностью взглянул на юношу и его отца и при этом невольно заметил, что в глазах этих людей уже погас тот дикий и жестокий блеск, которым лишь за минуту перед тем горели их взоры; теперь перед ним снова были простые, добрые и вполне понятные ему люди, в которых он если и удивлялся чему-нибудь, так разве только тому спокойствию, с которым они относились к происшествию, казавшемуся ему столь необычайным. Действительно, юноша и его отец даже не поднялись со своих мест, чтобы поглядеть на побежденного врага, — к чему, разве они не были уверены в меткости нанесенного удара, разве каждый день их жизни не приучил этих людей считать подобные случаи столь обыкновенными, что на разговоры о них не стоит тратить ни слов, ни времени! Даже дети совершенно спокойно подошли вместе с ним к спящим, чтобы осмотреть туловище убитого змея, тогда как он, будучи уже взрослым человеком, не мог смотреть на это огромное тело без невольного чувства страха. Да, даже дети первобытного человека так глубоко понимали всю безвредность этого, когда-то страшного врага, что созерцание его не вызывало в них ничего, кроме простого любопытства. Эта простота и естественность отношения тогдашнего человека к действительности сильно поразили нашего юного европейца.

Наконец, уверившись в совершенной безопасности своих товарищей, он подошел к хозяину и его сыну и всеми силами старался выразить им свое удивление их искусству и свою горячую признательность за избавление его друзей от грозившей им опасности.

Между тем, дети принялись оттаскивать в сторону огромное пятиметровое туловище змеи, чем и разбудили, наконец, крепко уснувших европейцев, которые, не обратив внимания на возню детей, поднялись со своего песчаного ложа и, потягиваясь после крепкого сна, подошли к Гансу и его собеседникам.

Представьте же себе их удивление, когда Ганс рассказал им, от какой ужасной опасности избавились они благодаря ловкости и хладнокровию юного туземца. Только тут обратили они внимание на то, что вся грудь дяди Карла была сплошь забрызгана кровью. Когда же Иоганн взглянул на убитую змею, то минувшая опасность показалась ему так велика, что бедный малый испытал припадок неудержимого панического страха и поднял такой отчаянный крик, как будто бы змея только теперь собиралась нападать на его драгоценную особу.

— Держите, держите ее! — кричал он детям, тащившим змею, — держите, пока я взлезу на дерево. Ой, ой, ой, Ганс, да помогите же мне взобраться на него!

— Ну полно, полно, любезнейший, — силился успокоить его господин Курц, — ведь говорят же вам, что змея убита.

— Ай, ай, ай! Не подходите ко мне, господин профессор, — вопил Иоганн, отмахиваясь обеими руками от своего патрона, который сделал было несколько шагов по направлению к нему, — вы сплошь усеяны теперь ядовитыми зубами этого чудовища и можете нанести мне смертельное укушение.

— Что за чепуху несете вы, милейший, где это вы видели, чтобы благовоспитанные люди наносили бы другим смертельные укушения? — с негодованием воскликнул дядя Карл.

— Где я видел! Я боюсь, как бы этого не случилось здесь; вы, верно, забыли, что после удара камнем вся змеиная голова посыпалась прямо на вас и все ее зубы, наверное, торчат теперь где-нибудь на ваших листьях.

— Да успокойтесь же, милый Иоганн, — вмешался Ганс, — ручаюсь вам, что всякая опасность миновала.

— Нет, нет, я хочу на дерево; ради Бога, помогите мне взобраться на дерево; да выкупайте вашего дядюшку, иначе он погубит всех вас.

И Иоганн старательно карабкался на дерево, беспомощно сползая по его гладкой поверхности.

Делать было нечего. Ганс понял, что при таком состоянии на Иоганна не действуют никакие доводы, а потому без дальнейших возражений помог несчастному взобраться в его спасительное убежище.

Только посидев там с четверть часа и увидев, что профессор основательно отмылся в реке от змеиных зубов, Иоганн мало-помалу стал приходить в себя.

Между тем, местные жители с большим удивлением смотрели на всю эту сцену, совершенно не понимая, что такое происходило с одним из странных обитателей «другого берега Большой Реки». Наконец, юноша не выдержал и обратился к Бруно за объяснением.

— Скажи мне, что случилось с «Круглым Человеком», — спросил он с видимым участием и неподдельным изумлением.

— «Круглый Человек», — улыбаясь, отвечал тот, — очень боится змеи.

— Какой змеи?! — воскликнул хозяин, с беспокойством озираясь вокруг. — Разве он чувствует другую змею?

— Нет, нет, — поспешил успокоить его Ганс, — он боится той змеи, которую убил твой сын.

— Той, которую я убил... Почему же он ее боится, — в раздумье бормотал юноша и потом вдруг, словно сообразив, в чем дело, воскликнул:

— А-а! Теперь я знаю, почему. Он думает, что она еще жива.

Таким решением столь запутанного вопроса туземцы,

видимо, совершенно удовлетворились, и молодой человек обратился к Гансу со следующими словами:

— Скажи ты Круглому Человеку, — что он может не бояться, — мой камень всегда убивает того зверя, в которого я его бросаю.

В этой маленькой фразе сказала еще одна особенность первобытного человека, так как в тоне его речи Ганс не подметил и следа хвастовства своим искусством; напротив, все это было сказано, очевидно, только для того, чтобы успокоить напрасно встревоженного человека, который просто напросто, может быть, не знал, насколько можно полагаться на его ловкость.

— Слышите ли, Иоганн, — крикнул Ганс, обращаясь по-немецки к несчастному гастроному, который, скрываясь от несуществующей опасности, взобрался чуть не на самую верхушку дерева, совершенно исчезнув в его густой непроницаемой листве, — слышите ли вы, что говорит этот юноша? Ну, чем же прикажете вы объяснить нашим хозяевам, — шутливо продолжал он, — ваше непонятное им поведение?

— Скажите вы этим допотопным дуракам, что они не доросли еще до понимания чувств цивилизованного человека, — с раздражением отвечал тот из своего ветвистого убежища, — а если вы со мной не согласны, так попытайтесь растолковать этому народу, какую роль играют наши нервы в XX-ом веке.

— Ай, ай, ай, Иоганн, как вам не стыдно бранить тех самых людей, которым вы обязаны спасением вашей жизни, — укоризненно заметил Бруно.

— Да я вовсе и не думаю бранить их, а действительно думаю, что они таковы и есть; я не собираюсь переводить им это название с немецкого языка.

— А если бы и собрались, то все равно не перевели бы, потому что на их языке слова «дурак» не существует, а это показывает, что и дураков среди них нет, так как иначе они придумали бы для них особое название.

— А я, напротив того, полагаю, что слово это им не нужно только потому, что все они сплошь одинаково глу-

пы, в чем и вы, вероятно, скоро убедитесь, а пока скажите-ка мне — оттащили ли детишки куда-нибудь эту гадину, — не сидеть же мне здесь, в самом деле, до самой ночи!

— Уже, уже, — отвечал Ганс, — можете смело покинуть ваше убежище.

— Ну, в таком случае я превращаюсь из птицы в человека и поспешу спуститься с дерева на землю, — объявил Иоганн; но, увы, какой-то предательский сук, подломившись под тяжестью всемирного гастронома, дал ему возможность привести в исполнение свое намерение гораздо быстрее, чем он того желал, сообщив его медленному движению такую точно скорость, с какой обыкновенно возвращаются на землю брошенные вверх камни.

Бедный малый уже соображал, какая именно из его конечностей окажется сломанной при возвращении на родину, но, к счастью, ветви, которые встречались на его пути, задержали его стремление присоединиться к своим друзьям и потому он обрушился на мягкий песок довольно благополучно.

— Ах Иоганн, Иоганн, — можно ли быть таким неосторожным, — говорил Бруно, помогая ему подняться на ноги, — и к чему вам было так торопиться?

— Ну, мой милый Бруно, — отвечал Иоганн, почесывая бока, — признаться сказать, моя поспешность в этом случае совершенно не зависела от моего желания.

— Зато, Иоганн, вы можете гордиться тем, что тело ваше, подобно небесным телам, испытало на себе действие великого закона тяготения, — сказал Ганс.

— Ах, оставьте меня в покое с вашим законом тяготения, который природа выдумала, кажется, только для того, чтобы дать случай честному человеку сломать свою шею под благовидным предлогом.

— А я вам скажу, — наставительно заметил Ганс, — что ваше падение есть не что иное, как наказание за вашу неблагодарность к современному человеку и за ваше дурное о нем мнение; теперь вы видите, к чему приводит несправедливость по отношению к себе подобным.

— Знаете ли что, Ганс, — раздраженно отвечал Иоганн, — я бы вам посоветовал переменить карьеру моряка, которым вы скоро будете, на поприще пастора, потому что у вас, как я вижу, большая склонность к проповедям...

Этим маленьким эпизодом закончился второй день пребывания наших путешественников среди доисторических условий существования человеческого рода.

На другой день с утра предстояло двинуться в экскурсию за пополнением запасов провизии, а потому вся небольшая колония после раннего ужина разошлась по своим воздушным спальням, чтобы хорошенько отдохнуть к завтрашнему дню.

Впрочем, когда все четверо улеглись уже, зарывшись в мягкий душистый мох, Ганс успел пересказать профессору ту сказку, которую ему удалось сегодня услышать.

— Знаете ли, что я думаю по поводу этого повествования? — глубокомысленно заметил ученый. — Я думаю, что это не сказка, а предание о давно минувших временах. Завтра же расспрошу хозяев и хорошенько займусь этим вопросом.

— Ах, господин профессор, да неужели же существуют времена еще более отдаленные, чем те, в которых находимся мы в настоящее время, — с отчаянием воскликнул Иоганн, — и неужели же для вашего археологического самолюбия мало и тех ста тысяч лет, которые отделяют нас теперь от нашего собственного времени?

— Мой любезный Иоганн, — весело отвечал ученый, — думаю, что сейчас мы действительно находимся недалеко от того рубежа, до которого простирается область археологии, изучающей доисторического человека, и за которым начинается область геологии, имеющей в виду не историю человека, а уже историю земли. По всем признакам я полагаю, что человек, которого мы наблюдаем в настоящее время, не может еще похвастаться особенной древностью своего рода...

— Да, да, баронов здесь, пожалуй, еще не водится, а если и есть, так, вероятно, такие, у которых в гербе нет ничего, кроме только что потерянного обезьяньего хвоста.

— Не прерывайте меня, пожалуйста, Иоганн. Да, так я хотел сказать, что если бы нам удалось проникнуть немного глубже в прошедшие века...

— Лучше будем надеяться, что нам это не удастся, — шепнул Иоганн на ухо Гансу.

— Да, если бы только это нам удалось, — мечтательно продолжал ученый, — то я думаю, что мы наткнулись бы как раз на тех самых чудовищ, которые фигурируют в рассказе нашей хозяйки.

— Я полагаю, с вашего позволения, что такая встреча гораздо приличнее не для нас, а для тех великанов, о которых также говорится в этой сказке, — заметил Иоганн, — надеюсь, что мы не станем оспаривать у них этого преимущества.

— Да ведь эти великаны не что иное, как плод фантазии этих людей. Я предполагаю, что, отыскивая в земле более или менее сохранившиеся скелеты вымерших уже гигантских пресмыкающихся и птиц, они создали себе мир тех сказочных существ, которые по наследству достались и нам в несколько измененном, конечно, виде и таким образом наши детишки, слушая страшные сказки няни, дрожат не перед вымышленными чудовищами, а перед тем сонмом неуклюжих страшилищ, которые некогда действительно обитали на земле.

Отдельные же кости разрозненных скелетов каких-нибудь животных доисторический человек легко мог по ошибке приписать небывалому племени гигантов, ведь еще в XVII веке в Европе многие верили одному ловкому французскому шарлатану, выдавшему скелет мастодонта за останки грозного предводителя Кимвров.

Дядя Карл, вероятно, еще очень долго говорил бы на эту тему, но легкий свист, послышавшийся у него сбоку? дал ему возможность догадаться, что Иоганн успел уже покинуть область действительности, а ровное дыхание братьев не оставляло сомнения в том, что и они последовали его примеру.

Мирный сон друзей не замедлил заразить ученого мужа и минуты через две к игривому посвистыванию Иоган-

на уже присоединились довольно сложные рулады его собственного глубокомысленного храпения.

Маленькая колония заснула. Крепким сном спали здесь, почти рядом, эти столь различные между собою человеческие существа, представлявшие как бы первую и последнюю страницу той великой книги, на заглавном листе которой можно было бы написать: «История судеб человеческого рода».

Глава VI

В которой профессор Курц силится объяснить туземцам, что такое обман, а Иоганн приходит к заключению, что некоторые пещеры могут быть небезопасны для человека в их положении.

а другой день, часов около семи утра, все общество было уже милях в трех от своих жилищ, поспешно пробираясь к тем местам, где им предстояло пополнить запас своей провизии.

Глава семьи шел впереди, вскинув на плечо свою увесистую дубинку; за ним двигались остальные.

Туземцы несли с собой все четыре новые корзины, при-

чем одна из них была наполнена речными голышами, взятыми для охоты.

Путь шел лесом, по направлению к северо-западу. Конечно, дороги или даже тропинки в настоящем значении этого слова здесь не было, но все же путешественники наши замечали, что идут по местам, менее других заросших ползучими растениями и что непроходимые сети их кое-где, казалось, были прорваны рукою человека. Пожалуй, только по этому и можно было назвать дорогой те девственные дебри, по которым пробирались они теперь, руководимые тем едва приметным следом, какой на языке охотников называется просто звериной тропой.

Девочка, успевшая уже подружиться с обоими братьями, шла теперь между Гансом и Бруно и не переставая болтала, обращаясь то к одному, то к другому из них.

— Видите, видите, — говорила она, — вот отец идет в сторону, потому что на дороге лежит такая змея, какая вчера хотела убить «длинного человека».

— А почему ты знаешь, что там лежит такая змея? — недоверчиво спросил Бруно, решительно ничего не примечавший.

— Я ее чую, а разве ты не чуешь ее?

— Нет, я не чую, — признался он, приводя этим признанием в крайнее удивление свою маленькую собеседницу.

— Это нехорошо, очень нехорошо иметь такой плохой нос! А ты и эти другие люди, — обратилась она к Гансу, — ваши носы лучше, чем у него?

— Нет, все мы, так же как и он, ничего не слышим нашими носами, — отвечал тот.

— Ай, ай, ай! Но что же вы делаете с вашими носами? — в недоумении спросила она у братьев, чем, правду сказать, поставила их в немалое затруднение.

— Скажите ей, что мы их сморкаем, — глубокомысленно посоветовал Иоганн.

— Мы их лечим, — вмешался в разговор профессор Курц, — лечим, потому что все наши носы больные.

Этот ответ, по-видимому, удовлетворил любознательность девочки, потому что, оставив в покое несовершенство этого органа у цивилизованных народов, она перешла к другому вопросу.

— А ураган вы чуете? знаете вы, что сегодня ночью он пройдет по этому лесу?

— Нет, мы и этого не чуем; мы же сказали тебе, что наши носы больны, — с некоторым недоумением ответил Ганс. Девочка звонко рассмеялась.

— Ах, ураган чуют не носом, — наставительно проговорила она.

— Ну, а чем же ты его чуешь? — в свою очередь спросил ее Бруно — и на этот раз в затруднении оказалась уже их маленькая допрощица.

— Я этого не знаю, — созналась она наконец, — я просто вся чую его, — говорила она, передергивая плечами и как

бы показывая этим жестом, что приближение грозы чувствуется всем ее организмом.

— Я говорил вам, господин профессор, — вполголоса заметил Иоганн, — что все эти господа больше животные, чем люди, ведь это у них просто-напросто звериное чутье.

— Ах, оставьте вы, пожалуйста, ваши соображения при себе, — нетерпеливо отвечал тот.

— Как вам угодно, господин профессор, — обиженно говорил Иоганн, — но на вашем месте я не спешил бы записывать это сообщение в памятную книжку. Этой ископаемой болтушке ничего не стоит наговорить столько необычайных подробностей, что и половины их окажется достаточно, чтобы усомниться в правдивости вашего ученого исследователя. Что ей стоит погубить вашу репутацию, если ее прапраматерь Ева не постеснялась погубить весь человеческий род?

Это замечание сильно смутило профессора Курца, так как ему показалось вполне вероятным, что девочка просто обманывает их с целью посмеяться над легковерием европейцев. Поэтому он сейчас же подошел к хозяйке и завел с ней разговор с целью окончательно выяснить этот вопрос.

— Твоя дочь говорит, что все вы чуете зверей и грозу, — начал он и вдруг остановился.

Женщина, глядя на него, очевидно, ждала, что скажет он дальше, а между тем дядя Карл, видимо, затруднялся продолжать свою речь. Еще бы, он хотел спросить ее, не обманывает ли их ребенок, но увы, — в лексиконе первобытного человека такого глагола не оказалось! и бедному ученому пришлось употребить минут десять на то, чтобы окольными путями объяснить ей свой вопрос. Когда же эта женщина поняла, наконец, в чем дело, то пришла в крайнее недоумение и с большим сожалением поглядела на своего собеседника.

— Нет, — сказала она, — то, что ты говоришь, не может сделать ни один человек.

— Почему же не может? — воскликнул Курц, удивленный таким отрицанием возможности обмана. — Вот, посмотри, я срываю лист, — для ясности он действительно сорвал

с ближайшего куста листок и, показывая его хозяйке, продолжал, — ты видишь, он зеленый!

— Да, зеленый.

— Хорошо, а я пойду к твоему мужу и скажу ему, что я сорвал и дал тебе красный лист.

— Но ведь ты же сорвал зеленый лист.

— Зеленый.

— А если ты скажешь, что он красный, — он все же будет зеленый!

— Зеленый.

— Значит, он и есть зеленый. Ты это сам видишь, и я это вижу, и мой муж это видит и все скажут, что он зеленый, — значит, не для чего и говорить, что он красный, — вразумительно закончила хозяйка, совершенно не понимавшая, для чего стал бы человек тратить слова и время на столь пустые затеи.

Весьма назидательно было наблюдать в это время ученого европейца, смущенного полной невозможностью втолковать в эту первобытную голову, что такое обман. Впрочем, он сделал еще попытку и с похвальным терпением долго старался просветить этот непроглядный мрак невежества, но увы, все его старания остались тщетными, доисторический человек оказался не в силах подняться выше уровня своего развития.

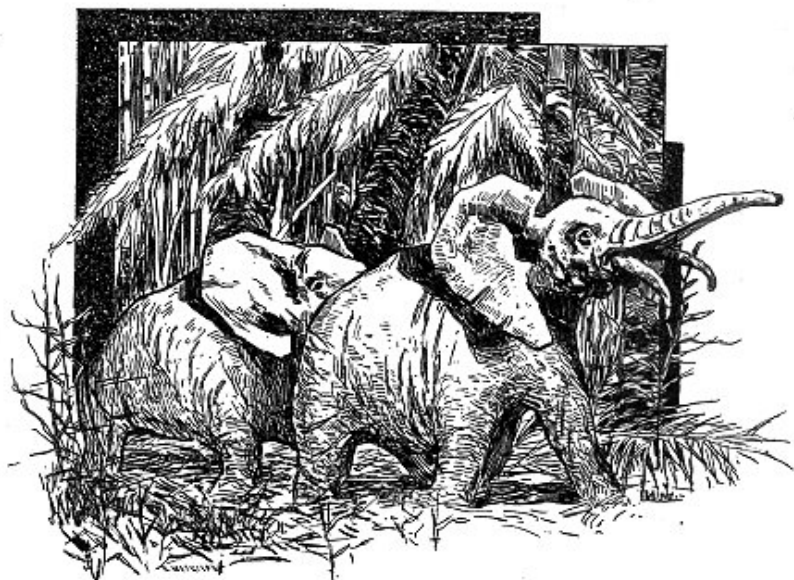
Наконец, он не выдержал и, махнув рукой, отошел к своим.

— Ну и народец! — невольно повторил он одну из фраз Иоганна и, сняв лиственную шляпу, с усталым видом вытер свою лысину, покрытую крупными каплями испарины.

— Совершенно верно, господин профессор, — подхватил Иоганн, — народ этот, просто сказать, ничего не стоящая мразь, а все-таки советую вам одеть вашу шляпу, так как мы, я вижу, выходим на поляну, а здешнее солнце, как вам известно, шутить не любит, я и то уже чувствую, что моя кожа снова начинает гореть.

Действительно, лес мало-помалу начинал редеть и сквозь его чащу уже сквозила яркая зелень поляны, залитой жгучими лучами тропического солнца.

Через минуту-другую путешественники наши вышли на нее и разом остановились, едва сдерживая крик страха, который готов был сорваться с их губ. Правду сказать, удивление и страх их имели полное основание. На широкой лесной прогалине, шагах в десяти перед ними, возвышались две серовато-бурых, медленно двигавшихся громады. Да, сомнения быть не могло, дядя Карл понял, что это были не более ни менее, как два динотерия, два представителя особой породы слонов, населявшей некогда землю вместе с другой ее разновидностью, которая называется теперь мастодонтами. Эти первобытные предки современных слонов мед-

ленными движениями своих огромных хоботов срывали целыми снопами сочные папоротниковые побеги, но при появлении людей оставили свое занятие и устремили на них взгляд небольших, но умных глаз, слегка приподняв свои громадные уши.

— Отчего же вы остановились? — спокойно обратился к европейцам молодой туземец, шедший к ним ближе других.

— Как отчего? — пролепетал, заикаясь, Иоганн. — А... а... а... эти, — и он указал на огромных динотериев, сияясь исчезнуть за ближайшим стволом.

— Это, — в недоумении повторил юноша, — ну, это — «большие звери».

— Ну да, большие! Что же нам теперь делать?

— Как что делать, идти за провизией!

— Мимо этих чудовищ, — с отчаянием воскликнул Иоганн.

— Да это не чудовища, а большие звери, — вразумительно пояснил молодой человек.

— Тем хуже, — с нетерпением воскликнул Иоганн, — ведь они на нас нападут.

Такого рода опасение крайне удивило собеседника учебного кулинара.

— О, нет, — воскликнул он, — этого никогда не бывает, большие звери никогда не нападают на людей, посмотри, отец идет возле них и они его не тронут.

Действительно, животные, увидав, с кем их свел случай, по-видимому, совершенно перестали интересоваться вышедшими на поляну людьми и снова принялись за свой прерванный завтрак с таким спокойствием, что даже не особенно храбрый Иоганн, в конце концов, приободрился и вместе с другими вышел на поляну. Профессор же Курц попросил даже все общество остановиться на минуту, чтобы полюбоваться этими живыми представителями давно исчезнувшей фауны.

Перед изумленными взорами наших друзей двигались два громадных животных, весьма похожих на современных слонов и отличавшихся от них по внешности: во-первых, значительно большими размерами и во-вторых, загнутыми книзу клыками нижней челюсти, что придавало их страшным головам некоторое сходство с головами обыкновенных моржей.

Глядя на этих животных, наши европейцы еще раз и еще острее почувствовали, что волей какой-то таинственной и непонятной силы они заброшены далеко от своего времени и что природа, которую они созерцают теперь,

чужда и непонятна им так же, как чужд и непонятен, несмотря на всю его простоту и бесхитростность, обитающий здесь человек.

— Что за гигантские допотопные слоны? — с удивлением проговорил Иоганн, стоявший дальше других от этих животных.

— Да ведь это вовсе не слоны, — наставительно заметил профессор Курц.

— Так неужели же, дядя, это мамонты? — воскликнул Бруно.

— Ах, Боже мой, какие там мамонты; мамонты имеют густую темно-бурую и довольно длинную шерсть, а эти безволосы, как и обыкновенные слоны, но самое главное это то, что мамонты имеют два громадных клыка, выходящих из верхней челюсти и загнутых вверх в виде спирали.

— Ага, так значит, это так называемые мастодонты, — объявил Ганс, думая, что ему удалось, наконец, угадать название этих зверей.

— Да совсем же это не мастодонты, потому что у мастодонтов клыки верхней челюсти были совершенно такие же, как и у наших слонов и, кроме того, такие же клыки имели они и на нижних челюстях, так что всего их было по четыре у каждого мастодонта.

— Уж лучше, господин профессор, вы сами скажите, как называются эти звери, иначе, я боюсь, что мы будем угадывать это до самого вечера.

— Да неужели же, господа, вы не узнаете динотериев, — воскликнул ученый, — ну можно ли не знать таких простых вещей!

— Ах, господин профессор, вы забываете, что все эти вещи стали для нас простыми только с позавчерашнего дня, — с грустью возразил Иоганн.

Поглядев еще несколько минут на динотериев, караван снова двинулся в путь, углубляясь в лес, в котором все чаще и чаще попадались теперь плодовые деревья, превратившиеся, наконец, в господствующую породу.

Этот странный уголок девственного леса, походивший скорее на какой-то необыкновенный, огромный сад и был,

как оказалось, целью их путешествия.

Еще издали, подходя к нему, наши друзья к крайнему своему изумлению услышали довольно оживленный людской говор.

— О, о! Слышишь, там, кажется, есть уже люди, — обратился удивленный профессор к хозяину.

— Да, там уже много людей. Сюда приходят за плодами все, которые живут близко.

— Отчего же вы не построили здесь своего жилища, — спросил Бруно, — тогда вам не нужно было бы ходить так далеко за плодами?

— Здесь нет воды, — пояснил молодой, — в корзине плодов можно принести очень много, а воду в корзинах носить, ты знаешь, нельзя.

— А что, эти люди, так же как и вы, не едят зверей? — на всякий случай осведомился Иоганн, в котором вдруг проснулись опасения за целостность собственной особы.

Молодая женщина с удивлением поглядела на него.

— О нет, — отвечала она, — эти люди такие же, как и мы, и они едят только плоды.

Когда наши друзья вошли, наконец, в ту часть леса, которая, по-видимому, служила для этого племени источником их повседневного пропитания, они увидели, что здесь уже собралось более сотни человеческих существ, занимавшихся собиранием плодов.

Здесь были и мужчины, и женщины, и дети, и вся эта толпа суетилась и, усердно работая, оживленно болтала между собой. Некоторые из них с необыкновенной ловкостью взбирались на деревья, срывая или просто стряхивая плоды, которые стоявшие внизу спешили убирать в корзины; другие при помощи своих дубинок выкапывали из рыхлой почвы корни; а некоторые, наконец, были заняты собиранием ягод и трав.

Особенно поразительным и непонятным для европейцев показалось то, что все эти люди не только своим ростом и сложением поразительно походили друг на друга, но даже и по лицу наши путешественники едва различали их одного от другого. Бедный, усталый Иоганн не раз оказы-

вался жертвой этого рокового сходства, так как, при первых же шагах среди этого общества, поминутно обращался к людям совершенно незнакомым в полной уверенности, что говорит с кем-нибудь из своих радушных хозяев. Правда, ему всегда отвечали приветливо, но все же Иоганн каждый раз, когда обнаруживалась его ошибка, приходил в крайнее раздражение.

Как ни чуждо было для европейцев все то, что происходило теперь перед их глазами, однако, они успели заметить, что присутствовавшие здесь туземцы заняты обсуждением какого-то, вероятно, весьма важного для них вопроса. Даже появление среди них необыкновенных людей «другого берега» произвело значительно меньшее впечатление, чем то, что можно было ожидать. Вновь прибывших, конечно, окружили, осмотрели их с таким же вниманием, как и сделанные ими корзины, но затем все снова поспешно вернулись к своим занятиям и к своей беседе.

Следуя общему примеру, наши друзья также принялись за работу. Ганс и Бруно вскарабкались на деревья, а дядя Карл и Иоганн расположились внизу, — подбирать плоды, которые срывали и стряхивали братья.

Хозяева их занялись тем же на соседнем дереве и, таким образом, общая работа пошла своим чередом.

— Обратите внимание, Иоганн, — сказал господин Курц, — что среди всей этой сутолоки мы еще ни разу не заметили ни ссоры из-за плодов, ни даже простого недоразумения.

— Совершенно справедливо, господин профессор, но меня еще более удивляет то обстоятельство, что между этими допотопными чертенятами, с вашего позволения, я говорю о здешних ребятишках, по-видимому, совершенно не существует драки. По крайней мере, я вот уже добрых полчаса стараюсь уловить хотя бы один подзатыльник, но до сих пор ничего подобного не заметил. Не знаю, какие отметки получили бы эти малыши в нашей воскресной школе по арифметике и по географии, но за поведение им наверное поставили бы по пятерке.

— Мой милый Иоганн, — благосклонно отвечал ему ученый, — сделанное вами наблюдение весьма интересно, а вывод из него тот, что современному человеку еще неведомы ссоры и драки, как неперенная приправа жизни. К сказанному вами я могу прибавить, что ни разу не заметил здесь, чтобы старшие били или даже грубо обращались с детьми...

— Посмотри-ка, — шепнул Ганс, обращаясь к Бруно, — миролюбие местного общества подействовало, кажется, заразительно и на наших ученых; взгляни, какое необыкновенно-трогательное согласие царит между ними в настоящую минуту.

— К сожалению, я сильно побаиваюсь, что этого согласия хватит им ненадолго и думаю, что они не упустят случая просветить этих дикарей, познакомив их со всей сладостью споров и пререканий. Меня утешает только то, что народ этот, кажется, не особенно падок на прелести культурной жизни.

— Так-то оно так, Бруно, а все же не забывай, что ведь в будущем этому народу суждено покинуть его теперешние мирные нравы. Настанет время, когда эти люди, не знающие теперь даже простых ссор, возьмутся за оружие, и может быть, даже здесь, на этом самом месте, суждено разыгаться не одной кровавой сцене раздора, вражды и братоубийства.

— Да, ты, конечно, прав, им суждено пережить все превратности грядущей истории, — с заметной грустью отвечал Бруно, — и знаешь ли, правду сказать, мне жаль этих людей. Разве не пользуются они теперь почти полным счастьем, и разве за сомнительные блага нашей культуры не предстоит им испытать то горе и страдание, которыми усеяна история человечества вплоть до наших дней? Ведь сейчас у них нет ни гордости, ни зависти, ни уважения, ни насилия...

Как раз в этом месте речь нашего молодого энтузиаста была прервана самым неожиданным образом. Мимо его уха, свистя, пролетел камень и ударился во что-то мягкое на ближайшей к нему ветке, а вслед за тем оттуда с размо-

женным черепом свалился какой-то зверек величиной с нашу белку.

— Что это такое? — с удивлением спросил Бруно, обращаясь к сыну их хозяина, работавшему на соседнем с ним дереве.

— Эти маленькие звери, — пояснил тот, — наши враги, они едят здесь плоды и мы всегда убиваем их камнями.

— Вот тебе, мой милый мечтатель, невинное начало того, что потом превратится в войну из-за благ земных, — проговорил Ганс наставительно.

С этими словами он обрушил вниз целый град плодов, встряхнув еще нетронутую до сих пор ветку.

— Эй, эй, господа, нельзя ли там наверху направлять ваши выстрелы в более приличное место, — жалобно завопил Иоганн, почесывая разом три или четыре места, ушибленных последним каскадом плодов, — этак нетрудно превратить человека в отбивную котлету.

— Довольно, довольно, господа, — говорил в то же время дядя Карл, — корзины полны и я нахожу, что два плода, упавшие мне на голову, могли бы оставаться на дереве без особого для меня ущерба.

Повинуясь этому сигналу, братья поспешили сойти вниз. Окончив уборку корзин, все четверо подошли к той группе людей, в которой стояли их хозяева, и с большим интересом стали прислушиваться к общему разговору.

— Кто живет близко, — говорил какой-то старик, пользовавшийся очевидным уважением слушателей, — тот может идти к своему жилищу, нужно идти и тому, у кого там осталась семья, но другим лучше остаться здесь.

— А почему лучше остаться здесь? — вполголоса спросил профессор, обращаясь к хозяину. Тот с удивлением посмотрел на человека, не понимающего таких, как ему казалось, простых вещей.

— Сегодня ночью здесь пройдет ураган, — проговорил он голосом, в котором слышалась какая-то тревога, — не все успеют вернуться, а завтра много жилищ будет лежать на земле.

Этот ответ сразу объяснил нашим друзьям причину всеобщего беспокойства. Оказывалось, что все эти люди действительно предчувствовали грозу, которая, судя по их тревоге, была для них, вероятно, немалым бедствием.

— Да, лучше остаться здесь, в пещерах, — продолжал тот же оратор, — места в них много, а вода сегодня будет везде. Сегодня ночью с неба упадет много огня, и те, которые будут в своих жилищах, соберут его там; мы останемся в пещерах и соберем его здесь, а потом понесем с собой...

— Огонь! Слышите ли, милый Бруно, огонь, — радостно шептал Иоганн, подталкивая локтем молодого человека, — ведь этак, пожалуй, мы доберемся когда-нибудь и до жаркого!

— Так-то оно так, но только я сильно сомневаюсь, чтобы ваша страпня пришлась по душе этим людям, — отвечал тот.

— Огонь, слышишь ли милый Ганс, огонь! — в свою очередь шептал ученый археолог, так же как и Иоганн, подталкивая локтем своего племянника, — огонь! Теперь я понимаю, что эти люди стоят еще на рубеже того времени, когда огонь, этот великий рычаг цивилизации, становится предметом повседневного обихода, теперь же он является для них еще лишь случайной роскошью.

— Очень вероятно, дядя, что ты и прав, но в настоящую минуту меня интересует другой вопрос, — пойдем ли мы сегодня обратно или же останемся здесь, что, по-моему, было бы гораздо лучше, особенно если пещеры окажутся сколько-нибудь сносным пристанищем. Впрочем, мы, вероятно, сейчас это узнаем, — смотри-ка, многие начинают уже расходиться.

Действительно, из собравшихся там и здесь групп пешно отделялись те, которые предполагали еще возвратиться к своим жилищам. Торопливо закончив укладку своих корзин, они ставили их на головы и семьями или в одиночку расходились по лесу в разные стороны. В то же время, остающиеся собирались мало-помалу в одну общую группу, в которой оказалось также и семейство, приютившее наших горемычных друзей.

Наконец и эта толпа, состоявшая человек из сорока мужчин, и женщин, и детей, двинулась в путь, направляясь к пещерам.

Во время этого короткого перехода европейцы успели несколько ближе сойтись со своими новыми знакомыми и были несказанно удивлены, подметив, что все эти люди не только по внешнему виду, но даже и по своим внутренним качествам поразительно схожи между собой.

— В наше время нечего и думать встретить такое удивительное однообразие взглядов, привычек, наклонностей и желаний даже среди самых близких друзей и родных, — заметил Бруно, обращаясь к брату.

— Да, да, — шутя, согласился тот, — вот, например, Иоганну и дяде Карлу только и не хватает такого единодушия. Во всяком случае, нельзя не сознаться, что если человеком и было когда-нибудь достигнуто полное равенство с себе подобными, так, конечно, это случилось именно теперь.

— Шутя ты высказал, по-моему, совершенно правильную мысль, но к этому я прибавлю, что вместе с равенством здесь осуществлено и братство.

— Вот-вот, — саркастически вставил свое замечание Иоганн, — вам только и не хватает для полноты знаменитой французской троицы одной-единственной свободы.

— Как, разве вам еще мало той свободы, которой мы пользуемся здесь? — удивился Бруно.

— Помилуйте, господа, какая же это свобода? Я хочу спать на постели, желание, кажется, вполне умеренное, и что же из него выходит? А то, что меня отправляют в птичье гнездо. Я хочу съесть чего-нибудь мясного, в Нюрнберге в самую глухую полночь я могу удовлетворить свое желание за какие-нибудь 20 пфеннигов, а что из этого выходит здесь? То, что я сам едва не попал в мясное блюдо, на завтрак каким-то допотопным червям.

Скажите, уж не это ли вздумали вы называть свободой! Нет, нет, — я готов подчиниться всем стеснениям, которые налагает на человека наша немецкая свобода, лишь бы иметь под рукой ресторан с порядочною кухней...

Между тем, дядя Карл особенно заинтересовался тем самым стариком, который пользовался среди туземцев таким заметным авторитетом. При всем своем желании, хотя приблизительно, определить возраст своего собеседника, дядя Карл не мог этого сделать, так как не только никто из присутствующих не помнил дня его рождения, но даже и он сам помнил себя только уже взрослым человеком. Жил он одиноко со своим единственным правнуком, бывшим, вероятно, одних лет со старшим сыном хозяина наших европейцев. Этот внук в недалеком будущем должен был стать мужем девушки, семья которой была, по несчастному случаю, заедена крокодилами, так что из всех уцелела она одна. Таким образом, старик ласкал себя надеждой увидеть вскоре вокруг себя веселую семью, которая наполнила бы новым интересом его догорающую уже жизнь. Говоря обо всем этом, он посматривал с необыкновенной любовью вперед, где рука об руку шла та самая молодая пара, на которой покоились теперь все его упования.

Всеми этими мыслями и желаниями старик этот напомнил Курцу знакомого ему современного человека и даже и его самого; поэтому ученый, забывая, что перед ним стоит только дикарь глубокой древности, всем сердцем откликнулся на его чувства, в области которых эти люди начала и конца истории оказались вполне понимающими друг друга...

Наконец, после большого подъема, все общество с веселым говором подошло к скалистому подножию невысокой горной цепи, среди расщелин которой и находились пещеры, составлявшие цель их путешествия.

Но едва туземцы приблизились к ним шагов на пятьдесят, как вдруг поведение их сильно изменилось. Корзины быстро были поставлены на землю, дети сбились в кучу позади старших, которые привычными движениями уже вооружались своими дубинками и камнями.

Удивление наших друзей, вызванное столь необыкновенной переменой, скоро рассеялось и перешло в невольный страх, так как из глубины тех самых пещер, которыми все рассчитывали воспользоваться, как временным убежи-

щем, вдруг послышалось ужасное рыкание. То были могучие голоса грозных предков современных тигров, кровавых повелителей индусских джунглей. Люди и звери, видимо, разом почуяли друг друга, и непримиримая вражда уже вспыхнула в крови этих вечных соперников, отражаясь в глазах людей тем самым зловещим холодным огнем, который был уже знаком нашим путешественникам.

Прошла минута тяжелого, напряженного и немом ожидания.

Будто отлитые из стали, эти люди двойным полукольцом изогнули свою боевую линию шагах в тридцати от первых уступов скал. За ними стояли их дети и невольные, взволнованные зрители этой сцены — наши цивилизованные, но беспомощные европейцы.

Вот могучее рыкание повторилось снова, и две огромные фигуры эластическими прыжками выскочили из мрака пещеры и остановились в полутени скалистых утесов.

Без слов, без жестов толпа едва заметно передвигалась, группируясь по какому-то таинственному, только ей понятному правилу предстоящей тяжелой борьбы.

Ни страха, ни колебания, ни замешательства не подметили наши наблюдатели среди этих людей, с палками и камнями шедших на своих могучих врагов с такой непоколебимой решимостью, как будто бы в их понятиях не было места для мысли о возможности уклониться от этого рокового столкновения. Звери тоже готовились к битве. Могучие спины их напряженно изогнулись; длинные хвосты нервно и беспокойно извивались, точно змеи; они медленно, не торопясь подвигались вперед и страшные лапы их, судорожно вздрагивая и выпуская огромные когти, будто ощупывали почву, готовясь к роковому прыжку.

— Вот какова здесь война! — невольно вздрагивая всем телом, прошептал бледный и взволнованный дядя Карл.

И действительно, это была война, но не наша современная война, в которой люди в ослеплении убивают себе подобных, нет, то была страшная доисторическая война человека со зверем, война за первенство в природе; война, которая в продолжении многих тысяч лет велась тогда че-

ловечеством во всех обитаемых уголках мира, была необходимым условием его существования и превратилась почти в инстинктивную потребность как для него, так и для его врагов.

Едва дыша, глядели на это зрелище наши друзья; полные страха за исход битвы, широко раскрытыми глазами следили они за малейшим движением той и другой стороны.

Вот тигры разом едва заметно присели, готовясь к прыжку и... в тот же миг целая туча камней со свистом прорезала воздух и градом посыпалась на зверей, предупредив их прыжок.

Тигры взвыли от бешенства и боли и страшным скачком бросились на неподвижную толпу. Однако люди, видимо, были готовы к этому и, вовремя отскочив, раступились правильным кругом, в центре которого оказались теперь их оба врага, уже несколько ослабленные первым залпом. И едва только тигры успели коснуться земли, как вторая туча камней снова осыпала их, исторгнув новый рев боли и ярости; в тот же миг, словно отвечая им, все подвижное кольцо людей, испуская дикий, иступленный, нечеловеческий вой, вдруг бросилось к центру и, прежде чем успели понять наши друзья все, что произошло перед их глазами, люди и звери слились в две бесформенные массы, катавшиеся по земле с ревом и воем вражды, боли и злобы.

Как дрались между собой эти смертельные враги, — уловить было невозможно, но звуки глухих, тяжелых ударов раздавались с неуклонной силой, а песок под ними все гуще и гуще окрашивался страшным багрянцем.

Прошли две-три томительные минуты и вот один из этих ужасных комьев живых существ стал как будто затихать, — еще минута, и от него мало-помалу, один за другим начали отделяться люди и, наконец, перед глазами наших друзей показалось полосатое, безжизненное тело тигра, а на нем, словно боясь еще выпустить своего смертельного врага, неподвижно лежали два человеческих труп.

Увы, то была кровавая плата, которой человечество покупало на сегодня свое роковое первенство в природе.

Почти одновременно окончилась борьба и в другой группе и, конечно, с таким же успехом, но там, к счастью, оказалась убитой только одна молодая женщина.

Несколько минут окровавленные, израненные и утомленные победители стояли, тяжело дыша и молча глядя на результаты минувшей борьбы; но наконец все мало-помалу начали приходить в себя. Полное молчание, сменившее дикие вопли битвы, теперь, в свою очередь, было нарушено оживленным говором. Некоторые занялись убитыми, другие заботливо хлопотали о раненых, которые с поразительным терпением и мужеством переносили свои страдания. Все оживились, и из диких зверей, которыми были несколько минут тому назад, снова превратились в добрых, отзывчивых людей. Из леса были принесены какие-то плоды и обильным соком их промывали раны, к которым прикладывали потом листья неизвестных европейцам растений.

Наконец, большинство отправилось готовить для ночлега с таким трудом завоеванные пещеры, — к этим последним присоединились и наши друзья.

Однако все общество носило характер какой то сдержанности ввиду трех безмолвных героев, так неустрашимо принесших себя в жертву общему благу.

Когда, четверть часа спустя, дядя Карл вышел из пещеры, — убитых тигров уже не было. Тела юноши и девушки лежали рядом, а над ними, удрученный горем, стоял тот самый старик, который еще так недавно поверял ученому свои радужные надежды. Дядя Карл подошел к нему и молча остановился рядом.

— Этот человек и эта женщина, — сказал старик, обращаясь к профессору, — хотели быть мужем и женой... Это сын моего сына... Да, они любили друг друга, хотели быть мужем и женой, у них были бы дети, которые, может быть, приходили бы играть у меня перед глазами, и я давал бы им тогда плоды самые вкусные... Но тигры помешали это-

му. Да, теперь все это вместе с ними нужно зарыть в землю и никогда, никогда не увижу я их больше...

И в голосе его вдруг что то дрогнуло, а две крупные слезы, скатившись по щекам этого одинокого старика, упали на песок и смешались с кровью дорогих ему существ.

Дядя Карл не посмел долее нарушать своим присутствием этого последнего горестного прощания старика с близкими его сердцу умершими. Он тихо повернулся, чтобы уйти и тут только заметил, что и над третьим телом, лежавшим немного поодаль, в таком же безмолвном горе стояла маленькая девочка, которую крепко держала за руку жена их хозяина. Ее муж заметил профессора и, подойдя к нему, вполголоса проговорил:

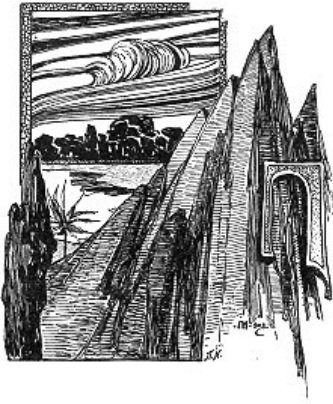
— Это дочь этой убитой женщины... кроме матери, у девочки нет никого... теперь мы возьмем ее к себе, — пусть она будет нашей другой дочерью... Старик тоже будет жить недалеко от нас... Ну, а теперь пусть они останутся еще немного с теми, которых они любили...

Эта чуткая нежность дикаря до глубины души тронула Курца и он вместе с ним возвратился в пещеру, испытывая необычайное для себя волнение.

— Да, дети мои, — проговорил он, обращаясь к племянникам, — признаюсь вам, что я поражен и растроган силой духа этих людей! И если мы Цезарей и Александров Македонских считаем героями, потому что они совершали подвиги, потворствуя своему честолюбию, то кто же эти люди, эти безвестные герои, которые, словно предвосхитив евангельскую заповедь, с такою беззаветною любовью положили сегодня свои души «за други свои»!

Глава VII

В которой Иоганн приходит к заключению, что некоторые религии бывают небезопасны для человека в его положении.

ещера, в которой всем предстояло провести эту ночь, по своему характеру живо напомнила нашим друзьям ту самую, в которой они два дня тому назад оставили все то, что связывало их еще с друзьями и родиной. Разница заключалась, пожалуй, только в том, что пещера, в которой находились они в настоящее время, была значительно больше и, благодаря своим обширным размерам, свободно

приютила теперь под сводами три-четыре десятка человек, искавших ее защиты на предстоящую бурную ночь.

А ночь действительно обещала быть бурной.

Неподвижный, будто потяжелевший воздух стал вдруг необыкновенно душен; девственный лес, еще недавно оглашаемый тысячами птичьих голосов, стоял теперь безмолвный и таинственный, не шевеля ни одной веткой своих могучих деревьев-великанов, темные верхушки которых красиво и резко очерчивались на розовато-зеленом вечернем небе; весь этот причудливый тропический пейзаж, открывавшийся с высоты, на которой была расположена пещера, казался скорее какой-то прекрасной панорамой, чем живой действительностью. В ожидании грозы, может быть, уже несущейся сюда на своих воздушных крыльях, природа притихла и замерла, а вместе с нею притих и замер ее сын — первобытный человек, который, как ребенок,

проникаясь настроением своей матери, встревоженной недобрým предчувствием, вдруг затих, оставив на время свои забавы. В самом деле, в пещере все было тихо. Все улеглись уже на свои мягкие лежа из мха и листьев, сохраняя какое-то тяжелое, гнетущее молчание, которое лишь изредка нарушалось тихим шелестом сухих листьев или глубоким вздохом кого-нибудь из раненых. Это подавленное состояние туземцев как-то невольно подействовало и на наших путешественников,— они тихо приготовили свои постели несколько поодаль от других и, зарывшись в мягкий мох, почти шепотом обменивались друг с другом короткими замечаниями.

— Я думаю, господа, — заметил Иоганн, — что вся эта компания просто-напросто боится грозы.

— Боится грозы! — удивился Ганс. — И вы это думаете после того, как час тому назад могли убедиться, что эти люди не боятся даже и смерти!

— Ну, как это ни странно, а нужно сознаться, что на этот раз Иоганн, кажется, совершенно прав, — проговорил Курц, — они действительно боятся грозы и притом боятся тем особым паническим страхом, который рождается в душе дикаря перед всем непонятным ему в природе.

— Очень рад, господин профессор, — с необыкновенной важностью проговорил Иоганн, — очень рад, что вы одного со мной мнения; это случалось бы гораздо чаще, если бы вы поглубже вникали в мои мысли.

— Советую вам, господа, не начинать против ночи ваших споров, — примирительно посоветовал Ганс. — Все мы слишком утомлены и должны дорожить каждой минутой отдыха.

Дядя Карл оставил без возражения самонадеянное замечание Иоганна и, может быть, против собственной воли, последовал совету Ганса, так как усталость от непривычного образа жизни, который здесь принуждены были вести европейцы, сильно давала себя чувствовать, а потому достаточно было одной минуты молчания, чтобы все четверо погрузились в глубокий сон, забывая все неудобства ночлега, столь непривычного цивилизованному человеку...

В пещере водворилось полное молчание, а между тем, здесь никто не спал, кроме этих четырех пришельцев,— все же остальные, не смыкая глаз, смирно лежали, скорчившись на своих листьях в ожидании наступавшей грозы.

Короткие сумерки давно уже кончились; настала темная ночь, во мраке которой утонули и девственный лес, наполненный его затихшими обитателями, и пещера, приютившая под своими каменными сводами этих столь различных между собой людей...

Сколько времени продолжался благодатный, освежающий сон наших друзей, — этого они сказать не могли, когда вдруг разом вскочили со своих не особенно удобных постелей, разбуженные оглушительным ударом грома. Быстро придя в себя, они поняли, что ожидаемая гроза настала. Впрочем, догадаться было нетрудно. Вся пещера, казалось, дрожала до самого основания, сотрясаемая невидимой силой, а за ее могучими стенами стонал и выл ураган. Оглушая громом, ослепляя молнией, заливая потоками дождя, проносился он над страной, ломая и круша все, что не хотело согнуться под его мощными ударами. Почти без перерыва сверкавшие молнии наполняли пещеру резкими порывами дрожащего света, в лучах которого трепетала, то появляясь, то снова исчезая во мраке, странная, удручающая картина человеческого ужаса перед грозным явлением природы, совершавшимся за стенами пещеры.

Мужчины, женщины и дети, покинув свои лиственные лежа, безмолвно и неподвижно распростерлись ниц на песке, — и в эти ужасные для них минуты только один человек осмелился остаться на ногах. Его фигура виднелась почти у самого входа в пещеру, и в этом жалком трепещущем существе наши друзья едва узнали своего нового знакомого, того самого старика, тяжелое горе которого так растрогало их накануне.

Каждый удар грома заставлял несчастного вздрагивать всем телом; голова его беспомощно падала тогда на грудь, колени подгибались, он весь как-то съеживался и от совокупности всех этих судорожных движений получалось что-то вроде поклона, направленного к отверстию пещеры, ко-

торое то вспыхивало ослепительным блеском молнии, то снова задергивалось черной завесой страшного, всепоглощающего мрака. По временам он беспорядочно жестикулировал руками и с его дрожащих губ срывался какой-то лепет, полный детского, беспредельного ужаса. А позади него лежала распростертой беспомощная толпа, не дерзавшая даже и на такое проявление своего присутствия.

Кто может представить себе, что совершалось теперь, в эти торжественные минуты, в душах этих людей и чем казался им этот бешеный ураган, перед ужасным лицом которого лежали они здесь поверженные во прах, будто ожидая кары или милости этого грозного владыки?

С безмолвным удивлением глядели европейцы на этих людей, в уничижении трепетавших перед столь обыденным явлением природы, едва примечаемым современным нам культурным человеком.

— Ну и жалкие же людишки, — довольно громко произнес Иоганн, как и всегда очень скорый на заключение. Но едва успел он вымолвить эти слова, как профессор Курц быстрым движением схватил несчастного оратора за голову и довольно бесцеремонно зажал ему рот рукой.

— Молчите, несчастный! — едва слышно прошептал он. — На этот раз ваша болтовня может обойтись нам слишком дорого!

— Что вы, что вы, господин профессор, — бормотал удивленный Иоганн, кое-как освобождаясь из тисков, в которых дядя Карл упорно продолжал сжимать его голову, — что такое случилось?

— Как что случилось? Да разве не видите вы, что в настоящий момент эта простая пещера превратилась в священный храм и что мы, может быть, присутствуем при первобытной мессе? Советую же вам уважать благоговение этих молельщиков и помнить, что их ревность к вере будет, вероятно, крепче нашей с вами, и как бы ни были они добры, но в этой области могут оказаться готовыми, может быть, даже и на человеческие жертвы.

Этих слов оказалось, более чем достаточно, чтобы вразумить Иоганна. Услышав их, бедняга мгновенно исчез в

глубине своего лиственного ложа и оттуда слышался его дрожащий сдавленный шепот:

— Ради Бога, господа, не шумите, — уж пусть эти дьяволы без помехи справляют свой бесовский шабаш.

— Ну, дорогой Иоганн, на этот счет вы вместе с дядей Карлом можете совершенно успокоиться, — уверенно проговорил Ганс, — за ревом и грохотом урагана эти люди не могут слышать нас на таком расстоянии, да и вообще я думаю, что в настоящую минуту им вовсе не до нас.

— Вот это, к счастью, действительно верно, — согласился дядя Карл. — И правду сказать, это меня значительно успокаивает.

Ободренный этими замечаниями, Иоганн решился вынырнуть из своего лиственного убежища и обратился к ученому в надежде получить дальнейшие успокоительные разъяснения.

— Ах, господин профессор, — просительным тоном проговорил он, — подумайте хорошенько, может быть, вы как-нибудь ошиблись и во всем том, что сейчас творится перед нашими глазами, нет ничего религиозного и опасного для нас.

— К сожалению, любезный друг, в этом для меня не может быть ни малейшего сомнения. Да и в самом деле, чем иным может казаться первобытным людям этот ужасный ураган, как не свирепым, карающим богом! Я и раньше думал, что предметом поклонения доисторического человека должны были быть грозные явления природы, а теперь уверился в этом окончательно. А почему знать, может быть, именно на религиозной почве и совершилось первое братоубийство. Рекомендую вам оживить в вашей памяти сказание о Каине; вы знаете, конечно, что причиной его преступления было жертвоприношение, и что это было первое на земле убийство.

Этой коротенькой речи Курца было вполне достаточно для того, чтобы заставить Иоганна снова нырнуть в свои листья, где он и предался грустным историческим воспоминаниям о том, как тяжелы бывали для людей всевозмож-

ные религиозные неурядицы и недоразумения и как дорого обходились они иногда людям.

В безмолвии, хотя более с любопытством, чем со страхом, глядели дядя Карл и его племянники на странную картину, которая представлялась их взорам в трепещущем свете почти непрерывных молний. Их напряженные нервы придавали зрелищу какой-то фантастический колорит: то им чудилось, будто они грезят наяву; то все их приключение казалось им тяжелым сном, от которого они вот-вот должны были проснуться. Но, наконец, усталость победила их, и под гул бури, под грохот громовых раскатов они снова уснули, предоставив туземцам без нескромных свидетелей предаваться их религиозным занятиям.

Когда, наконец, друзья наши снова проснулись, разбуженные стариком, они не заметили в нем и следа той робости и того угнетенного состояния духа, которые с такой силой проявлялись в этом человеке несколько часов тому назад.

Ночь еще продолжалась, но уже близилась к концу, и европейцы чувствовали себя освеженными крепким и продолжительным сном.

Гроза прошла и то феерическое зрелище, свидетелями которого им случилось быть в эту ночь, даже и робкому Иоганну казалось теперь каким-то странным, невероятным сном. Однако, при своем пробуждении они были поражены той картиной, которую представляла теперь пещера и от которой сердца их забились чувством необыкновенной радости.

В пещере ярким пламенем пылали четыре прекрасных костра, вокруг которых, с какой-то сдержанной пристойной веселостью, хлопотало все случайное население этого временного жилища.

— Вставайте скорее, — ласково говорил старик, обращаясь к путешественникам, — сегодня ночь кончилась хорошо. Ураган ушел. Он никого не убил из людей и зажег для нас эти огни. Сегодня я ближе всех стоял к нему и просил у него пощады и огня... О, как он был страшен, как страшен.

Нехорошо тому, против кого вышел он на битву, — но к нам он был сегодня добр и никого не тронул.

Все это старик говорил очень скромно, но все же в его речи проглядывала некоторая гордость той ролью посредника между людьми и грозным, таинственным ураганом, которая сегодня выпала на его долю и которую он выполнил с таким очевидным для всех успехом.

Наши друзья поспешили, конечно, подняться и вместе со стариком подошли к тому из костров, вокруг которого собралось семейство их хозяина, увеличившееся теперь двумя новыми членами, настолько уже сблизившимися с остальными, что на первый взгляд казалось, будто бы они никогда и не были чужими друг для друга. Хозяйка и ее старший сын хлопотали возле корзин с провизией с тем самым оживлением, которое можно наблюдать и в наши дни в то время, когда люди, отложив свои повседневные заботы, весело готовятся к какому-нибудь торжественному празднику.

— Послушай Ганс, — шепнул Бруно, обращаясь к брату, — не напоминает ли тебе эта толпа или, лучше сказать, ее настроение раннего пасхального утра, когда народ выходит из церкви и, еще объятый благоговейным настроением храма, расходится по домам, где его ожидает освященная религией трапеза?

— Конечно, да, — отвечал Ганс, — и я глубоко уверен теперь, что сейчас мы наблюдаем именно то, что в будущем люди станут называть праздничным днем.

Между тем, проголодавшийся Иоганн, пользуясь простотой нравов местного населения, не ожидая приглашения, запустил руку в одну из корзин хозяев и, вытащив оттуда какой-то корень, решил немедленно же приступить к завтраку; но едва первый кусок этого растения очутился во рту ученого гастронома, как бедный малый с необычайной поспешностью выплюнул его обратно, вскочил на ноги и, стоя с открытым ртом, едва переводил дух.

— Да что с вами, неужели это так невкусно? — спросил его Бруно.

— Невкусно, — повторил еле отдышавшийся Иоганн, — если вы хотите знать, какого это вкуса, то советую вам взять в рот хорошего хрена, смешанного со свежей горчицей; прибавьте к этому стручка два кайенского перца и запейте все это рюмкой уксусной кислоты, — после такой пробы вы, верно, не станете задавать мне подобных вопросов.

На лицах присутствующих туземцев появились невольные улыбки.

— Подожди немного, «Круглый Человек», — сказала хозяйка, — вот я положу этот корень на огонь и ты увидишь, как он будет тогда вкусен.

Эти, по-видимому, простые слова произвели на пострадавшего Иоганна совершенно неожиданное действие.

— Как, ты будешь держать его на огне! О-о-о! господин профессор, да ведь мы присутствуем при великом историческом событии, ведь мы наблюдаем возникновение кулинарии среди допотопного человечества. О, Бруно! — с умилением продолжал он, забывая свое огорчение, — я прощаю вам неосторожное обращение со снадобьем вашего приятеля-колдуна... Вот она, первая страница моей всемирной гастрономии. О, из-за этого стоило пережить те мучения, которые выпали на мою долю!

И этот новый мученик науки, забывая все окружающее, всецело завладел хозяйкой, погрузившись в таинственную область доисторической гастрономии. Не отставал от Иоганна и дядя Карл. Предметом его научных исследований на этот раз оказался старик, которого он считал прототипом будущего жреца, а потому беседа их касалась по преимуществу религиозных вопросов, так как с минувшей ночи верования этих людей начали сильно тревожить ученого мужа, возбудив в нем опасения за безопасность пребывания среди них.

Между тем, братья вышли поглядеть на последствия бывшего урагана.

За стенами пещеры все теперь было покойно, хотя и шумно. С востока тянуло прохладным ветерком; освеженные деревья бодро стряхивали обильную влагу со своей мокрой зеленой одежды; бесчисленные потоки, шумно жур-

ча, несли свои случайные воды вниз по склону, разливаясь местами в многочисленные озерца, которые отражали в себе еще сверкавшие на небе звезды; в двух-трех местах по лесу трепетал свет тлеющих деревьев, зажженных грозой, и к свежему аромату утреннего воздуха примешивался запах смолистого дыма. При слабом и неверном свете начинающегося утра братьям удалось заметить немало расщепленных и сломанных деревьев, поверженных на землю только что промчавшейся бурей.

— Ну, уж я не знаю, за кого почитается ураган у этого народа, — весело сказал Бруно, — но для нашего будущего плота он поработал сегодня ночью, как простой поденщик, и если теперь утомился и прилег где-нибудь отдохнуть, то я считаю, что он имеет на это полное право.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Ганс, — и я только прибавлю к этому, что нам следует взять примером его энергию и поторопиться со своей переправой. После сегодняшнего открытия дяди Карла касательно верований этих людей, я склонен думать, что положение наше среди них, пожалуй, вовсе не так безопасно, как это может показаться на первый взгляд.

— Неужели же ты серьезно беспокоишься по этому поводу?

— И даже очень серьезно! Разве ты не видел, как сильна их вера, а ведь, чем она сильнее, тем большие жертвы способны они принести на алтарь своего божества. Конечно, с их точки зрения быть изжаренным во славу какого-нибудь урагана, может быть считается большим счастьем, но я уверен, что наш философ Иоганн держится на этот счет совершенно иных взглядов, а кто из них прав, предлагаю решить тебе.

— Ну, я не совсем с тобой согласен, — отвечал Бруно, — конечно, я не стану возражать против твоего желания поскорее построить плот и переплыть этот досадный Рубикон, — но решительно убежден в том, что местные жители настолько незлобивы, что опасаться их нам совершенно нечего. Впрочем, мы, вероятно, сегодня же убедимся, насколько я прав, так как нам, должно быть, представится слу-

чай ближе познакомиться с их религией, которая так пугает всех вас. А пока пойдем-ка завтракать, так как я чувствую, что мой аппетит разгорается не на шутку.

Возвратившись в пещеру, братья застали Иоганна по-прежнему погруженным в изучение доисторической кухни, а дядю Карла — занятым беседой со стариком. Все общество продолжало находиться в праздничном настроении духа, которое как-то невольно передавалось и нашим европейцам.

У всех костров что-нибудь жарили или пекли и от этой стряпни по пещере распространялся уже своеобразный, не лишенный приятности аромат. На всех лицах видно было ожидание удовольствия полакомиться вкусными блюдами, которых эти люди были лишены, вероятно, довольно долго.

Наконец, старик, прервав свой разговор с ученым, вытащил из горячей золы дымящийся кусок того самого корня, который в сыром виде так не понравился Иоганну и затем, немного возвысив свой голос, он обратился ко всем присутствующим со следующими словами:

— Слушайте, что я хочу вам сказать! Все вы знаете, что последний «Большой Дождь» погасил у нас весь наш огонь и его не было у нас до этого дня. Сделал это «Большой Дождь», может быть, потому, что был сердит на какого-нибудь человека. Но сегодня ночью Ураган был здесь с огнем и водой. Сегодня ночью я стоял перед ним и близко слышал его страшный голос. Я просил его, чтобы он прошел, не сделав вреда, и чтобы он дал нам своего огня. В эту ночь он был добр, и вот корень, который сегодня будет для нас вкусной пищей и который вчера мы не могли еще есть, потому что у нас не было огня. Я хочу сказать вам, люди, что нам следует делать приятное Урагану и не сердить «Большой Дождь», чтобы он еще раз не погасил нашего огня.

Вероятно, речь эта по тем временам была образцом ораторского искусства, потому что по окончании ее отовсюду послышался общий ропот одобрения, а затем все с оживлением принялись за ранний завтрак, который после долгого промежутка времени был приготовлен на этот раз при

помощи огня, благодаря чему появился целый ряд печеных плодов, кореньев и корнеплодов, приправленных разными травами, что в общем составляло очень своеобразный стол, не лишенный, впрочем, некоторой приятности, в чем сознался даже взыскательный Иоганн.

Между тем маленькая речь старика снова пробудила в душе профессора Курца опасения по поводу верований первобытного человека, а потому он и приступил к осторожным расспросам по этому предмету.

— В том месте, где мы живем, — сказал он, — совсем нет урагана и мы не знаем, что это такое.

— Нет урагана? — удивился старик. — Может быть, ваше место далеко и ураган не знает его.

— А где же он живет и часто ли приходит сюда? — спросил Курц.

— Где он живет! Этого никто не знает. Давно уже, очень давно стал приходить сюда ураган. Никто никогда не мог еще увидеть его, но все мы слышим, когда он идет по земле, гремит своим страшным голосом и бросает свои страшные, огненные камни в тех, кого хочет убить. Мы не знаем, за что он убивает нас, но когда он бывает здесь, мы всегда просим, чтобы он этого не делал, и бывает, что он уходит, не тронув никого из нас. Иногда он разрушает наши жилища, срывает плоды, которые мы едим, ломает деревья... О! он очень, очень страшен. Мы не знаем, за что он приходит в гнев и не знаем, чем его можно успокоить, но мы пробуем давать ему наши плоды. Один раз они остаются нетронутыми, а другой раз он берет их себе. Вот как мы узнали это.

Давно уже, очень давно, жил здесь один человек. Пошел он раз за плодами далеко, далеко от своего жилища и вот почувал, что скоро придет в то место ураган. Очень он испугался, потому что был один и так стал говорить урагану: «Вот все мои плоды; не трогай меня, страшный ураган, и возьми все это себе». Потом человек этот положил свои плоды на землю, а сам зарылся в песок, потому что очень боялся, а ночью пришел ураган и человек этот говорил, что никогда еще не слышал его таким страшным! В ту ночь он столько бросил на землю своих огненных камней,

что человек тот видел все даже с закрытыми глазами. И вот увидел он, как сверху опустилась большая рука, огненные камни посыпались как дождь, ураган завыл, загрохотал, схватил плоды вместе с песком, на котором они лежали, поднял все это вверх и унес с собой, а его не тронул.

Вернулся он домой и рассказал все это другим людям. Вот теперь все и знают, что если человек даст урагану плодов, то он, может быть, и не убьет его.

Едва только старик успел произнести последние слова, как второй сын хозяина наших европейцев вдруг вскочил с своего места, словно припомнив нечто, имевшее необыкновенную важность.

— Вчера, — торопливо заговорил он, — моя сестра тоже положила плоды для урагана! Я тоже ходил с нею и знаю, где они должны лежать.

— Ах да, я это сделала, — подтвердила девочка, всплескивая руками и только теперь припоминая свою затею, которая до сих пор казалась ей лишь забавой.

Это неожиданное сообщение вызвало среди туземцев живейший интерес и все, во главе со стариком, предводительствуемые девочкой и ее братом, поспешили из пещеры, сгорая желанием поскорее узнать судьбу этого жертвоприношения. Конечно, наши друзья отправились также вместе с другими.

Но Иоганн несколько задержал Ганса и трясущимися от страха губами прошептал, обращаясь к нему по-немецки.

— Ах, дорогой Ганс, Боже мой, что же нам теперь делать?!

— Как что делать? — воскликнул удивленный молодой человек. — Да что это с вами творится, Иоганн, вы бледны, как полотно.

— Ради Бога, тише! Ох, я должен сообщить вам ужасную, роковую тайну!

— Да говорите скорее, в чем дело — с беспокойством уже спросил Ганс.

— Ох, господин Ганс, я должен вам признаться, что вчера вечером я съел это жертвоприношение.

— Вы его съели, несчастный!

— Да, я его съел, несчастный, — жалобно отвечал тот.

— Ну так смотрите же, ни слова об этом! Что бы вы ни услышали, вы должны быть немые, как рыба, иначе ваш ужин может обойтись очень недешево.

— О, будьте уверены, что если мое спасение зависит только от молчания, то я скорее откушу себе язык, чем вымолвлю хоть одно слово. Но все-таки клянусь вам, что я и не думал кощунствовать, так как и не подозревал назначения этих плодов. О, Боже мой! что за ужасная страна, что за ужасная религия!..

Между тем все вышли уже из своего временного приюта, а вместе с другими Ганс вывел и трепещущего Иоганна.

Ночь уже миновала, и когда приступили к поискам фруктов, то недостатка в свете не было.

— Вот то место, где вчера сестра положила плоды для урагана, — вскричал мальчик, подбегая к очень заметному выступу скалы.

— Да, да, но плодов здесь уже нет, — прошептала девочка, со страхом прижимаясь к своей матери, — к этому неизменному убежищу детей всех времен и всех народов.

— Да, их нет здесь, — торжественно проговорил старик, — нет потому, что вчера ночью они взяты отсюда страшным ураганом. Так вот почему я слышал его голос так близко от пещеры, — добавил он, обращаясь к остальным.

Задумчиво стояла пораженная толпа этих наивных детей первобытной природы, окружив маленькую героиню события и, почем знать, может быть, в душе благодаря ее за избавление от грозной опасности минувшей ночи. Во всяком случае, старик, вероятно, высказал общую мысль, когда, подойдя к девочке, произнес, ласково погладив ее по кудрявой головке:

— Ты сделала хорошо, очень хорошо, — может быть, за эти плоды ураган не тронул никого из нас.

На этот раз никто из наших друзей не решился уже сделать какого-либо замечания по поводу всего случившегося и особенно почтительным казался Иоганн, — еще бы, таинственный бог, принявший эту жертву, был слишком гро-

зен, а поклонники его могли оказаться слишком ревностными почитателями; следовательно, при таких условиях благоразумнее всего было бы молчать.

Впрочем, профессор Курц все же не мог воздержаться, чтобы не высказать товарищам своего мнения по поводу этого случая, тем более, что все четверо стояли несколько поодаль от других и не привлекали к себе ничьего внимания.

— Вот вам, господа, пример того, как в древности славились верования человека. Теперь эти люди, конечно, глубоко убеждены не только в том, что ураган — живое существо, но также и в том, что его можно умиловать жертвами! А между тем, я уверен, что жертвенные плоды подхвачены какой-нибудь прожорливой обезьяной.

Как ни был перепуган бедный Иоганн, но эта невинная догадка все-таки возмутила его человеческое достоинство.

— Почему же, господин профессор, непременно обезьяна, да еще и прожорливая? — обиженно возразил он. — Почему же этого не мог сделать просто проголодавшийся, но совершенно приличный человек и даже, может быть, европеец.

— Да, да, дядя, вот видишь, как иной раз могут быть ошибочны научные догадки, — шутливо заметил Ганс. — Ведь этот свирепый бог, принявший вчерашнее жертвоприношение, есть не кто другой, как наш Иоганн!

— Иоганн, — в один голос воскликнули Бруно и Курц с заметным испугом.

— Ради Бога, ни слова об этом, — продолжал ученый. — Ах, с этим малым положительно недалеко до беды! Ну можно ли, милейший, в нашем положении так, очертя голову, бросаться на все съестное!

Первый раз в жизни Иоганн терпеливо сносил упреки своего патрона, не возражая ему ни единым словом, чем тот и не преминул воспользоваться, чтобы произнести глупокомысленное нравоучение.

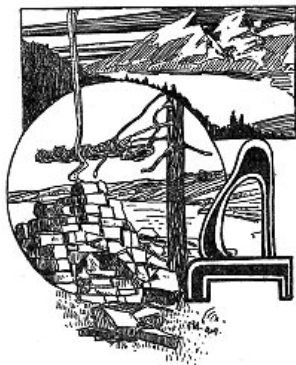
Однако все случившееся не остановило общего, привычного хода повседневных занятий. Скоро все снова вернулись в пещеру; завтрак был быстро окончен и случайные

обитатели этой пещеры мало-помалу начали покидать ее, унося с собой собранные накануне запасы плодов.

Позже других покинули свое временное убежище наши друзья вместе с семейством своего хозяина. Солнце уже взошло над землей, хотя еще и не показывалось из-за цепи горных вершин, когда маленький караван их, нагруженный обильными припасами, двинулся, наконец, в обратный путь, углубившись в прохладную сень девственного леса.

Глава VIII

Семейное горе туземцев и семейное счастье европейцев.

орогой дядя Карл не переставал вести оживленную беседу со стариком, стараясь выведать от него религиозные верования местных жителей, так как знание их, по его мнению, могло избавить европейцев, может быть, от очень крупных недоразумений.

— Хорошо, — говорил он, — я понимаю то, что ты мне сказал. Ураган очень силен, он бывает сердит на людей и на животных...

— Да, и на лес, и на воду и на траву, — добавил старик, — ты же можешь сердиться на камень, когда он помешает твоей ноге сделать верный шаг.

Это сравнение несколько озадачило дядю Карла, однако он нашел лучшим согласиться.

— Да, да, на такой камень буду сердиться и я, и ураган; но если он сердится на одного человека, то зачем же разрушает жилища других!

— А когда ты ударишь ногой муравья, который укусил тебя, разве ты не убьешь других?

— Верно, верно, — снова согласился Курц, — но если ураган сердит на одного человека или на одного зверя, так людям лучше самим убить этого зверя или этого человека, потому что тогда ураган не станет вместе с ними убивать других.

Услышав это удивительное умозаключение, которое впоследствии так дорого обошлось человечеству, старик с большим удивлением поглядел на европейского ученого.

— Боже мой, да что же это ваш дядюшка, с ума сошел, что ли? — в ужасе воскликнул Иоганн, шедший неподалеку

с Бруно и Гансом. — Можно ли говорить такие вещи дикарям, которые, может быть, только и ждут благовидного предложения, чтобы потащить нас на какое-нибудь закляние! Ради Бога, Ганс, дернете вы его за рукав.

— Мой милый Иоганн, — серьезно отвечал тот, — разве вы не видите, что дядя носит теперь безрукавку.

— Ах, Ганс, Ганс, неужели же вы можете еще шутить, находясь в таких обстоятельствах!

— Успокойтесь, милый Иоганн, посмотрим сперва, что ответит доисторический мудрец — мудрецу наших времен. Я уверен, что страх ваш совершенно напрасен.

Действительно, подумав с минуту, старик, по-видимому, нашел, наконец, возражение.

— Нет, — сказал он, — ураган силен и сам может убить того зверя, на которого он сердит, помощь людей ему для этого не нужна. Если же он идет не на зверя, а на человека, то все мы должны помогать человеку, а не урагану, потому что тот, кто может убить одного человека, может убить и другого, значит, он враг всех людей, такой же, как и тигр.

— Но как же вы можете помочь человеку, когда его врагом будет страшный ураган? — возразил ученый.

— Так, — уверенно отвечал старик, — как это сделал сегодня ночью я и так, как это сделала вчера вот та маленькая девочка.

— Да, да, — вмешался в разговор и хозяин наших друзей, — все мы живы сегодня потому, что ты и моя дочь сделали вчера все, что нужно было сделать.

— Ну что, дядя, кажется, тебе и на этот раз не удалось просветить своих слушателей, — весело сказал Бруно, — а я именно этого и ожидал от них, так как уверен, что народ этот не испорчен еще никакими вредными предрассудками.

— Пожалуй, что ты и прав, чему я, впрочем, очень рад, так как при таких условиях нам менее опасно предаваться нашим научным исследованиям среди местного населения, которые я рассчитываю повести теперь возможно шире.

— Ну, господа, — вмешался Ганс, — я так же, как и вы, до глубины души тронут добродетелями этого народа, но

правду вам сказать, довольно ощутительно скучаю о своем гардеробе, о порядочной постели, да к чему уж лукавить, скучаю я, если сказать правду, и о стряпне нашего милого Иоганна, — и если бы все это имелось у нас в наличии, то я, пожалуй, готов был бы оставаться здесь сколько вам угодно, но согласитесь сами, что наши лиственные одежды, воздушные жилища и очень легкая пища оставляют желать еще очень многого!

— Ах, дорогой Ганс, где вы выучились так верно схватывать самую сущность дела? — восторженно воскликнул Иоганн.

— Понимаю, что ты этим хочешь сказать, — улыбаясь, отвечал дядя Карл, — но не беспокойся, когда ты скажешь мне, что наш плот готов к отплытию, я ни на одну минуту не задержу нашей экспедиции.

— Ну, на этот раз, пожалуй, может случиться именно так, как вы изволите говорить, — почти уверенно заметил Иоганн, с грустной улыбкой оглядывая своих товарищей, едва прикрытых листьями, — укладываться нам долго не придется, и забыть здесь что-нибудь, вероятно, тоже не удастся.

— Ах, Иоганн, Иоганн, да вы оставили бы ваши колкости, хотя бы по случаю того, что все наши страхи по поводу суеверий этого народа оказались совершенно напрасными, — укоризненно заметил Бруно.

— Ну, это открытие доказывает только то, что наша «археология», попросту говоря, ошиблась, — мрачно возразил Иоганн, — и правду сказать, мне очень бы хотелось знать, — когда именно это случилось: вчера ли, когда эту ватагу считали чуть не людоедами, или сегодня, когда они вдруг превратились в невинных барашков. Конечно, всякая наука может иной раз ошибиться, — у меня тоже не всегда выходит блюдо в блюдо, только, правду сказать, я даже и по ошибке не хочу очутиться в желудке допотопного человека.

— Любезнейший Иоганн, — начал было дядя Карл с видом необычайного достоинства, но так как такое «любезное» начало не предвещало ничего доброго, то братья всеми

силами постарались перевести разговор на другой предмет, что им и удалось после некоторого усилия.

Погрузившись в планы касательно постройки плота и в проекты предстоящей близкой переправы, наши друзья и не заметили, как прошли свой недлинный путь и очутились, наконец, на той самой прогалине, где стояла, или лучше сказать, висела хижина их приветливых хозяев.

Но увы, напрасно всматривались они со всевозможным вниманием в листву огромного дерева, которое по-прежнему возвышалось в центре поляны, — воздушного жилища нигде не было видно, оно исчезло без следа, а если бы европейцы и сомневались еще в этом, то тяжелые вздохи их старших спутников и слезы на глазенках детей недолго бы оставляли их в заблуждении. Молча, понутив головы, глядело это семейство на то место, где некогда было их жилище, в безмолвии переноса горе, выпавшее на их долю.

Тяжело было и нашим друзьям смотреть на эту печальную картину.

— Ах, господа, — говорил Бруно, обладавший особенно мягким сердцем, — подумайте, ведь как ни проста была эта хижина, а ведь наверное, у каждого из этих ребятишек был в ней свой любимый, уютный уголок, который потеряян теперь для них навсегда; да и старшим, судя по их убитому виду, будет стоять, вероятно, немалых трудов обновление этого нехитрого сооружения. Неужели же мы не поможем этим добрым людям, которые успели уже так много сделать для нас самих?

— Дорогой мой Бруно, — спокойно отвечал Ганс, — если бы мы и не захотели помочь им просто ради доброго чувства, то должны были бы сделать это из прямого расчета, потому что пока не будет у них жилища, они, конечно, не станут помогать нам в постройке нашего плота, а без их помощи, я боюсь, работа наша будет идти черепашьям шагом.

Бруно, обрадованный тем, что вопрос решился согласно его желанию, сейчас же подошел к опечаленному семейству и сообщил всем о намерении его товарищей выстроить им новую хижину.

Это решение совершенно меняло, в глазах туземцев, вопрос о предстоящей постройке. При содействии европейцев серьезная и тяжелая для них работа, требовавшая страшного умственного напряжения, бесчисленных проб и переделок, становилась почти забавой и, конечно, обещала дать гораздо лучшие результаты. Таким образом, разрушение старого жилища из бедствия превращалось почти в удачу.

Так сложившиеся обстоятельства не замедлили благотворно отразиться на настроении духа местных обитателей. Зато на бедного Иоганна они произвели удручающее впечатление.

— Какая досадная задержка, — говорил он, — ведь это Бог знает насколько отдалит наше возвращение. Я и то уже боюсь, как бы наш проводник не возвратился в Мадрас, соскучившись ожидать нас в пещере. Пожалуй, он заявил уже и полиции о нашем исчезновении, тогда может случиться, что и вещи-то наши перевезены уже в город.

— Ну, это еще не особенно большая беда, — заметил Бруно. — К счастью, я положил наши спасительные крупинки в совершенно неприметную расселину и они, наверное, будут в целости ожидать нашего возвращения.

— Да, да, но подумали ли, вы в каком именно виде принуждены мы будем возвратиться? Сообразите, какое впечатление на жителей Мадраса произведет наша ученая экспедиция, когда она в пальмовых листьях будет бежать по городским улицам, преследуемая толпой мальчишек, зевак и полицейских. Не знаю, господин профессор, добьемся ли мы таким образом славы великих ученых, но уверен, что славы необыкновенных бесстыдников нам не миновать.

Да, да, — задумчиво проговорил профессор, машинально оправляя свою листовую одежду, — да, эта печальная картина имеет некоторую вероятность.

— Полно, перестаньте, господа, заранее предаваться печали, может быть, нам удастся как-нибудь войти в Мадрас и без того эффекта, на который вы так рассчитываете, мой милый Иоганн, а теперь я предлагаю сейчас же присту-

пить к делу. Вот, господа, мой план предстоящей работы. Ты, дядя, возьмешь под свою команду туземцев и будешь заботиться о правильном доставлении нам материала. Главным образом ты наблюдай за тем, чтобы они в работе точно держались тех приемов, которые я им укажу, потому что иначе они с самым пустым делом будут возиться бесконечно долгое время, так как вся их беда именно в том и заключается, что в их работе нет решительно никакой системы. Материал для своих построек они, как птицы, подбирают совершенно случайный, валяющийся по лесу, и потому он часто не вполне отвечает своему назначению, мы же будем брать только то, что нам действительно подходит и притом будем получать его свежим, прямо с корня, а вместо топора, которого у нас, к сожалению, нет, мы употребим огонь... Ах, да, — с беспокойством воскликнул он вдруг, — а вот огня-то я и не вижу. Уж не забыли ли его эти рогатозеи в пещере?

— На этот счет можешь быть совершенно покоен, — отвечал ему дядя Карл, — погляди-ка вон туда, — и он указал ему рукою на тонкую струйку голубоватого дыма, весело подымавшуюся из-за ближайших кустарников. Как ни обыкновенно было это зрелище, но оно произвело сильное впечатление на европейцев, — этот дымок как будто бы приближал наших друзей к их собственным временам, когда, как выражался дядя Карл, огонь стал уже для человека не случайной роскошью, а предметом первой необходимости.

— Но как же умудрились они перенести его сюда? — удивился Ганс.

— Представь себе, — это оказалось довольно простой задачей, — отвечал дядя Карл. — Они просто набили две корзины золой, внутри которой лежали горящие уголья и, как видишь, такой простой способ транспортировки огня вполне возможен.

— Ну и прекрасно, раз у нас есть огонь, значит, и успех нашей работы вполне обеспечен. Значит, ты, дядя, вели развести его побольше, а затем пусть твоя команда нагибает побеги кустарника и у его корней раскладывает горя-

щие уголья; таким образом мы будем отжигать стволы и получать прекрасный материал.

— Хорошо, хорошо, — отвечал, улыбаясь, ученый, — вижу, что ты хочешь организовать работу на европейский лад, а туземцев превратить в поденщиков. Ну что же, можешь на меня рассчитывать, я буду с ними строг, как южно-американский плантатор.

— Ну, вот и великолепно! Иоганна мы прикомандируем к ребятишкам и поручим ему заботу о доставке материала к месту постройки, а я с Бруно займемся плетением хижин.

Таким образом, план работы был окончательно выработан и сообщен местным жителям, а после обеда в этой маленькой колонии уже закипела самая оживленная деятельность. Туземцы, направляемые европейцами, работали с необыкновенным энтузиазмом и приходили в неописанное удивление, замечая, что работа их почему-то давала теперь почти в десять раз большие результаты, чем прежде.

К вечеру многое уже было сделано и Ганс надеялся, что в следующие дни дело пойдет еще успешнее!

Наконец все работники собрались вместе, усталые, но совершенно довольные днем и преисполненные самых радужных надежд.

За ужином хозяин объявил нашим друзьям, что так как они не умеют спать на деревьях, то ночлег будет устроен на песке. С этою целью туземцы прибегали как раз к тому же способу оберегать себя во время сна, к какому прибегают обыкновенно и наши современные дикари. Неподалеку от места работы они разложили на песке огромное кольцо костров, среди которого и предстояло всем устраиваться на ночь.

В этот вечер усталым европейцам было особенно приятно то внимание, которым окружали их туземцы, заботившиеся о том, чтобы доставить своим гостям возможные удобства. Однако в этих заботах ни разу не промелькнуло ни подострастие, ни унижение, и доисторический человек остался по-прежнему верен самому себе, считая каждого из людей, независимо от его личных качеств, таким

же человеком, каким был и сам, но не более.

Наконец пылающая спальня была готова, внутри ее сложен достаточный запас топлива, и все собирались уже войти в этот огненный венок, представлявший странное и красивое зрелище среди ночного мрака, как вдруг туземцы насторожились и с удивлением переглянулись между собой. Европейцы, конечно, не понимали причины этого волнения, а потому Бруно обратился за разъяснением к старшему сыну их хозяев.

— Как, разве вы не слышите, что к нам идет какой-то человек? — в свою очередь удивился тот.

— Человек! Но кто же это может быть?!

— Я не знаю, кто это такой, но знаю, что — человек... вот смотри, он сейчас подойдет к нам.

Действительно, будто вызванная из мрака ночи этими последними словами, в яркой полосе света неожиданно и бесшумно появилась какая-то человеческая фигура. То был такой же туземец, как и хозяева наших путешественников.

Он, не торопясь, с видом крайней усталости, подошел к своим единоплеменникам и, не говоря ни слова, но с какой-то непривычной для этих людей боязливостью, опустился на песок у одного из костров.

— Не знаешь ли ты этого человека? — спросил хозяин, обращаясь к старику, знавшему почти всех людей, живущих в округе.

— Нет, не знаю, — отвечал тот, — должно быть, этот живет где-нибудь очень далеко.

— Когда я увидел ваши огни, — заговорил пришелец усталым голосом, — то очень испугался. Я думал, что и здесь есть уже «другие люди».

— Какие «другие люди»? — в недоумении спросил старик.

— Значит, вы ничего еще не слыхали о «других людях»?

— Нет, таких людей мы не знаем. С нами живут теперь «люди другого берега», может быть, ты говоришь о них? — и хозяин жестом руки указал на европейцев.

Пришелец с тревогой оборотился к нашим друзьям и бросил на них пристальный, беспокойный взгляд.

— Нет, — сказал он наконец с видимым облегчением, — эти — не такие, как мы, но они не «другие люди»... Но я хотел спросить, — дадите ли вы мне и моей дочери плодов и огня. Мы много дней идем уже по лесу; мы очень устали и очень голодны.

— Хорошо, — сказал хозяин, — зови свою дочь, ты можешь у нас поесть и отдохнуть.

Хозяйка тотчас же поднялась и пошла за провизией, а незнакомец, приложив ко рту пальцы, издал резкий, свистящий звук, и на этот сигнал из-за ближайших кустов показалась молодая девушка, которая молча подошла к отцу и уселась рядом с ним. Когда перед ними поставили корзину с провизией, они принялись за ужин почти с звериной жадностью.

Было что-то странное в этой паре, бродившей по лесу среди ночного мрака, — странное не только для европейцев, но, очевидно, и для местных жителей. Все молча сидели поодаль от них в ожидании конца их ужина. Что-то вроде недоумения, смешанного с тревогой, вдруг охватило всю эту мирную колонию. О сне, несмотря на усталость от дневной работы, не было и помина. Наконец, пришелец отодвинул от себя корзину, подошел к остальным и присел к их кружку.

— Так вы еще не слыхали о «других людях»? — мрачно заговорил он. — Ну, вы скоро о них услышите... Прежде я жил далеко отсюда. От своего жилища я иду уже столько дней, сколько у меня пальцев на двух руках без одного пальца. Много еще людей вместе со мной тоже оставили свои жилища и пошли в ту сторону, куда идет большая река, чтобы уйти от «других людей», потому что к нам пришли они, спустившись с больших гор.

— Но какие же это люди, — спросил в недоумении старик, — и почему вы уходите от них?

— Люди эти такие же, как и мы, только кожа у них вот такого цвета, — отвечал пришелец, показывая на коричневую ветку какого-то дерева, которую хозяйка собиралась подбросить в костер. — Да, они такие же, как и мы, но когда они говорят, мы их не понимаем, а они не понимают,

когда говорим мы. Едят они плоды, так же как и мы, но еще едят они яйца; а другие говорят, что едят они и птиц. Есть у тех людей такое оружие, которое они бросают — это маленькие дубинки с камнями на конце. Этим оружием они убивают зверей и птиц. Семьи у них большие, потому что сыновья с женами не уходят от отца. Вот каковы эти люди. А уходят наши от них потому, что их много, ох, как страшно много. И за плодами теперь нужно у нас идти далеко, очень далеко, потому что там мало теперь плодов для всех.

Этого последнего, по-видимому, столь простого обстоятельства, местные жители никак не могли сообразить, вероятно, не будучи в состоянии представить себе такого множества людей, для которого их огромный, беспредельный лес оказался бы мал и беден плодами.

Долго еще сидели эти люди у пылающих костров, беседуя об этом новом осложнении жизни и от всего сердца сочувствуя своему новому гостю, а когда все разошлись спать, то дядя Карл, обратясь к своим товарищам, заговорил взволнованным голосом.

— Ну-с, господа, дела, как вы и сами видите, значительно осложняются. Для меня не подлежит сомнению, что с севера, из-за гор, в эти долины передвинулось какое-то иное племя. Будучи многочисленнее и культурнее местных жителей, оно, конечно, оттеснит их к югу, и этот неведомый нам пришелец есть не что иное, как первый переселенец, первый пионер, который пойдет в неведомые страны, чтобы завоевать их человеку. Это Колумб доисторических времен, и гонит его на этот подвиг не честолюбие, не жажда славы, а великая просветительница человечества, суровая нужда, которая теперь, при нас, впервые посетила этот доселе безмятежно-счастливый уголок земли.

— Очень хорошо, господин профессор, — заметил Иоганн, — а не боитесь ли вы, что эта самая просветительница человечества устроит между этими двумя племенами хорошую потасовку, которая может отозваться на нас самих?

— Ну, до этого, я думаю, дело не дойдет. Почва для возникновения войны, конечно, уже подготавливается, но пока война все-таки еще неведома этому младенческому человечеству.

Долго еще беседовали наши друзья на эту тему, пока, наконец, усталость не взяла свое, и они заснули крепким сном среди огненного кольца костров, которые всю ночь по очереди поддерживали туземцы.

Со следующего утра начался целый ряд однообразных дней, посвященных утомительным хлопотам по сооружению нового жилища.

Неведомый пришелец с далекого севера, по совету старика, остался на несколько дней отдохнуть в этих местах. По указанию туземцев он вместе с дочерью отправился на северо-восток и принес оттуда обильный запас плодов.

— О, — сказал он, — таких хороших мест, как то, куда я теперь ходил, у нас давно уже нет, а здесь еще людям жить хорошо.

Вообще же, попав в общество своих единоплеменников, он видимо повеселел и вместе со своей дочерью расположился лагерем неподалеку от строящейся хижины. Однако мысли о дальнейшем путешествии на юг он не оставил и вместо того, чтобы строить себе хижину, занялся изготовлением небольших корзин, в которых рассчитывал захватить с собой запас провизии для предстоящей дороги.

Работа же наших друзей шла уже довольно успешно, как вдруг, дня через три, была прервана совершенно неожиданным обстоятельством.

Однажды после обеда хозяева объявили, что через несколько дней нужно ожидать сильного дождя. Европейцы сначала было совершенно не обратили внимания на это предсказание, но когда старик выразил опасение по поводу огня, который может быть потушен дождем, то нашим путешественникам волей или неволей пришлось над этим призадуматься.

— Послушай Ганс, ведь без огня мы ни хижины, ни плота, конечно, и в месяц не построим, — с беспокойством заметил Бруно. — Что же нам делать?

— Очень просто, — отвечал тот, — если нам необходим огонь, то, следовательно, мы должны его сберечь во что бы то ни стало, а для этого нам нужно на время прервать нашу работу, достать глины и выстроить печь, вот и все.

— Неужели же вы, Ганс, хотите устроить здесь кирпичный завод? — в ужасе воскликнул Иоганн. — Да ведь на это уйдет Бог знает сколько времени.

— Ну, мы обойдемся и без кирпича. В этом ручье достаточно валунов и при помощи глины мы устроим какой-нибудь свод, приподняв его немного от земли, вот вам и все.

Как ни досадна была эта новая задержка, а делать было нечего, приходилось покориться необходимости и потому постройка печи была решена окончательно. Долго наши европейцы принуждены были толковать с туземцами, пока им не удалось объяснить, что такое глина. Наконец старик, по-видимому, понял, в чем дело.

— Я знаю, чего они хотят, — сказал он, — нам нужно идти туда, где лежат кости большого чудовища.

— Кости большого чудовища! — воскликнул дядя Карл и, вероятно, позабыв обо всем на свете, он пустился бы в расспросы по этому предмету, если бы остальные европейцы не воспротивились этому самым решительным образом.

Действительно, думать об ученых изысканиях было не время; переправа наших путешественников и то уже слишком затягивалась, а потому за глиной была снаряжена экспедиция с условием, что она ни в коем случае не станет тратить время на геологические раскопки. Однако ученый муж все же захватил с собой огромный кол, которым рассчитывал производить раскопки единолично.

— Ах, господин профессор, — с упреком проговорил Иоганн, — я решительно не понимаю, как вы, будучи настоящим европейцем XX-го века, силитесь во всем подражать этим невежественным дикарям. Ну, что вы, например, хотите делать хотя бы этим колом? Ведь вы, наверное, вывихнете им руки и больше ничего.

— Оставьте меня, любезнейший, в покое. Вы не можете понять той своеобразной прелести, которую представляет

переживаемая нами минута. Нужно быть такой бабой, как вы, чтобы, живя вдали от какой бы то ни было цивилизации, так сказать, с глазу на глаз с самой природой, не почувствовать себя сильным и зависящим только от своих собственных сил. Берите пример с меня. Посмотрите, я совершенно уже привык и к этой лиственной одежде, и к простой растительной пище... Да, чтобы изучить какой-нибудь народ, надо слиться с ним нераздельно, вот почему я ради науки превратился в доисторического человека и надеюсь, не уступлю ему ни в чем.

— Нечего сказать, есть чем похвалиться просвещенному немецкому ученому. А все же я скажу вам, что с нашим колом не стал бы без толку ковырять землю, надсаживая свои слабые силы.

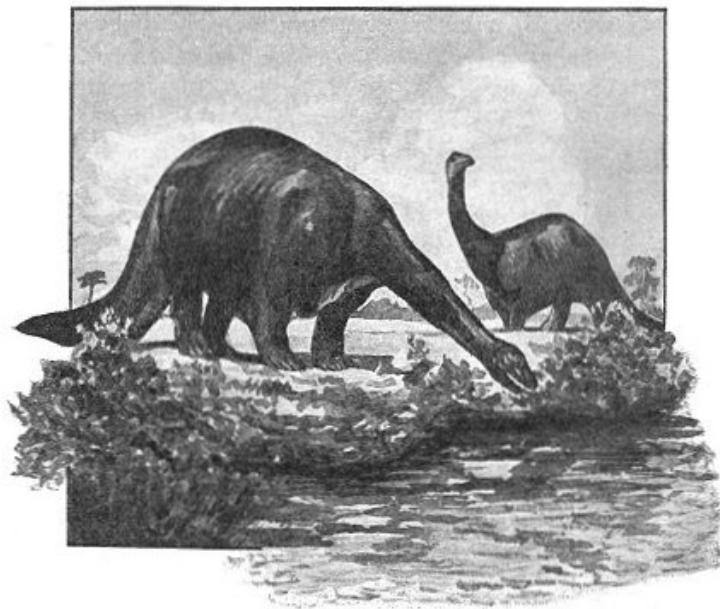
— Слабые силы, ну-с, так я вам скажу, что благодаря моим ежедневным упражнениям, я могу теперь, при помощи этого орудия, не хуже дикаря достигнуть того, чего хочу! — гордо и самоуверенно отвечал профессор.

Здесь братья решили прервать разгоравшийся спор, заявив, что времени терять нельзя, и благодаря этому вмешательству экспедиция тронулась в путь в составе почти всех старших членов колонии, так что на месте постройки остались только дети под присмотром Иоганна и хозяйки.

Оказалось, что за глиной нужно было идти довольно далеко, на другой берег ручья, так как ближайшая местность представляла исключительно песчаную почву. Однако через полчаса наши работники добрались, наконец, до оврага с глинистыми берегами и не успели пройти по его дну и сотни шагов, как глазам их представился прекрасно сохранившийся и будто нарочно выставленный напоказ белевший остов какого-то громадного животного. Его огромные ребра, часть черепа и позвонков длинного хвоста торчали из крутого откоса оврага метрах в четырех от поверхности земли и были настолько обнажены, что давали полную возможность судить о размерах этого страшилища.

— О, друзья мои, если бы вы только знали, как я счастлив в эту минуту! — воскликнул дядя Карл. — Ведь это полный скелет плезиозавра, гигантского ящера с шеей и

головой, напоминающими громадную змею... О, какое прекрасное чудовище! Теперь вы собственными глазами видите прототип тех страшилищ, которые, исчезнув с лица земли, и до наших дней продолжают жить еще в сказаниях народов.

Плезиозавр*.

Увлеченный этой счастливой находкой, профессор взобрался на откос и, позабыв все на свете, с юношеским пылом принялся откапывать останки этого гигантского представителя исчезнувшей фауны.

Между тем остальные, устроив из корзин нечто вроде двух носилок, занялись переноской глины на место постройки, предоставив ученому без помехи предаваться своему занятию. Наконец, после двух или трех туров, братья решили, что запаслись материалом в достаточном количест-

* Так в первом изд. (Прим. ред.).

ве, а потому только вдвоем отправились в последний раз к оврагу, чтобы набрать еще одну корзину глины и привести с собой не в меру усердного к науке ученого. Однако заботливость их оказалась на этот раз немного запоздавшей, потому что, придя на место дядюшкиных раскопок, они нашли его в самом жалком положении. Несчастный неподвижно лежал близ своего ископаемого сокровища и от полного изнеможения едва мог отвечать на вопросы племянников.

— Эге, дядя, да ты, кажется, основательно переработался, — проговорил Ганс, покачивая головой.

— Ох, кажется, что так, — дребезжащим голосом отвечал профессор, — потому что не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Но, надеюсь, ты все же будешь в состоянии подняться на ноги? — спросил Бруно.

— Боюсь, как бы ты, милый, не обманулся в своей надежде, — уныло возразил несчастный копальщик, еле шевеля языком.

— Вот как! — растерянно проговорил Бруно. — Ну, что же мы станем теперь делать?

— Что делать? Очень просто, вместо последней порции глины нам с собой придется нести в корзине собственного дядюшку, вот и все.

— Ах, господа, неужели же вы понесете меня в корзине, а нельзя ли это устроить как-нибудь иначе?

— Иначе? Да как же ты устроишь это иначе?

— Ну что ж, если нельзя, так уж несите хоть в корзине. В сущности, тут, конечно, нет ничего смешного или необыкновенного, но ведь вы знаете, как устроена голова у этого несносного Иоганна...

Грустную картину представлял расслабленный профессор, которого племянники устроили кое-как в тесной корзине и затем бережно понесли от места его недавнего подвига. Ганс, желая сколько-нибудь развлечь его грусть, заговорил было о плезиозавре, но дядя прервал его на первом же слове.

— Ради Бога, не говори мне ничего об этом уроде, которого природа неизвестно для чего раздула до таких размеров, — проговорил он с горечью, после чего братья не нарушали уже его унылого раздумья.

Но судьба, очевидно, преследовала сегодня профессора, так как внушила Иоганну, по мнению ученого мужа, совершенно нелепую мысль — пойти навстречу своим возвращающимся друзьям. Вот почему он совершенно неожиданно появился вдруг перед печальной процессией и, заметив жалкое состояние своего патрона, наполовину упакованного в корзину, прежде всего испугался.

— Боже мой, что с вами, господин профессор? — воскликнул он, подбегая. — Уж не ранены ли вы?

— О нет, слава Богу, я не ранен.

— Не ранен? Ну, стало быть, вы нездоровы.

— Нет- нет, слава Богу, я совершенно здоров.

— Здоровы, — в недоумении уже проговорил Иоганн, — но, в таком случае, зачем же вы забрались в корзинку?

— Ах, Иоганн, да чего же вы так пристали ко мне с этой несчастной корзиной? И наконец, что же вы находите тут особенно удивительного в том, что я сижу в этом приспособлении? — отвечал профессор, стараясь в притворном равнодушии скрыть неловкость своего положения.

Услышав этот ответ, Иоганн даже руками развел в недоумении.

— Как! Так вы находите, что для ученого нет ничего естественнее, как сидеть в корзинке? Не хотите ли вы уверить меня, что в Европе принято носить археологов в кошелках, точно крендели?

Увы, сравнение это окончательно сломило мнимое спокойствие дяди Карла и несчастному пришлось, наконец, сознаться, почему именно находится он в таком печальном положении. Это сознание было, конечно, необыкновенным торжеством для Иоганна. Это дало ему прекрасный предлог очень долго распространяться по поводу своей собственной рассудительности, простирающейся вплоть до способности предвидеть будущее. Ну, разве не говорил он, что профессор непременно свихнется (физически, конечно, а не

умственно); разве не твердил он с утра и до вечера, что порядочному европейцу просто непристойно пребывать здесь, среди столь сомнительного человечества, и что им было бы самое лучшее как можно скорее вернуться к своим собственным временам... Так вот нет же, его никто не хочет слушать, несмотря на некоторые полномочия фрау Курц. Профессор до потери сознания занимается геологией в такие времена, когда об этой науке и помину еще нет, а его племянники превратились в допотопных плотников и печников!

— Однако, милый Иоганн, — примирительно заметил Бруно, — что же вы хотите, чтобы мы делали?

— Что делали? — воскликнул тот. — Вот это мне нравится, вы не знаете, что нам делать! Ну, извольте, я вам это скажу. Делайте лодку, корабль, плот, стройте через реку мост, копайте под нею туннель, одним словом, делайте, что хотите, но стремитесь возвратиться восвояси! Иначе мы доживем до того, что, пожалуй, все не прочь будем залезть в корзинки. Знаете ли вы, например, с каким известием вышел я к вам навстречу?

— А разве что-нибудь случилось? — с беспокойством спросил Ганс.

— Вот то-то и дело, что случилось; положим, пока нет еще ничего опасного, но я уверен, что мы не замедлим дожждаться самых неприятных событий во вкусе разбойников с большой дороги. Вы знаете, что, как только вы ушли в последний раз за глиной или, лучше сказать, за вашим дядюшкой, как вдруг к нам нахлынула толпа туземцев человек в пятьдесят. Тут были семьи со стариками, женщинами, детьми и даже с запасами провизии. Все они пришли хотя и с довольно отдаленных мест севера, но все же наш старик, как оказалось, знает из них очень многих, так что они могут считаться уже жителями этой местности. И как вы думаете, что это было такое? — торжественно спросил Иоганн.

— Это были переселенцы, — слабым, но уверенным тоном отвечал Курц.

— Вот именно. На этот раз вы угадали, господин профессор. Да, это были переселенцы. Из разговоров их я понял, что на севере, недалеко от нас, уже показалось то племя, которое они называют «другими людьми». Для человека, имеющего достаточно проницательности, нетрудно, конечно, представить себе, что будет дальше; я, по крайней мере, не жду ничего хорошего.

Известие это подействовало на ученого, по-видимому, оживляющим образом.

— Господа, — произнес он взволнованно, — не будем терять времени на эту бесцельную остановку, несите меня скорее туда. Ведь мы имеем случай наблюдать маленький эпизод того великого акта, который называется заселением земли человеческим родом.

Закройте глаза и попробуйте представить себе какую-нибудь неведомую, благодатную страну; заставьте столетия мелькать перед вашим внутренним взором с быстротой минут, и тогда вы увидите, как мало-помалу разрастается в целое племя маленькая горсточка ее первоначальных обитателей, и как все теснее становится там жить человеку. И вот племя это раздвигается во все стороны, занимая все новые и новые места. Эти движения его бывают то постепенные, едва заметные, то порывистые и сильные. И тогда оно, будто волна от брошенного в воду камня, расходится во все стороны, передвигая и смешивая людские племена. Почем знать, может быть, выброшенные этим толчком с насиженного места жители этой местности пойдут далеко на юг и, так сказать, на наших глазах совершат заселение Цейлона?

— Ну, я вижу, что пребывание в корзине не мешает работать вашей фантазии, — язвительно заметил Иоганн. — Ведь эти люди не умеют перебраться даже через несчастную речку, каким же образом переберутся они на Цейлон через широкий морской пролив?

— Да им и не нужно будет перебираться через пролив, — победоносно отвечал ученый, обрадованный возможностью основательно возразить своему противнику. — Вы забываете, что в настоящее время Цейлон соединен еще с

материком перешейком, который впоследствии опустился в волны океана, так что в XX-м веке только летом можно нащупать его горную цепь, называемую в наши времена Адамовым мостом.

— Как, так значит, теперь существуют не только иные люди и звери, но даже и земля находится еще не в своем настоящем виде? — воскликнул пораженный Иоганн. — Неужели же и после этого, господа, вы не поспешите убрать-ся отсюда как можно скорее!

— В самом деле, нечего нам попусту тратить время, — заметил Ганс, — ну-ка, Бруно, принимайся за дядюшку!

И братья, подхватив корзину с ее научным содержанием, бодро двинулись в дальнейший путь.

Когда, через полчаса ходьбы, они вышли, наконец, на возвышенный берег знакомого ручья, то на низменной стороне его увидали переселенцев, уже собиравшихся в дальнейший путь. Все суетились, разбирая свои корзины, и над всей этой толпой стоял беспокойный, нестройный гул голосов.

Со своего возвышенного берега наши друзья прекрасно видели выступление в путь этого странного каравана, который двинулся с места, разбившись на небольшие кучки и наконец, мало-помалу, исчез в лесной заросли, а на месте его недавнего бивака, задумчивая и растерянная, стояла семья хозяина, с печалью глядевшая вслед удаляющимся соотечественникам и, почем знать, может быть, уже ощущавшая неясное беспокойство за свою собственную участь. Даже прибытие дяди Карла в корзине не могло оторвать их от грустных мыслей, и после молчаливого обеда они как-то вяло принялись за работу, помогая братьям перетаскивать валуны к месту постройки.

— Завтра все мы пойдем за плодами, — сказал хозяин, обращаясь к Гансу, — а вы останетесь здесь с детьми.

— Но разве наших плодов уже нет? — удивился тот.

— Да, их уже нет, потому что мы дали их женщине, которая с детьми ушла в ту сторону, — отвечал хозяин. — У нее нет мужа, а дети еще очень малы.

— Но почему же эти люди уходят туда? — решился задать вопрос Бруно.

— Почему... Не знаю, — с печальным недоумением и как-то неохотно отвечал хозяин, — но все они говорят, что там, где они жили прежде, теперь уже нет плодов...

Братья решили не трогать более этого вопроса, так как он, очевидно, волновал этих бедных людей.

Проработав еще часа два над своей печью, они решили немного отдохнуть и отправились прилечь в тени, где уже покоился ученый муж сном не в меру набегавшегося ребенка. Здесь к ним присоединился и Иоганн. Изобразив на своем лице чрезвычайно хитрую улыбку, он обратился к братьям со следующими словами:

— Ну, господа, хотя я и не хотел было говорить этого, но теперь, так уж и быть, открою вам весьма интересную тайну.

— Ого, что же это такое?

— Приготовьтесь услышать весьма и весьма приятную новость.

— Ах, дорогой Иоганн, поверьте, что приятную новость человек бывает готов выслушать всегда.

— Конечно, конечно, уж лучше не мучьте нас и говорите прямо.

— Извольте, господа, вот вам моя тайна: сегодня к ужину у нас будут печеные яйца, а может быть, даже и яичница.

— О-о, да, это действительно очень аппетитная новость, однако все же я советую вам устроить это так, чтобы наши хозяева не знали о вашей затее, ведь пришельцы, которых они называют «другими людьми», тоже едят яйца, а нам не следует походить на тех, к кому местные жители, вероятно, не питают особой симпатии, — заметил Бруно.

— Не беспокойтесь, это у меня уже предусмотрено и эти несчастные травоядные ничего не узнают о нашем пиршестве.

— Во всяком случае вы, Иоганн, молодец, — воскликнул Ганс. — А много ли вы достали яиц?

— Ах, вот в том-то и дело, что я их еще не достал.

— Эге, так значит, я похвалил вас немного рано.

— Не совсем так, ведь птичьи-то гнезда уже найдены и притом даже в большом количестве; но этого мало, я, кроме того, заручился уже и обещанием достать их для меня, так как самому мне вовсе не пристало лазить метров на десять вверх по совершенно гладкому стволу.

— А кто же обещал вам помочь, — удивился Бруно, — ведь вы же говорили, что из наших хозяев никто не посвящен в вашу тайну?

— Да, да, они об этом ничего не знают, но я сегодня утром встретил неподалеку отсюда какую-то очень милую старушку местного происхождения, вероятно, она тоже переселенка, теперь, нужно вам сказать, вокруг нас бродит немало этого народа, так вот она и обещала помочь мне. И знаете ли, Бруно, ведь вы были неправы, полагая, что у этого народа нет никаких предрассудков, так как она потребовала, чтобы я непременно одел вместо этих листьев листья какого-то «птичьего дерева», уверяя меня, что в другом наряде добывать птичьи гнезда у них не принято и считается даже предосудительным. Я полагаю, что это у них нечто в роде охотничьего костюма. Нужно будет сообщить это наблюдение вашему дядюшке для его будущего ученого сочинения, — очень серьезно закончил Иоганн.

— И что же, думаете вы добыть себе этот охотничий наряд?

— Ну конечно! Неужели же вы полагаете, что меня может остановить такая мелочь? Я не только решил сделать ей эту маленькую уступку, но даже нашел уже это самое «птичье дерево», которое мне указали здешние ребяташки. А теперь, господа, я вас оставляю, так как мне пора отправляться в свою экспедицию.

Братья от всего сердца пожелали уходившему гастроному успеха, а сами, отдохнув еще немного, снова принялись за постройку своей печи. На этот раз работать им пришлось только вдвоем, так как все старшие члены семейства пошли исследовать ближайшую местность, которая действительно наводнялась все новыми и новыми пришельцами...

— А знаешь ли что, Ганс? Мне начинает казаться, что хижину-то нам оканчивать не придется вовсе.

— Тебе это только кажется, а я уверен в этом уже с сегодняшнего утра, и боюсь, что, не далее как дня через два наши хозяева уйдут вместе с другими, а сюда нахлынет новое племя. И еще неизвестно, как отнесется оно к нашему пребыванию здесь. Я уже думал было бросить и работу печи, чтобы заняться плотом, но боюсь, что до дождя мы его не успеем кончить, а после дождя останемся без огня, — ну, а без него я и представить себе не могу, как добывали бы мы необходимые нам бревна.

— А мне, правду сказать, все-таки хотелось бы поглядеть на это новое, таинственное племя, идущее теперь на смену тому, которое мы уже знаем.

— Ну, это, кажется, довольно опасное любопытство, по крайней мере я предпочел бы глядеть на него уже с другого берега «Большой Реки», — заметил Ганс. — Вообще, я советую тебе не особенно поддерживать дядю Карла в его стремлении к научным исследованиям, так как положение наше, как ты и сам видишь, с каждым днем осложняется все более и более.

Рассуждая о своих затруднениях и продолжая усердно трудиться над сооружением очага, братья и не заметили, как промелькнул почти целый час.

Вероятно, они продолжали бы свою работу и дольше, если бы в это время их не окликнул проснувшийся и уже достаточно отдохнувший профессор.

— Как, господа, вы работаете только вдвоем, — спросил он с удивлением, — а где же остальные?

Молодые люди поспешили сообщить своему выпавшему дядюшке все, что произошло во время его отдохновения после непосильных геологических трудов и не преминули, конечно, упомянуть и о предприятии Иоганна.

— А знаешь ли, дядя, — сказал Ганс, — наш кулинар облекся в наряд из листьев какого-то «птичьего дерева» и пошел добывать птичьи гнезда.

Как ни проста была, по-видимому, эта фраза, но к удивлению молодых людей, она произвела на дядю Карла дей-

ствие страшного электрического удара, который почти на полметра подкинул ученого над его мягкой лиственной постелью.

— Что ты говоришь!.. Иоганн в листьях «птичьего дерева»... пошел за птичьими гнездами... — вскричал он.

— Ну да! И, правду сказать, я решительно не понимаю, почему это приводит тебя в такое удивление, — отвечал Ганс.

— Как почему! Да поймите же, что ведь это он, стало быть, пошел жениться! — с необыкновенным волнением объявил профессор.

— Жениться!.. Да что ты, дядя? — бормотали пораженные неожиданным сообщением молодые люди.

— Полно, дядя, — вразумительно проговорил наконец Бруно, — и с чего это только могла прийти тебе в голову такая мысль, — тогда как Иоганн просто хочет полакомить нас за ужином яичницей, вот и все.

— Яичницей!.. Хороша, нечего сказать яичница, — с необыкновенным азартом вопил профессор. — Так знайте же, господа, что брачная церемония у этого народа именно в том и состоит, что жених с невестой, в одеждах из листьев «птичьего дерева», вместе достают гнездо какой-нибудь птицы.

Это открытие подействовало на молодых людей ошеломляющим образом.

— Ну, Бруно, — заметил Ганс, покачивая головой, — дело-то ведь становится плохо, — как бы бедняга и в самом деле не вернулся к нам в чадую неожиданного семейного счастья.

— Да полно же тебе, Ганс, шутить, — озабоченно заметил Курц, — дело это вовсе не так смешно. Ссориться с местным населением из-за нарушения их обычаев нам далеко не интересно, в особенности в такое смутное время, как теперь. Идемте, господа, может быть, нам еще удастся помочь беде.

Приняв такое решение, все трое, не медля ни минуты, отправились по тому направлению, по которому час тому назад ушел Иоганн, совершенно не подозревавший, что вернуться назад ему суждено, может быть, уже женатым чело-

веком. Ганс почти не надеялся отыскать его в этом огромном лесу, однако судьба, видимо, благоприятствовала нашим друзьям, так как не успели они пройти и полкилометра, как до слуха их долетели уже звуки тяжелого бега их товарища, а через минуту из-за ближайших кустарников появился и сам Иоганн. Вид он имел необыкновенно жалкий, одежда его была в полном беспорядке, на лице выразилось явное отчаяние, а от усталости он едва держался на ногах.

— О, господа, как я рад, что встретил вас наконец! Боже ты мой, что это за женщина, что за ужасная женщина! Поверите ли господа, ведь она хотела на мне жениться!

— Неужели? — шутливо заметил Ганс. — Но вы, конечно, не захотели выйти за нее замуж.

— Да перестань же, наконец, шутить, — нетерпеливо прервал его профессор, — ну а вы, любезнейший, извольте-ка рассказать нам, что же, собственно, с вами случилось.

— Ах, я, право, и сам хорошенько этого не знаю, — отвечал Иоганн, еле переводя дух. — Но идемте, господа, поскорее отсюда, я все расскажу вам дорогой, — продолжал он, увлекая своих друзей.

— Из слов этого неосмотрительного человека, — строго заговорил Курц, обращаясь к племянникам, — я вижу, что в этом деле действительно замешана женщина.

— Но уверяю вас, господин профессор, что сначала она держала себя очень прилично и даже, в конце концов, согласилась полезть за гнездом одна, хотя настойчиво уверяла меня, что, по обычаю, мы должны отправиться туда вместе.

И вот, вообразите себе, спускается она с дерева с гнездом, в котором было, пожалуй, около десятка яиц. Конечно, я кидаюсь к провизии и... что же бы вы думали!.. Она перед самым моим носом бросает все это на землю и заключает меня в свои объятия!

— Неужели же она, не говоря худого слова, решилась поступить с вами так жестоко? — с притворным участием спросил Ганс.

— Напротив того, она сопровождала это очень худыми словами, так как очень уверенно объявила: «Теперь, о прекрасный круглый человек... (я повторяю это только для того, чтобы точно передать ее собственное выражение) теперь, о прекрасный круглый человек, я вижу, что ты хочешь быть моим мужем»... Ну можете ли вы представить себе мое положение! Один, в глухом лесу, с этой ужасной допотопной невестой, которая, очевидно, во что бы то ни стало решила на мне жениться...

— Но ведь вы же сами во всем виноваты, несчастный, — воскликнул Курц, — поймите же, что весь ваш поход за птичьими гнездами, который вы же предложили этой женщине, есть ничто иное, как брачный обряд этого племени.

При этом ошеломляющем сообщении бедный Иоганн даже споткнулся на совершенно гладком месте.

— Боже ты мой, какое роковое совпадение... Но клянусь вам, господин профессор, что у меня и в мыслях ничего не было, кроме яичницы!

— Вот по этой-то причине, вероятно, все и произошло, — сурово проговорил Курц. — Однако будем надеяться, что на этот раз ваше сумасбродство не будет иметь особенно дурных последствий; но помните, что шутить такими вещами не всегда безопасно. Во всяком случае, советую вам не особенно болтать о ваших подвигах в присутствии наших хозяев. А теперь перемените-ка ваш подвенечный наряд на обыкновенные листья.

Когда Иоганн, совершенно подавленный всем случившимся, был приведен братьями в надлежащий порядок, все поспешили к месту постройки и бедный малый принялся за возведение очага с молчаливой покорностью. Этот роковой случай сразу лишил его того нравственного превосходства, которое он приобрел было сегодня утром над своим патроном.

К вечеру, благодаря неутомимой деятельности братьев, очаг кое-как был окончен, а над ним была возведена даже небольшая труба.

Европейцы сейчас же развели там огонь и скоро дым, смешанный с парами, густыми клубами повалил из этой

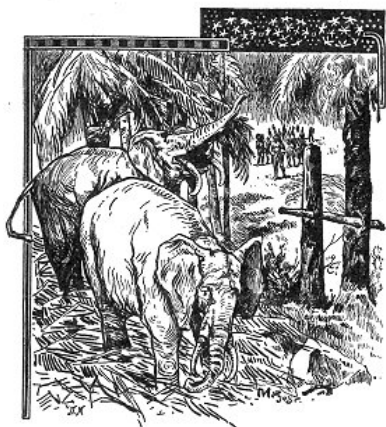
нехитро сложенной печи.

Вскоре затем возвратились и хозяева, ходившие ознакомиться с состоянием окрестностей. Принесенные ими сведения были к, сожалению, очень не утешительны. Казалось, будто бы с севера вдруг поднялась вся страна и, побуждаемая какой-то еще невидимой силой, двинулась на юг, затопляя переселенцами всю округу. Местные жители начинали уже тревожиться не на шутку, что легко было заметить по тому беспокойству, которое проявлялось среди семьи, оказавшей такое радушное гостеприимство нашим путешественникам.

— Никогда не видал я на этом месте столько людей, сколько пришло их сюда теперь, — уныло и с каким то недоумением произнес хозяин. — А эти люди говорят, что там, откуда они пришли, их еще больше... О, я никогда не думал, что человек может мешать жить другому человеку.

Глава IX

Изобретательность Иоганна. Между двух племен.

а другой день вся семья туземцев со включением даже детей отправилась за пополнением запаса плодов. Ими были захвачены с собою все корзины, так как они намеревались на всякий случай сделать особенно большой запас провизии.

Таким образом, европейцы остались одни и, собравшись возле небольшого костра, рассуждали о том, за какую работу следует им теперь приняться.

— Очаг уже окончен, — заметил Бруно, — а хижину, по-моему, решительно не стоит кончать, так как я все более и более убеждаюсь, что хозяева наши не сегодня-завтра покинут эту местность.

— Если здесь кому-нибудь интересно мое мнение, — робко промолвил Иоганн, державший себя после женитьбы удивительно скромно, — если вы, господа, желаете знать мое мнение, то я посоветовал бы вам выстроить лодочку, на которой мы могли бы поскорее переплыть реку. Строить плот, по-моему, очень затруднительно и долго, а лодочку соорудить можно скорее и легче.

Трудно себе представить, какое впечатление произвело это предложение на его товарищей. Конечно, они подумали бы, что это не более как неуместная шутка, если бы не его искренний и даже немного заискивающий тон.

В самом деле, каким образом можно было серьезно говорить о сооружении лодки, для постройки которой требовались уже некоторые инструменты, когда устраивать даже

простой плот им приходилось только при помощи одного огня?

— Уж не думаете ли вы предложить нам выжечь лодку из цельного бревна? — попробовал догадаться Ганс. — Но ведь как ни прост этот прием, а все же он требует кое-каких инструментов, а самое главное, он требует очень много времени.

— Оставьте его в покое, — с некоторым пренебрежением заметил Курц, — уж это, наверное, окажется чем-нибудь вроде вчерашней яичницы.

— Извините меня, господин профессор, — почтительно отвечал Иоганн, делая вид, что не замечает обидного намека, — извините меня, но на этот раз я имел в виду ваши собственные научные указания по этому предмету.

— Мои собственные указания? Но, любезнейший, если бы я мог их сделать, то, конечно, сделал бы это и без вашего посредства...

— Мне кажется, господин профессор, что вы изволите смешивать знание с мудростью, принимая их одно за другое, тогда как это две совершенно различные вещи. Знающий человек сам может быть поражен, когда увидит, какое применение его знаний сделает перед его глазами истинный мудрец.

— Уж не пробираетесь ли вы сами, любезнейший, в эти самые истинные мудрецы? — раздраженно спросил ученый.

— Всякий должен делать, что может, — с прежней скромностью отвечал Иоганн.

— А нельзя ли, господа, отложить ваши пререкания минут на пять, пока мы не узнаем, наконец, сущности этого таинственного плана? — нетерпеливо заметил Ганс.

— Извольте, хотя я повторяю, что личная моя изобретательность тут ни при чем. Итак, может быть, все вы помните, господа, как однажды, в прекрасную лунную ночь, на палубе английского парохода, который вез нас с Маршалльских островов на остров Суматру, все мы очень внимательно слушали вашего ученого дядюшку, рассказывавшего нам о нравах и обычаях тех дикарей, которых мы, к нашему благополучию, не успели посетить. И вот тогда, между прочим,

он упомянул о лодках, которые плетутся подобно корзинам, а затем обмазываются смолой, смешанной с глиной.

— О Иоганн, Иоганн, — восторженно прервал его Ганс, — признаю в вас величайшего мудреца, так как вы действительно великолепно решили наше затруднение. Ну, дядя, что же ты скажешь теперь в свою защиту, чем объяснишь ты то, что, зная такой простой способ помочь нашей беде, ты до сих пор не сообщил нам его?

— Но ведь с тех пор, как я рассказал его всем вам, такой же вопрос можно задать и каждому из вас, а в том числе и самому премудрому Иоганну, который только первым вспомнил об этом, вот и все. Думаю, что гордиться ему тут решительно нечем.

— Да я и не думаю вовсе гордиться, тем более, что и на воспоминание об этом навели меня, опять-таки, вы сами, так как в то время, когда ваши племянники переносили вас через воду в корзине, вы очень живо напомнили мне Моисея, который в детстве плавал в такой же точно посудине, ну, а уж тут недалеко было додуматься и до плетеной лодки.

— Ну, как бы то ни было, а мысль эта действительно великолепна, — заметил Бруно.

— Тем более, что на это сооружение может пойти материал, заготовленный для хижины.

— Но не боитесь ли вы, что ваша глиняная обмазка раскиснет гораздо скорее, чем мы успеем перебраться на ту сторону реки, — ведь дикари, о которых я говорил, употребляют не одну глину, но также и смолу?

— Не думаю, так как нам для переправы понадобится не более пяти минут, а за это время глина, конечно, не успеет размокнуть; хотя все же лучше предвидеть худшее и постараться предотвратить эту неприятность, для чего, по-моему, можно будет защитить слой глины, покрыв его снаружи листьями.

— Совершенно верно, — согласился Бруно. — Итак, наше возвращение, благодаря знанию дяди и мудрости Иоганна, становится делом очень недалекого будущего. Не станем же терять понапрасну времени и сейчас же приступим к по-

стройке плетеной ладьи.

Следуя этому совету, все с большим рвением принялись за работу, за исключением дяди Карла, не особенно довольного столь поспешным отъездом, и уже к обеду остов лодки обозначился довольно определенно. Строители задались очень скромными желаниями. Они решили сплести, собственно говоря, большую корзину овальной формы, метра в три с половиной длины, в один метр ширины и в полметра глубины.

Наконец Иоганн объявил, что солнце стоит уже в зените, а потому пора подумать и об обеде.

— Странно, — сказал Бруно, — неужели наши хозяева до сих пор не могли окончить своей работы; я рассчитывал, что к обеду они уже вернутся.

— Почем знать, может быть, они и совсем уже не возвратятся, — заметил Ганс, — и, правду сказать, меня это немного тревожит; я бы желал, чтобы они помедлили бы со своей эмиграцией еще, хотя бы денька два-три, что дало бы нам возможность окончить нашу работу под их защитой...

Между тем, Иоганн притащил корзинку, в которой еще оставался запас плодов, и все принялись за свой скудный обед. Впервые европейцы обедали здесь сами, и отсутствие туземцев почему-то тревожило их. Как дети, оставленные отлучившейся нянькой, они вдруг почувствовали какое-то беспокойство и это чувство еще больше обострило в них желание поскорее добраться до своей пещеры, а потому после обеда все еще с большим жаром принялись за постройку своего оригинального суденышка.

Хозяева возвратились только поздно вечером, когда наши друзья развели уже кольцо костров, приготавлиаясь к ночлегу. Туземцы пришли усталые и печальные. Молча поставили они свои корзины, наполненные плодами. Мать сейчас же увела спать утомленных ребятишек, а старшие грустно, не говоря ни слова, уселись у костров.

Дядя Карл первым решился прервать тяжелое молчание.

— Почему же вы так долго не приходили? — спросил он у хозяина.

— Мы ходили очень далеко, — отвечал тот. — В том месте, где вы были с нами, уже нет больше плодов.

— Да и в том месте, где мы были сегодня, — завтра уже не будет их, — мрачно добавил старик.

Это известие поразило наших путешественников, хотя, в сущности, они должны были бы быть к нему готовыми.

— Но что же мы будем есть через два-три дня? — взволнованно спросил Иоганн, обращаясь почему-то к профессору Курцу — но тот в недоумении только руками развел.

— Ну что ж, дорогой Иоганн, — полушутя, полусерьезно заметил Ганс, — видно уж, для спасения нашей жизни вам придется еще раз выйти замуж за какую-нибудь местную красавицу, продав ей себя за два-три десятка яиц

— Никогда! — вскричал возмущенный гастроном, принимая проект Ганса за чистую монету, — никогда, — довольно с меня и того, что я третий день дрожу при мысли, что, может быть, вокруг нас бродит уже одна моя супруга, поджидая удобную минуту, чтобы схватить меня.

— Успокойтесь, Иоганн, — сказал Бруно, — на этот раз обещаю вам, что, вместо вашей невесты, на дерево за гнездами полезу я сам.

Это замечание настолько успокоило бедного малого, что он не мешал уже более своими замечаниями беседе дяди Карла с хозяином.

— Да, да, — грустно говорил этот последний, — теперь я вижу, что жить в этом месте больше нельзя. Мало осталось уже людей, которые жили здесь прежде. Все уходят в ту сторону, туда, куда течет Большая Река. Все говорят, что скоро сюда придут уже «другие люди», а мой сын ходил сегодня вон туда, далеко, и говорит, что там он уже видел их.

— Ты уже видел их? — с любопытством спросил дядя Карл.

— Да, видел, — печально отвечал юноша... — Их было двое. Они выкапывали из песка яйца чудовищ, которые живут в воде, и складывали их в корзины. Мне говорили, что они это едят...

— Вот видите, Иоганн, значит, новые пришельцы не брезгуют яйцами крокодилов и, вероятно, это обходится им

дешевле птичьих, — заметил Ганс.

Но истинный гастроном только поморщился на это замечание.

Водворилось долгое молчание, и грусть туземцев, Бог весть почему, передалась и нашим друзьям.

— Да, — произнес хозяин с тяжелым вздохом, — жить здесь уже нельзя. И ту хижину, которую вы делаете, — теперь тоже уже не нужно делать, потому что завтра мы уходим отсюда далеко в ту сторону, куда идет «Большая Река». Там, в той стороне, много зверей и чудовищ, но там нет еще «других людей», и еще очень много плодов, которых здесь уже нет.

В тоне говорившего слышались и грусть по родному насиженному месту, и надежда на будущее, и доброжелательное чувство по отношению к европейцам, когда он, обратившись к ним, продолжал:

— Если вы хотите, то пойдите с нами и мы вместе найдем те места, где люди не будут мешать жить один другому.

— Нет, нам нельзя идти с вами, — отвечал ему за всех Ганс. — Вы знаете, что на том берегу «Большой Реки» у нас есть семья и нам нужно идти туда.

— Ну, тогда оставайтесь здесь, — с заметной печалью говорил хозяин, — мы дадим вам одну корзину с плодами, но знайте, что больше вы не найдете уже их в этом месте.

— Этого будет довольно. Мы скоро перейдем реку, а там мы уже знаем, где доставать плоды.

Грустно улеглась на покой в этот вечер небольшая колония, которая еще так недавно была преисполнена стольких радужных надежд. В последний раз туземцы заботливо оберегали ночной покой своих гостей, внимательно поддерживая костры, а европейцы, взволнованные предстоящей разлукой с этими простыми, но приветливыми и радужными людьми, долго не могли уснуть и молча предавались тревожной думе о том, что ожидало их на другой день, когда будут они предоставлены своим собственным силам среди столь чуждой им обстановки и ввиду нашествия, может быть, враждебного племени.

В эту ночь страшнее казался им вой диких зверей, раздававшийся по лесу среди ночного мрака, и чудилось им, будто сегодня смелее и ближе подходили эти чудовища к их яркому кольцу костров. Только убедившись, что туземцы, как и всегда, бдительно поддерживают огонь, они заснули, наконец, побежденные дневной усталостью...

Когда на другой день европейцы проснулись с восходом солнца, то с ними не было уже никого из туземцев. В самом центре их потухшей спальни стояла одна из корзин с плодами, а рядом с нею было воткнуто в песок несколько охотничьих дубинок. Это было последним знаком внимания, которое проявили к своим друзьям жители этой страны, навсегда покидая свою родину.

Сиротливо и словно покинутыми почувствовали себя наши путешественники; даже Иоганн, непримиримый противник туземцев, потихоньку признался Бруно, что, в сущности, народ этот очень порядочный во всех отношениях, кроме разве их закоренелой травоядности, что, конечно, несовместимо с человеческим достоинством.

С этого утра европейцы никогда уже не видали более не только никого из семьи своего хозяина, но и никого из их соплеменников. Вся страна казалась будто вымершей. Так вымирает город, когда, ожидая вторжения сильного врага, жители покидают его, выйдя через одни ворота, тогда как перед другими стоит неприятель, смущенный безмолвием и не решаясь овладеть уже беззащитными стенами...

С особым усердием работали в этот день европейцы над своей лодкой, благодаря чему к обеду она была уже окончена. Тогда, уложив в нее остатки своей провизии и охотничьи дубинки, которые должны были служить веслами, они подняли свой кораблик на жерди и вчетвером понесли его через ручей, в свою очередь, покидая то место, где волей необыкновенного случая им пришлось прожить несколько дней среди столь исключительных условий. Много труда стоило им перетащить свою ношу к берегу «Большой Реки», но, наконец, они добрались до той самой лужайки, на которую вышли, преследуемые своими маленькими му-

читателями. С необыкновенной радостью заметили они, что на противоположном берегу по-прежнему лежат их костюмы и теперь, глядя на них, в их сердцах еще с большей силой зашевелилось нетерпеливое желание поскорее возвратиться к культурным временам существования. К счастью, они очень неподалеку нашли глину, и потому немедленно же принялись за обмазку своей лодки, а затем, когда могучее тропическое солнце услужливо подсушило наложенный на нее глиняный слой, они старательно обложили его пальмовыми листьями и, таким образом, часам к трем дня судно было готово и осторожно спущено на воду.

Приближалась минута их освобождения, и теперь даже дядя Карл, так охотно пребывавший среди доисторического человечества, невольно чувствовал радость при мысли о том, что, может быть, через несколько часов все они снова будут уже в привычной им культурной обстановке.

— Ну, господа, — сказал весело Ганс, любуясь на колыхавшуюся на воде лодку, — теперь, я думаю, мы можем приступить и к переправе.

Но едва успел он проговорить эти слова, как в лесу, со стороны их прежнего становища, послышался отдаленный треск ломавшихся ветвей под ногами, вероятно, многочисленной толпы, а до слуха европейцев долетел и ее говор. С минуту все стояли молча, в недоумении поглядывая друг на друга.

— Эге, кажется, теперь нечего дремать, — вполголоса проговорил наконец Ганс, — живо за дубинки и в лодку!

Повторять эту команды ему, конечно, не пришлось, так как все четверо, захватив свои импровизированные весла, вскочили в корзинку и, осторожно отталкиваясь кольями, двинули ее вперед, не переставая с любопытством глядеть на берег в ожидании увидеть тех, кто пришел в эти места на смену прежним Обитателям этих лесов.

Действительно, не успели они проплыть и десяти метров, как на песчаной отмели уже показалась густая толпа.

И подлинно то были «другие люди», как называли их прежние туземцы. Смуглокожие, рослые и крепко сложенные, они были повязаны у поясов уже не листьями, а зве-

ринами шкурами; в руках у каждого из них были уже не простые, заостренные огнем колья, а короткие дубинки с прикрепленными на концах камнями. Не было у них и того открытого, непринужденного добродушия, которым отличалось вытесненное ими племя, и хотя они и не казались свирепыми дикарями наших времен, но все же в них была заметна какая-то неприятная, немного суровая сдержанность, которая сразу говорила, что племя это уже утратило ту простоту нравов и ту теплоту отношений друг к другу, за которые наши путешественники так полюбили прежних жителей этой страны.

— Ну, дядя, кажется, что этим угрюмым молодцам тебе недолго пришлось бы объяснять, — что такое обман, — проговорил Бруно.

— Скажи лучше, что они сами растолковали бы дяде, что это за штука, если бы к тому представился случай, — заметил Ганс.

Между тем, стоявшая на берегу толпа с необыкновенным любопытством рассматривала лодку, которая находилась теперь уже на середине реки.

— Ох, господа, — заметил Иоганн, усердно гребя своей палкой, — кажется, мы как раз вовремя покидаем эти места. Не нравится мне что-то этот народец, — уж что-то он очень мрачен... Эге! Да никак они собираются пуститься за нами в погоню!..

Действительно, среди пришельцев произошло вдруг некоторое движение, и передние ряды их вошли в воду. Эффект этого предприятия совершенно удовлетворил Иоганна, так как люди эти тотчас же выскочили обратно на берег и, хотя молча, но с необыкновенной поспешностью принялись обирать на себе присосавшихся пиявок, тогда как товарищи с удивлением окружили пострадавших. В восторге от такой неудачи, жестокосердный Иоганн даже приподнялся в лодке, чтобы лучше рассмотреть, что происходит на оставленном ими берегу.

— Удивительное дело, — продолжал он ораторствовать довольно спокойным тоном, так как чувствовал, что для пришельцев его особа недосягаема благодаря непроходи-

мой реке, — замечаете ли вы, как терпелив этот народ? Ведь вот их там искусано, вероятно, с дюжину, а между тем мы не слышали ни единого крика боли. С вашего позволения, господин профессор, я посоветовал бы вам отметить черту этого народа...

Бедный малый не успел окончить своего совета ученому мужу, так как лодка, причалив к берегу, получила толчек и гастроном, потеряв равновесие, покатился в воду, откуда выскочил, оглашая окрестность жалобными воплями. К счастью, товарищи тотчас же освободили его от пиявок, и Иоганн, искусанный, но счастливый, бросился к куче платья, которое по-прежнему продолжало лежать там же, где около двух недель тому назад, было оставлено нашими друзьями.

— Надеюсь, господа, — весело говорил он, — что это мое последнее допотопное приключение. Теперь, ради Бога, скорее в Европу, в Нюрнберг.

Вместе с Иоганном все поспешили к костюмам, и дядя Карл первым одел свои очки, а через пять минут все четверо снова превратились уже в европейцев и, стоя на берегу, с невольным волнением глядели, как медленно уплывала их спасительная лодочка, уносимая рекой вниз по течению.

— Теперь, через какой-нибудь час, мы будем уже держать в руках наши спасительные крупинки, — весело заметил Бруно. — Ну что, все ли вы готовы в путь?

— Не забыли ли вы, господин профессор, чего-нибудь из вашего костюма? — заботливо осведомился Иоганн, сразу входя в свои обязанности.

— Ах, Боже мой! — воскликнул на это ученый, ударяя себя по лбу. — Ведь я забыл на том берегу...

— Забыли на том берегу? — прервал его в неопisanном изумлении Иоганн. — Да что же вы умудрились забыть-то там? Помилосердствуйте, вспомните, с чем мы пришли туда!

— Что я там забыл? Вы думаете, несчастный, что мне нечего было там забыть! Так знайте же, что все эти дни я неустанно трудился над измерением лицевого угла у местных

жителей, что мне и удалось сделать при помощи тоненьких веточек. А теперь оказывается, что я забыл все эти снимки на том берегу.

— Ну, если дело идет только о тоненьких веточках, то тут, пожалуй, нет еще большой беды.

Нет никакого сомнения, что между дядей Карлом и Иоганном закипела бы по этому поводу жаркая словесная битва, если бы Ганс не предупредил бы ее в самом начале.

— Господа, я прошу вас отложить все ваши объяснения в этом роде до нашего возвращения в Мадрас; помните, что мы далеко еще не достигли нашей пещеры и что до нее остается, по крайней мере, целый час ходьбы по девственному лесу; ну, а вы знаете теперь по опыту, что такая прогулка в эти времена вовсе не шуточное дело.

Эта короткая речь подействовала на спорщиков очень успокоительно, и наши путники, бросив последний прощальный взгляд на «Большую Реку», на «других людей», толпившихся еще на противоположном берегу ее и на свою, едва видневшуюся, спасительную лодочку, углубились в густые заросли леса, стараясь припомнить и отыскать дорогу к покинутой ими пещере.

Только теперь, когда они были предоставлены самим себе, европейцы, к несказанному своему изумлению, обнаружили в себе необыкновенную перемену. Оказалось, что за время их пребывания среди «допотопного мира», как выражался Иоганн, чувства их значительно обострились, хотя по тонкости и уступали, конечно, чутью туземцев. Раз два или три, благодаря этому обстоятельству, им удалось счастливо избежать столкновения со змеями, что, конечно, немало облегчило им обратный путь.

— А ведь это весьма недурное приобретение, — заметил по этому поводу Бруно.

— Ну, не совсем так, — боязливо возразил Иоганн, — правду вам сказать, я побаиваюсь, как бы это наше сходство с дикарями не зашло бы слишком далеко, и не уронило бы нашего человеческого достоинства в Европе. Да и к чему могут понадобиться все эти качества цивилизованному человеку! Ведь в Нюренберге, слава Богу, воспрещено диким зве-

рям водиться на улицах, а карьера охотничьей собаки меня вовсе не соблазняет.

— Зато, мой дорогой Иоганн, — вставил Ганс, — теперь уже не один мясник на рынке не надует вас, продав вам домашнюю кошку вместо дикого зайца, как это однажды уже случилось с вами.

— Да! Вот это, пожалуй, кое-чего и стоит, — согласился ученый гастроном, которому Ганс напомнил одно из печальнейших событий в его кулинарной практике.

Болтая таким образом, они часам к пяти вечера достигли, наконец, той прогалины, на которой находилась покинутая ими пещера. Здесь все оставалось в прежнем положении и казалось, что за время отсутствия наших друзей сюда не заглядывало ни одно живое существо. Европейцы, конечно, прежде всего бросились в пещеру, но и тут все оказалось нетронутым. Успокоившись на этот счет, они вышли поглядеть — нет ли где-нибудь их проводника, но, к своему крайнему неудовольствию, не могли подметить ни малейших признаков его близости.

— Ну, я так и думал, — с досадой заметил Иоганн, — вероятно, этот малый вернулся в Мадрас, не дождавшись нашего возвращения.

— Господа! — воскликнул Бруно, — все это, по-моему, особенного значения не имеет, и нам прежде всего надо испытать силу наших спасительных крупинок.

— Вот, что верно! — подхватил Иоганн. — Не будем терять времени в пустых разговорах. Я даже не предлагаю вам с дороги закусить по-человечески после столь продолжительного поста, а советую прямо приступить к делу и вернуться поскорее к нашим временам.

Побуждаемые этим желанием, все снова поспешили в пещеру, где Бруно сейчас же отыскал свой резной ларчик с таинственными зернами.

Наступала торжественная минута, которая должна была решить участь наших друзей. И как ни были все они уверены в том, что опыт окажется удачным, но все же тень сомнения в успехе его невольно сжимала тоской их сердца.

— Ну, вот вам и наши спасительные зерна, — с некоторым волнением проговорил Бруно, раздавая каждому по белой крупинке. — Что ж, сейчас же и попробуем их силу? — спросил он, обращаясь ко всем своим товарищам.

— Помните, господа, что, уйдя отсюда, мы уже вряд ли сумеем когда-нибудь снова попасть в эти же самые места, — заметил было профессор.

— Тем лучше! Я против этого решительно ничего не имею, — воскликнул Иоганн.

— Да, да, Бруно, — пора кончать, говори, что нам надо делать с этими зернами, — добавил в свою очередь и Ганс, тоже, видимо, не совсем спокойный по поводу благополучного возвращения их к современности.

Профессор попытался еще раз отдалить немного минуту отъезда.

— Послушайте, господа, я, конечно, не стану противиться общему желанию, хотя по существу и не разделяю мнения...

— Вот это с вашей стороны очень великодушно, господин профессор, не противиться общему нашему желанию, — довольно бесцеремонно прервал его нетерпеливый Иоганн. — Итак, Бруно, — скажите же, что мы должны делать с этими спасительными зернышками!

— О, дело это довольно просто. Их нужно просто положить на язык и проглотить, — вот и все. Однако, на всякий случай, советую делать это всем в одно время. Ну, господа... Раз... два... три!

Повинуясь этой команде, все разом проглотили свои зерна и молча глядели друг на друга в ожидании того действия, которое должно было последовать за этим приемом. И результат не замедлил обнаружиться в самом непродолжительном времени. Не прошло и минуты, как в ушах у них зазвенело, перед глазами поплыли яркие разноцветные пятна, голова закружилась, а по всему телу разлилась приятная теплота. Силы, видимо, покидали их.

Прошла еще минута-другая и все четверо, как подкошенные, повалились на мягкий песок и в тот же миг потеряли сознание.

Глава X

Возвращение или пробуждение?

аннее утро, едва брезжит. В пещере еще темно, но все же, приглядевшись, уже можно различить четыре человеческих фигуры, неподвижно распростерты на песке вокруг большого плоского камня. Это — дядя Карл и его спутники. В глубоком полумраке их смуглые тела, прикрытые полуизорванной одеждой, кажутся безжизненными. Но вот один из них шевелится, меняет позу и просыпается. Это Ганс. Он приподымается, проводит рукою по лбу, как человек, старающийся собраться с мыслями, и вдруг вскакивает, очевидно, припомнив все, что с ними произошло. С беспокойством оглядывает он себя и товарищей и в недоумении останавливается посреди пещеры.

— Неужели же спасительные крупинки не подействовали? — шепчет он и при одной мысли об этом дрожь пробегает по всему его телу. Ганс настолько привык уже к природе, что в том полумраке, который теперь окружает его, он безошибочно узнает утро.

— Значит, мы проспали, по крайней мере, двенадцать часов, — размышляет он. — Однако не худо взглянуть, что творится вне пещеры, — подумал он и, не будя своих друзей, вышел на площадку. Но едва лишь сделал он два-три шага, как вдруг почувствовал, что нога его опускается во что-то теплое и мягкое. Наклонившись, он, к удивлению своему, замечает остатки костра, в котором кое-где виднеются еще тлеющие угольки.

— Что за история такая, — размышляет он, — ведь вчера мы и не думали разводить костер, откуда же взялся он сегодня?

Но удивление его возросло еще больше, когда, шагах в десяти от себя, он вдруг услышал знакомое фыркание коня. Подняв голову, Ганс, к величайшей своей радости, увидел перед собой ту самую бурую лошадку, которая две недели тому назад принесла на своей спине ко входу в эту самую пещеру дядю Карла; а вот и остальные кони мирно пощипывают траву, бродя по лужайке; вот и вьюки лежат в том же порядке, в каком были оставлены нашими друзьями, а подле них мирно похрапывает их проводник, подложив под голову одно из седел.

Недоумевающий, но радостный Ганс опрометью бросился назад в пещеру и принялся неистово будить своих спутников.

— Вставайте-ка, господа, вставайте же скорее! Позвольте вас поздравить с счастливым возвращением.

Спутники его, привыкшие уже к чуткому сну, вскочили разом. Ганс в двух словах объяснил им, в чем дело, и теперь все четверо молча и в недоумении глядели друг на друга.

Иоганн, по-видимому, первым пришел в себя. Он кинулся к тому углу, где у него помещалась его кухня и через минуту радостно объявил, что там все осталось совершенно в том же положении, в котором было оставлено ими перед выходом в минувшую экспедицию.

— Вот это-то меня и смущает, — в раздумье заявил профессор Курц. — Неужели же наш проводник, который тогда исчез так таинственно, потом вдруг вернулся и, не найдя нас, спокойно ожидал нашего возвращения в течение целого полумесяца и притом не только не прикоснулся ни к одной из наших вещей, но даже не брал и съестных припасов!

— Да, это, пожалуй, действительно несколько странно, — согласился Бруно. — Но все же я, прежде всего, предлагаю всем переменить наши истрепанные костюмы, благо что тюк с одеждой у нас в пещере, а по отношению к про-

воднику рекомендую держать себя как можно осторожнее. Иначе ведь Бог знает какие толки могут подняться по поводу нашего странного приключения.

Все согласились с Бруно, а так как становилось уже совершенно светло, то немедленно же занялись экипировкой, и едва успели они окончить свой туалет, как у входа в пещеру показался проснувшийся уже проводник.

— О, о, — произнес он, — господа уже встали! Что же, будем мы завтракать или сейчас же отправимся дальше?

Спокойная речь этого человека очень удивила наших путешественников и они молча переглянулись между собой.

— Дальше! Но куда же дальше? — невольно воскликнул Иоганн.

— Как — куда? — в свою очередь, удивился проводник. — Да ведь вчера же старый господин говорил, что мы проедем еще дальше на северо-запад!

— Вчера... как вчера... — начал было дядя Карл и вдруг остановился. В уме его словно молния мелькнула мысль: «А что, если все наше приключение было не более как сон!...»

Выслав под каким-то предлогом проводника, он сообщил свою догадку остальным и все, кроме Иоганна, нашли эту гипотезу до некоторой степени вероятной, а потому решили исследовать это дело путем осторожных расспросов проводника.

Однако, чтобы ни произошло с нашими путешественниками, но чувствовали они себя настолько утомленными всем, что пришлось пережить им во сне или наяву, что на общем совете единогласно было решено немедленно же возвратиться в Мадрас, отложив на неопределенное время посещение интересных пещер, открытых профессором Вагнером.

Солнце едва показалось над горизонтом, когда наши путешественники уже сидели за пышным завтраком, который «на радости по случаю благополучного возвращения восвояси», как выражался Иоганн, он изготовил по преимуществу из мясных припасов.

За завтраком проводник, незаметно для него, был подвергнут самому хитрому перекрестному допросу по поводу продолжительности пребывания каравана в этой пещере. Из его простых и совершенно ясных ответов было очевидно, что в эти места они прибыли не далее как вчера; что за ночь он не заметил ничего особенного, хотя два-три раза вставал к лошадям; в пещере, куда он, впрочем, не входил, по-видимому, тоже все обстояло благополучно. Таким образом, оказывалось, что все их приключения были, вероятно, не более как сон.

Часам к семи утра маленький караван двинулся уже в обратный путь. Задумчиво следовали европейцы за индусом, который с вьюками несколько опередил их. Как ни убедительны были для них его доводы, но и Иоганн, с своей стороны, также приводил немаловажные доказательства реальности всего случившегося.

— Господа, — говорил он, — если вы хотите знать, сон это или нет, то я советую вам еще раз взглянуть на проклятые листья нашей одежды, несколько штук которых я везу с собой в чемодане — на память о наших приключениях.

— Но ведь эти листья ничем не отличаются от растущих и теперь, а очутиться в нашей пещере они могли и случайно.

— Ну, если вам этого мало, то распахните ваши сорочки и взгляните на вашу кожу. Разве была она когда-нибудь такой смуглой, как теперь? А уж если пошло на правду, то признайтесь откровенно, — разве не чувствуете вы, что эта приличная одежда, которая, слава Богу, облекает теперь наши тела, несколько стесняет нас! Нет, господа, поспи мы таким манером еще хоть с полгодика, так пожалуй, позабыв немецкий язык, болтали бы теперь, как сороки, на допотопном языке, который помним и до сих пор.

— Так значит, по-вашему, наш проводник и наши лошади проспали эти две недели, как одну ночь?!

— Ну уж, этого я вам не берусь объяснить, господин профессор. Может быть то, что здесь было одной ночью, — там оказалось двумя неделями. И я не знаю, чем это было

бы удивительнее сна, который снится разом четырем человекам и оставляет после себя такие поразительные последствия. Я, например, до сих пор не могу отделаться от нестерпимого собачьего чутья, которым наградило меня это проклятое приключение. И вот, несмотря на то, что проводник наш с тюками едет далеко впереди, ко мне в нос так и лезет запах всей нашей провизии, возбуждая мой аппетит, который я только что удовлетворил в достаточной мере.

— Послушай, дядя, — в свою очередь, заговорил Бруно, — а что ты скажешь по поводу самой сущности нашего приключения? Насколько правдоподобным кажется тебе тот мир, который нам удалось так или иначе наблюдать?

— Гм, — задумчиво протянул ученый, — правду сказать, наше сновидение действительно отвечает всем данным, имеющимся у меня по этому предмету. Я не могу себе представить первобытное человечество не таким, как то миролюбивое племя, которое приютило нас в своей среде.

— Но если это племя действительно первобытное, то кто же тогда, по-твоему, те люди, которые вытеснили его?

— Ах, Ганс, да неужели же ты полагаешь, что все тогдашнее человечество целиком было перед нашими глазами? Ведь мы видели только маленький уголок земли, которую тогда далеко на север охватывал подтропический пояс, удобный для заселения. И нет сомнения, что в те времена его обитали уже очень многие племена, сходные между собой своей первобытной культурой. Верования их, как и те, которые мы наблюдали, представляли лишь зачатки религии. Общественность оказывалась явлением случайным, так как каждая семья была совершенно свободна от племени и могла идти, куда ей вздумается. Понятие о собственности тоже едва возникало и распространялось так же, как и у животных, лишь на результаты личного труда. Быт приближался тоже к быту животного, от которого первобытный человек вообще отличался еще очень немного.

— Ну, с этим то я не совсем согласен, — заметил Бруно, — обрати-ка внимание на их нравственные достоинства. По моему, человечество с тех пор не сделало в этом отношении успехов, но, наоборот, проявило значительный упадок. А

вот другое племя, пришедшее на смену первому, по-моему, уже далеко не так симпатично.

— Ну, в этом-то нет ничего удивительного, — племя нашего хозяина жило в благодатных условиях полного довольства. Единственными его врагами были дикие звери, которых тогдашний человек уже не боялся, да грозные явления природы, не особенно вредившие человеку в этих местах. Тогда люди не мешали еще жить один другому, как заметил наш хозяин, и при нас к ним впервые заглянула суровая гостья — нужда, приведя с собой неприветливое племя, уже отмеченное печатью злобы о своем существовании, которую положила на их лица эта неприветливая наставница человечества.

— Скажите, господин профессор, — в свою очередь, спросил Иоганн, — что же такое происходило, примерно, около тех же времен на месте нашего милого Нюрнберга, которого тогда, конечно, еще и не существовало, потому что, как ни расхваливает Бруно этот народ, а все же он при всех своих добродетелях был слишком невежественным для того, чтобы создать такой прекрасный город.

— На месте нашего Нюрнберга происходило, я думаю, что наблюдали мы и здесь, если только волна человеческого расселения достигла тогда до Европы; в противном же случае, — там стояли такие же девственные леса, обитаемые такими же динотериями и мастодонтами, каких мы с вами видели среди дебрей Декана.

Беседуя таким образом, наши спутники все ниже и ниже спускались с возвышенностей горных цепей. Скоро они миновали уже знакомый поселок, а спустя час после полуденного привала увидели уже широко раскинувшийся Мадрас, в который и прибыли незадолго до наступления сумерек.

В своей гостинице они узнали, что отсутствие их продолжалось лишь двое суток и это обстоятельство окончательно убедило профессора в том, что все их приключение было действительно не более как сон.

С необыкновенным наслаждением отдыхали они в эту ночь на мягких, покойных кроватях, хотя, правду сказать,

стены и потолки комнат, казалось, стесняли их дыхание. Наутро многое из их таинственного приключения побледнело уже в их памяти, а организмы начали приходить в свое обыкновенное состояние. Иоганн отделался, наконец, от той остроты обоняния, которая накануне так раздражала его аппетит. Все четверо едва помнили несколько слов из того языка, на котором они еще так недавно говорили между собой совершенно свободно.

— Как жаль, — заметил по этому поводу Ганс, — что вчера никому из нас не пришло в голову составить словарь этого наречия.

— Что вы, Ганс, — возразил Иоганн, — да легкое ли это дело, вспомните, как толсты бывают обыкновенно словари; такие книги, я думаю, нужно писать года по два.

— Вы, мой любезный, как и всегда, сильно ошибаетесь, — со снисходительной улыбкой произнес Курц. — Те словари, о которых вы говорите, содержат от двадцати до тридцати тысяч слов, — а как вы думаете, сколькими словами обходились мы во все время нашей необыкновенной грезы?

— А разве вы, господин профессор, это знаете?

— Конечно. На песчаном берегу ручья я написал и считал все слова этого языка.

— Неужели! И сколько же оказалось по вашему счету? Я полагаю, не менее же пяти тысяч.

— Гораздо меньше. Их всего-навсего 293 слова.

Через три дня пассажирский пароход вышел из Мадраса, направляясь в Европу и увозя с собой профессора Курца и его спутников.

Иоганн ликовал. Продолжительное путешествие было окончено. Друзья возвращались на родину, навсегда покидая страну, в которой им пришлось испытать столь необык-

новенное приключение. И все четверо долго глядели на удалявшийся от них берег, освещенный косыми лучами заходящего солнца, пока не раздался пароходный колокол, призывающий пассажиров к столу, а когда, часа два спустя, Бруно снова вышел наверх, то на небо уже взошла луна, а вокруг парохода беспредельный океан рябил своей монотонной зыбью, сверкавшей подобно чешуе какого-то сказочного чудовища.

Задумчиво глядит юноша в серебристую даль океана, и Бог весть какие думы мелькают в его голове. Но вдруг чья-то тень бесшумно ложится рядом с его собственной. Бруно быстро поднимает глаза. Перед ним стоит Агадарас.

— Добрая ночь! — говорит он, протягивая руку своему приятелю.

— Как, вы здесь, вы едете вместе с нами!

— Да. Я знал, что вы искали меня в Мадрасе, но, к сожалению, тогда я не мог видаться с вами, а потому и решил проводить вас до первой остановки парохода.... Я знаю все, что с вами произошло и что ваш дядя силится доказать, что это не более как сон, но это совсем не так. Одного сна слишком недостаточно, чтобы объяснить ваше приключение. Вы, конечно, хотели бы получить от меня разрешение этой загадки; однако я не могу этого сделать. Одно только могу я сказать вам, — что все то, чему были вы свидетелями, некогда действительно совершалось. Берегите же мой подарок. С его помощью вы можете видеть многое; а если когда-нибудь вам понадобится моя помощь, то вот здесь вы узнаете, как найти меня.

С этими словами он протянул молодому человеку пакет, который тот принял совершенно машинально.

— Ну, а теперь прощайте. Помните, что, доставив вам это маленькое удовольствие, я далеко не считаю себя расплатившимся за вашу услугу.

Сказав это, Агадарас подал руку молодому человеку и, прежде чем тот успел произнести что-либо, он оставил его и скрылся, опустившись вниз по трапу.

На другой и на следующие дни Бруно, при всем желании, нигде не находил своего странного приятеля; только

во время первой остановки парохода, когда часть пассажиров покидала его, он заметил среди других знакомую фигуру индуса, который молча спустился в ожидавшую его шлюпку.

Роман П. Джунковского «В глубь веков: Таинственные приключения европейцев сто тысяч лет тому назад» публикуется по первоизданию (М., типо-лит. Ю. Венер, 1908). В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация, а также некоторые устаревшие обороты приближены к современным нормам.

Сведений об авторе не имеется.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.